

КЛАССИКИ СОВРЕМЕННОЙ МЫСЛИ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
КАЗИМИРА ТЕТМАЙЕРА.

Томъ VI.

СОДЕРЖАНИЕ:
МЕЛАНХОЛІЯ.

Изданіе В. М. Саблина.
Единственный представитель - *Т^{во} Культура*.

9

КАЗИМІРЪ ТЕТМАЙЕРЪ.

КАЗИМІРЪ ТЕТМАЙЕРЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ VI.

Изданіе В. М. Савлина.

84.3
Т 37

КАЗИМІРЪ ТЕТМАЙЕРЪ.

МЕЛАНХОЛІЯ.

ПЕРЕВОДЫ

В. А. ВЫСОЦКАГО И Е. АРЕФЬЕВОЙ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА. — 1910.

29222

Область
юнош
библиотека
г. Свердловск

Читальный зал

Типография В. М. Саблина.

Москва, Петровка, д. Обидной. Телефонъ 131-34.

МЕЛАНХОЛІЯ.

ОНА.

Это было тысячи, тысячи лѣтъ тому назадъ.

Это было въ какой-то странѣ, странной и сонной, въ свѣтъ и лазури.

Люди, тихіе и кроткіе, ходили среди бѣлыхъ домовъ съ красивыми, бѣлыми, блестящими на солнцѣ стѣнами.

Огромные цвѣты спускались сверху къ лицамъ людей, изогнувши въ дугу свои стебли, какъ лебединныя шеи, огромные цвѣты съ освѣжающимъ запахомъ: красныя, пунцовыя, пурпуровыя и лиловыя, огромныя листья, изогнутыя въ дугу, зеленые, металлическіе. Листья дотрогивались сверху до плечъ проходящихъ и словно шептали.

И люди останавливались, очарованные ихъ шопотомъ, потому что листья знали счастье и наслажденіе.

И о счастьи и наслажденіи шептали люди и днемъ и ночью, и никогда не были безъ нихъ.

Безмятежное спокойствіе и солнечная ясность раскинули свои золотистыя, лебединныя флеры надъ городомъ, счастье и наслажденіе исходили изъ нихъ, какъ

солнечный свѣтъ изъ облаковъ. Подъ покрывами, подъ бѣлыми и мягкими покрывами розовыя тѣла женщинъ, ихъ гладкія, круглыя плечи, круглыя и гордыя груди охватывало тепло счастія и наслажденія. И эти женщины останавливались надъ большой зеркальной рѣлкой и любили смотрѣться въ нее, потому что имъ казалось, что они видятъ ангеловъ веселья.

Но вокругъ города была пустыня, безбрежная пустыня съ сѣрыми камнями и песками, съ песчаными холмами, а надъ все́мъ этимъ солнце, словно огонь.

Солнце, словно огонь, солнце-смерть.

Словно смерть, что угрожаетъ кораблямъ передъ бурей, словно смерть, что идетъ за войскомъ, выступающимъ въ бой, словно смерть, приближающаяся къ людямъ во время заразы, было страшно это солнце.

Какой корабль доплыветъ, кто изъ солдатъ не падетъ, кто спасется отъ заразы?

Вотъ идетъ грозная смерть, вотъ идетъ кровавая смерть, вотъ идетъ черная смерть — кто не падетъ ея жертвой? Кто это знаетъ и кто можетъ сказать?

Если она — какъ ураганъ, и никто не знаетъ, сколько деревьевъ захватитъ и свалитъ она.

Ангель смерти вскакиваетъ на колесницу, на мѣдную колесницу, блестящую, какъ щиты во время битвы при свѣтѣ костровъ, потрясаетъ красными возжами, и его вороные кони, вороные кони съ красными поздрами и пламенными глазами, летятъ и брызжутъ пѣной, воздухъ дрожитъ и стонетъ, какъ отъ громовъ или пушечныхъ ядеръ. Это ангель смерти летитъ къ людямъ,

потрясая красными возжами, а изъ бича его, изъ лентъ и молній летятъ искры, какъ огненные черви, стрясенные съ вѣтвей.

Въ дождѣ искръ, въ мятели и вихрѣ искръ, на мѣдной колесницѣ, потрясая красными возжами, летитъ ангелъ смерти къ людямъ.

Волосы его — какъ пламя, глаза — какъ глаза змѣи, что ломаетъ пальмы, рука его — какъ вихрь, грудь — какъ широкая скала.

Какъ ледъ — его сердце, какъ огонь — его мысль.

Онъ не знаетъ состраданія и жалости, боли и муки.

Какъ лава вулкана, какъ землетрясеніе летитъ онъ безъ памяти, безъ цѣли впередъ, впередъ — и уничтожаетъ.

Шумъ наполняетъ воздухъ — весь міръ зашумѣлъ ангеломъ смерти.

Тамъ, надъ той пустыней, среди камней, песковъ и каравановъ, тамъ кружится онъ въ своей колесницѣ, блестящей, какъ щиты въ разгарѣ битвы, потрясаетъ красными возжами, кружить, погоняя коней, описывая быстрые, странные, невѣдомые круги и налетаетъ, какъ соколъ, убиваетъ, какъ молнія.

И однако — она пошла со мной...

Я долженъ былъ итти черезъ эту пустыню, и она пошла со мной.

Закинула мнѣ руки на шею и пошла...

ВЪ БЕЗКОНЕЧНОСТЬ.

Морской заливъ врѣзался между скалъ и горь; небольшой морской заливъ, тихій и спокойный.

У берега, на пескѣ стояли челны и лодки, рыбацкія лодки. Днемъ онѣ бѣлѣли въ заливѣ на голубой поверхности моря, среди волнъ, словно лебеди и чайки среди бѣлыхъ цвѣтовъ, которые колыхетъ на водѣ вѣтеръ; а ночью красные огни маячили въ глубинахъ.

Тамъ жили простые и кроткіе люди, рыболовы и пастухи, отрѣзанные отъ міра.

Среди нихъ былъ юноша, о которомъ говорили, что онъ любимецъ боговъ, потому что боги все ему дали: дали красоту, мужество и силу, мудрость и могущество; дали ему достатокъ и любящихъ родителей и дѣвушку съ высокой грудью и съ пурпуровыми влажными устами, чтобы съ нею не тосковалъ онъ днемъ, и ночь его не была напраснымъ бодрствованіемъ и тяжелымъ раздумьемъ; дали ему дружбу людей и почетъ, словомъ все, что боги могутъ дать человѣку. А сила

и мужество его были такъ велики, что его звали Щитъ и Ударъ, Броня и Мечъ, Стѣна и Ровъ, Левъ и Орелъ.

Онъ былъ вождемъ родного города.

Но однажды въ лѣтній день, когда небо, казалось, таяло въ солнечномъ свѣтѣ, горы за лазурной далью расплывались мглою въ пространство, а море, казалось, тонуло въ блескѣ и глубинѣ воздуха, — поднялся крикъ, что непріятель идетъ по ущельямъ за стадами и кораллами, за богатствами и добычей за женами и дѣтьми.

Не испугались жители города, потому что юноша, благословенный богами, былъ съ ними, и они побѣжали къ нему.

Бѣжали съ крикомъ: «встань и иди, врагъ приближается».

Въ это время онъ сидѣлъ на краю лодки, опустивъ голову на руки, и смотрѣлъ въ пространство, словно не слыша ихъ. А когда они подошли совсѣмъ близко со словами: — «встань и иди, непріятель приближается», — онъ словно очнулся отъ сна и отвѣтилъ: — Не пойду.

И улыбнулся кротко и печально.

Народъ замолчалъ, онѣмѣвъ отъ изумленія и, думая, что ослышался, спросилъ: — Что сказалъ ты?

И онъ отвѣтилъ: — Ухожу.

Съ минуту длилось молчаніе, а потомъ вырвался крикъ: — Ты покидаешь насъ?

Юноша кивнулъ головой, улыбаясь кротко и печально, какъ прежде.

Стоишь и вопль огласили воздухъ, народъ бросался

къ его ногамъ, моля о защитѣ, они призвали отца его, мать, невѣсту, чтобы вмѣстѣ съ ними умолять его. Родители обняли его плечи, невѣста обвила своими свѣтлыми волосами его колѣни, и онъ чувствовалъ на нихъ ея уста. И они со слезами умоляли его за себя и народъ.

— Не покидай! — кричали они и не могли понять причины.

А онъ медленно отстранилъ отца и мать, положилъ руку на свѣтлую голову дѣвушки, всталъ и вошелъ въ лодку. Улыбнулся ласково и печально, тронулъ веслами.

Пораженный стоялъ народъ на берегу.

А онъ, проплывъ яркій заливъ, вышелъ изъ лодки и, оставивъ ее у надводныхъ камней, поднялся на гору.

— Куда идешь ты? — долетѣлъ до него крикъ съ берега. — Куда идешь? Неужели у тебя есть что-нибудь дороже родины, дома, родителей и невѣсты, дороже свободы, народа, славы и почета, счастливой жизни и безсмертной смерти. Куда же идешь ты?

А онъ отвѣтилъ: — Въ безконечность.

ЮБИЛЯРЪ.

Очеркъ.

Онъ вернулся съ юбилейнаго чествованія.

Пятьдесятъ лѣтъ, полстолѣтїя онъ писалъ: лирическія стихотворенія, драмы, повеллы, повѣсти, эпическія поэмы — вотъ результатъ его полувѣковой творческой работы.

На славу себѣ, на честь своему народу работалъ онъ, и народъ сумѣлъ оцѣнить его. Онъ далъ ему все, что могъ: почести, богатство, славу.

Лавровые вѣнки, давно засохшіе и свѣжіе, юбилейные, висѣли на стѣнахъ; на столахъ лежали книги, которыя ему подарили на память, наконецъ, въ честь его было устроено грандіозное празднество, и весь народъ въ лицѣ своихъ представителей собрался у его стола, чтобы сказать ему: «ты могучъ, ты великъ!»

И вотъ онъ, почти семидесятилѣтній старикъ, довольный, но утомленный оваціями, сидѣлъ въ своей гостиной въ удобномъ креслѣ и всматривался въ огонь, разведенный по старинному въ каминѣ, и думалъ: — жизнь не прошла даромъ...

Уже наступила поздняя ночь; тишина воцарилась кругомъ. Вдругъ старикъ вздрогнулъ; до слуха его долетѣлъ какой-то стонъ.

— Галлюцинація, что ли?

Но стонъ повторился снова, и затѣмъ раздалась душу раздирающіе крики и вой. Что-то случилось внизу.

Онъ позвонилъ, — никто не явился на зовъ. Вѣроятно, прислуга, разбуженная крикомъ, побѣжала внизъ.

Встревоженный старикъ началъ ходить по комнатѣ; стоны и вопли прекратились, но вмѣсто нихъ послышался гамъ громкихъ мужскихъ и женскихъ голосовъ. Онъ не могъ понять, что тамъ случилось. Онъ сталъ терять терпѣніе, раздражаться; наконецъ, вышелъ изъ комнаты. На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ своего лакея. Тотъ, задыхаясь и сильно волнуясь, остановился и крикнулъ:

— Баринъ, баринъ! Что тамъ случилось!..

— Что? Говори! Я туда иду.

Лакей поднялъ руки, словно желая остановить его, и сказалъ.

— Баринъ, не ходите туда! Тамъ ужасная вещь! Тамъ трупъ!

— Трупъ?!

— Да! У столяра, который живетъ въ подвалѣ, есть дочь. Дѣвушкѣ этой лѣтъ пятнадцать, а она уже стала горькой пьяницей. Крада у отца деньги на водку; про это всѣ знали, и онъ не разъ колотилъ ее.

Вотъ и сегодня онъ началъ ее бить, и такъ билъ, что жена заступилась за нее. Тогда онъ, въ изступленіи, схватилъ топоръ, ударилъ жену обухомъ по головѣ и убилъ. Его уже взяли. Не ходите, сударь, тамъ масса всякаго сброда и полиція; тамъ и трупъ столярихи. Она еще не старая женщина, около сорока лѣтъ. И надо же было этому случиться какъ разъ сегодня, послѣ вашего юбилея.

Старый поэтъ вернулся къ себѣ.

— Прикажете раздѣть, сударь?

— Не надо. Уйди! Я хочу остаться одинъ.

Лакей вышелъ.

Усѣвшись въ кресло, какъ раньше, онъ опять сталъ всматриваться въ огонь, горѣвшій въ каминѣ. Полвѣка труда... состояніе... слава... почести...

И ему вспомнились слова одного изъ ораторовъ, говорившаго рѣчь въ честь его: «Почтенный юбиляръ, увѣнчанный лаврами, трудился полстолѣтія съ рѣдкимъ самопожертвованіемъ и самоотверженностью на благо общества»...

Два часа тому назадъ эти слова, быть можетъ, пріятно щекотали самолюбіе старика, но теперь, вспоминая ихъ, онъ чуть не закричалъ: «Неправда! ложь!»

Онъ трудился только для себя, для своихъ матеріальныхъ выгодъ и для удовольствія той горсточки людей, которая называется привилегированнымъ клас-

сомъ. Влюбленные студенты учили на память его лирическія произведенія; истерички плакали надъ его повѣстями и падали въ обморокъ въ ложахъ на его драмахъ; старые профессора и нѣсколько образованныхъ диллетантовъ восхищались его эпопеей; все это онъ зналъ — за это ему и устроили юбилей, называли гордостью страны, столпомъ общества, его главой, его украшеніемъ и фундаментомъ.

А онъ туда, къ фундаментамъ, въ подвалы, и не сходилъ никогда. Аристократъ по убѣжденію, онъ блисталъ въ будуарахъ и салонахъ и не думалъ ни о чемъ, кромѣ славы и жизненныхъ удобствъ. И это называется полувѣковой работой на благо народа, — самопожертвованіемъ и самоотверженностью...

Какъ это справедливо!..

Да, природа дала ему необыкновенный талантъ, быть можетъ, даже геній. Богъ знаетъ, что могъ бы онъ сдѣлать, а что сдѣлалъ? Встряхнулъ нервы двухъ-трехъ, можетъ быть, нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей. А милліоны, огромные милліоны? Они не получили ничего отъ его трудовъ, вѣрнѣе — даровъ, которыми наградила его природа. Никогда не сходилъ онъ туда внизъ, въ подвалы, со свѣтомъ своего ума, со своей мыслью и словомъ.

Его называли «апостоломъ духа». Какъ справедливо!

Туда надо было идти и нести съ собой ученіе Христа, чтобы имѣть право называться «апостоломъ духа».

Подъ его ногами, тамъ внизу происходило что-то,

но онъ не хотѣлъ этого видѣть. Для этого онъ былъ слишкомъ славенъ и великъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ творилъ только для тѣхъ, кто угощалъ его шампанскимъ и сажалъ на первомъ мѣстѣ: онъ писалъ прежде всего для вельможъ и богатыхъ комерсантовъ...

Да, не разъ отгонялъ онъ отъ себя мысли, которыя приходили ему въ голову, комкалъ листы, которые появились у него сами собой, чтобы только не задѣть той среды, въ которой онъ жилъ.

Да, онъ былъ апостоломъ, но только своего собственного корыстолюбія.

Въ то время, когда тамъ, внизу, въ подвалахъ, нищета, подобно раку, разъѣдала народъ, а преступленіе, ея неизмѣнный спутникъ, устраивало дикія оргіи, онъ спокойно скандировалъ свои александрійскіе стихи въ изящномъ кабинетѣ, курилъ дорогія сигары въ роскошной гостиной или, сидя въ своей ложѣ, ожидалъ аплодисментовъ театральной публики. Вотъ—примѣръ его апостольскаго служенія, его права на это имя!

Когда-то, въ дни его молодости, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, его другъ, теперь уже давно умершій художникъ, сдѣлалъ набросокъ Спасителя. Христось, сгибаясь подъ тяжестью креста, который онъ несъ на Голгофу, нашелъ еще въ себѣ силу протянуть свободную руку старику, сбитому съ ногъ римскимъ воиномъ. Объ этой картинѣ много говорили тогда. Художникъ старался придать лицу Христа выраженіе безконечнаго самозабвенія и состраданія.

По странной ассоціаціи впечатлѣній эта картина, о которой поэтъ не вспоминалъ, быть можетъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ, живо встала вдругъ въ его памяти. Онъ закрылъ руками лицо и опустилъ голову на грудь. Ему казалось, что этотъ Христосъ, съ протянутой къ унавившему старику рукою, смотритъ на него съ укоромъ съ забытой картины... Вѣдь онъ на своихъ плечахъ не несъ ничего и, однако, никому не протянулъ руки!

Несчастье никогда не висѣло надъ нимъ, а онъ помнилъ только о себѣ!..

Вся его жизнь, полвѣка труда и триумфовъ, показала ему такой ничтожной, пустой, загубленной...

И нужно же было случиться такому страшному несчастію, чтобы разбудить его отъ этого эгоистическаго сна!.. Почему же онъ просыпается такъ поздно?.. Слишкомъ поздно!..

Въ эту минуту онъ чувствовалъ такое презрѣніе къ себѣ, къ своей собственной душѣ. Вся его философія, основанная на законѣ необходимости, исключаящая вину и награду, рухнула; онъ чувствовалъ себя виноватымъ. Ему захотѣлось выбросить за окно всѣ вѣнки, подаренные на память, всѣ книги и всѣ подарки; онъ старался вычеркнуть изъ своей памяти лицъ, которыя были вокругъ него въ день его полувѣкового юбилея, чтобы окружать его похвалами и почестями.

— Почему же, — повторялъ онъ, — почему сегодня вечеромъ за мой столъ не сѣла семья этого столяра, чтобъ прочесть книжку, которую я написалъ бы для нихъ, которая несла бы имъ ученіе Христа.

Онъ чувствовалъ такую вину, такое презрѣніе къ себѣ, вся его прежняя жизнь казалось ему такой ничтожной...

Начинать новую — было слишкомъ поздно.

ТРИУМФЪ.

Передо мною былъ лѣсъ, огромный лѣсъ.

Колоссальныя горы, поросшія лѣсомъ, полныя коварныхъ бездонныхъ расщелинъ, шумѣли потоками и водопадами, зіяли обрывами и безднами, въ которыхъ жила, казалось, смерть.

Мои люди и машины прокладывали путь по этимъ лѣсамъ и сверлили огромныя горы. Сотни топоровъ поднимались и рубили деревья, и всѣ эти сотни топоровъ двигала моя рука. Въ гудящихъ и стучащихъ машинахъ гудѣла моя воля, стучало мое сердце. Сотни людей чувствовали, дѣйствовали и жили благодаря мнѣ. Моя жизнь, моя воля была въ тѣхъ динамитныхъ минахъ, которыя разрывали скалистые утесы и каменные глыбы. Когда мои глаза остановились на верхушкѣ ели, знавшей только вѣтеръ и когти орла, который качался на ней, — ель дрожала и падала, гордая, на землю. Громадныя, вѣковые буки грустно опускали вѣтки въ ожиданіи смерти. Потоки, когда я становился надъ ними, переставали журчать, прежде чѣмъ упасть въ каменную

бездну, которая открывалась подъ ними. Вѣтеръ, у котораго я отнималъ деревья тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ онъ дико и пронизительно шумѣлъ, славословя глушь лѣсную, или успокаивался, полусонный и тихій, какъ рысь, насытившаяся добычей, — съ бѣшенствомъ билъ меня по лицу за то, что я его обкрадывалъ и обижалъ. Олени, у которыхъ я отнималъ лѣсъ, при видѣ меня поклоняли рога и злобно ревѣли. Въ дѣвственную, вѣковую глушь лѣсовъ я внесъ уничтоженіе, несчастье, страхъ и смерть.

Но тамъ...

Туда я несъ жизнь! Туда, за горы, вмѣстѣ со свистомъ паровоза и грохотомъ вагоновъ должны были проникнуть лучи свѣта, новая, юная, лучезарная жизнь. Вмѣстѣ со свистомъ паровоза и грохотомъ вагоновъ туда должна была проникнуть культура, невѣдомое доселѣ благосостояніе, должна была проникнуть новая эпоха, возрожденіе всего, что обваливалось и покрывалось плѣсенью. Съ громкимъ крикомъ: «жизнь! жизнь!..» шель я впередъ, пробиваясь сквозь заросли, провалы, лѣса, чащи, рѣки, овраги и пропасти, пугая орловъ, волковъ, горныхъ олелей, — и рука моя поднимала сотни топоровъ, въ гудящихъ и стучащихъ машинахъ гудѣла моя воля и стучало мое сердце.

Такъ шель я впередъ! впередъ! впередъ!

Мы уже глубоко врѣзались въ лѣсную глушь. Наши костры ночью горѣли краснымъ огнемъ и били вверхъ клубами дыма; глухія вѣсти о насъ, должно быть, проходили за горы и лѣса: къ намъ подкрадывались иногда

изумленные и испуганные люди и смотрѣли сквозь заросли и чащи на нашу работу. Мои люди называли ихъ лѣшными.

А мнѣ было такъ хорошо! Вокругъ меня была дикая, свободная, первобытная природа, а передо мною прекрасная, великая, святая цѣль!

Въ этой напряженной жизни у меня не было времени колебаться, не было времени отравлять своихъ мыслей самымъ ужаснымъ изъ всѣхъ вопросовъ: «зачѣмъ?» Конечно, конечно: зачѣмъ я шелъ туда, зачѣмъ я строилъ эту дорогу? Несу ли я, дѣйствительно, добро. не вызоветъ ли оно новаго зла, которое будетъ хуже того, что было до сихъ поръ? Конечно... Но я не спрашивалъ себя объ этомъ. Мѣрный стукъ топоровъ и ихъ громкое эхо отгоняли отъ меня всѣ рефлективныя, критическія мысли; я чувствовалъ, что творю, творю, стремлюсь, что трудъ самъ по себѣ можетъ быть цѣлью, счастьемъ, упоеніемъ, какъ всякое наслажденіе, котораго ищешь только ради наслажденія, какъ умственная гимнастика при трудномъ, тяжеломъ чтеніи непонятныхъ книгъ. Человѣкъ, впрочемъ, похожъ на ребенка, который скачетъ и бѣгаетъ, не задумываясь надъ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ: его толкаютъ къ этому его молодыя силы. Точно также нужна активная дѣятельность тѣмъ людямъ, которые способны къ ней, у которыхъ хватаетъ силы, смѣлости и предпріимчивости.

Когда я закончилъ планъ моей постройки, мнѣ казалось, что я не усажу въ бюро, надъ столомъ, картами, циркулемъ. Воображенію рисовалось то, что я вижу

теперь, — я уходилъ въ лѣсъ, тонулъ въ морѣ дѣвственной жизни, — и не разъ, проводя линіи по бумагѣ, вскакивалъ изъ-за стола съ поднятыми вверхъ руками, съ стѣсненнымъ дыханіемъ и сдавленнымъ крикомъ на губахъ. Моя душа, душа первобытнаго человѣка, рвалась въ свою родину, въ свой домъ! Но я не шелъ туда только затѣмъ, чтобы жить тамъ: у меня была цѣль, меня вела мысль, воля, стремленіе; я шелъ, отдаленный отъ своего первобытнаго «я» цѣлыми эрами цивилизаціи, десятками тысячъ лѣтъ.

Медленно, съ упорнымъ сопротивленіемъ разступалась передъ нами лѣсная глушь. Не разъ, когда я смотрѣлъ на овраги, засыпанные щебнемъ, раздробленными стволами елей и буковъ, корнями, вывороченными изъ земли, мнѣ казалось, что лѣсъ призываетъ кару и месть на мою голову за насиліе. Торчащіе вверхъ вѣтви и корни казались мнѣ похожими на руки какихъ-то титановъ и гигантовъ, которые поломали и раздробили буйный богъ. А тамъ, вверху, вѣдь должна же быть какая-нибудь Немезида или Фатумъ, которые выше боговъ и людей.

Иногда меня охватывалъ страхъ.

Какое дѣло было этой лѣсной глуши, этимъ вѣковымъ деревьямъ и неподвижнымъ скаламъ до какого-то свѣта, какихъ-то людей, до какой-то человѣческой цѣли? Какая связь у холодной, невозмутимой и равнодушной природы съ жизнью человѣка? Что общаго между ними? Какъ звѣзды на небѣ, такъ деревья на землѣ не знаютъ ничего о человѣкѣ. Физически су-

ществуетъ одна только огромная, общая матерія, одно общее первобытное начало, одно первосуществованіе, общій элементъ, къ которому все можно привести, — но въ остальномъ

Всѣ мы — лодка на бѣшеныхъ волнахъ
Безучастнаго моря Природы...

Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и ненависти, но единственнымъ чувствомъ, какое могло бы существовать между человѣкомъ и природой, если бы вообще между ними могло существовать какое-нибудь чувство, — была бы ненависть. Тамъ, вверху, надъ землей, въ «глазахъ звѣздъ смотритъ страшное, вѣчное равнодушіе бытія»; тутъ, внизу, на землѣ, гдѣ кипитъ борьба, царила бы ненависть, вражда.

Вечеромъ я засыпалъ, какъ камень, отъ усталости, но не разъ утромъ, когда тучи окутывали горизонтъ, когда верескъ и дикая малина, прильнувшіе къ соснамъ, грустно тонули въ туманѣ, когда роса стекала по стволамъ деревьевъ или падалъ дождь, и кучи срубленныхъ великановъ, распиленныхъ балоковъ и досокъ блестѣли, какъ стекло, отъ дождя, распространяя ѣдкій, затхлый запахъ, — меня охватывалъ какой-то страхъ.

Мнѣ хотѣлось тогда раскрыть руки и крикнуть гдѣсу:

— Пойми то, что я человѣкъ, что я долженъ такъ дѣлать! Пойми, что я не иду противъ тебя только ради

борьбы, ради побѣды надъ тобой, — меня ведетъ высшая сила, тотъ духъ, котораго ни я, ни ты не постигаемъ, который Богъ вдохнулъ въ человѣка, предоставивъ только Себѣ понимать и видѣть его. Богъ предназначилъ тебѣ заградить намъ путь, а намъ прокладывать его черезъ тебя — ты долженъ покориться, долженъ уступить, ты — слѣпая, безвольная сила, какъ стадо буйволовъ, — ты долженъ быть побѣжденъ человѣческимъ разумомъ. Отчего ты не бросаешь на насъ каменныхъ глыбъ со своихъ скалистыхъ обрывовъ, отчего не потопишь насъ въ наводненіи, отчего не дашь граду бѣшеныхъ молній стереть насъ съ лица земли?! Ты — мертвъ, безмысленъ, безволенъ, ты — стадо буйволовъ, которыхъ одинъ пастухъ гонитъ бичомъ, а они идутъ тада, куда онъ имъ велитъ.

Но иногда мнѣ казалось, что оттуда, изъ лѣсной глуши, раздается какой-то голосъ, что какой-то духъ природы, огромный и страшный, поднимается противъ меня и смотритъ мнѣ прямо въ лицо, встаетъ изъ овраговъ, изъ-за лѣсныхъ холмовъ, такъ что я вижу его грудь. Наводитъ на меня ужасъ своими глазами, похожими на градовыя тучи зловѣще-синяго цвѣта, и шириною своихъ плечъ, похожихъ на скалы; но онъ не поднимаетъ рукъ противъ меня: я ихъ не вижу за зарослями холмовъ. И мнѣ казалось, что онъ улыбается съ какою-то спокойной ироніей бога-великана.

— Значитъ, ты не ударишь меня молніей, не столк-

нешь меня въ пропасть, а позволишь ничтожной змѣѣ, которая ползаетъ по землѣ и которую я могу раздавить каблукомъ, или скоропіону, который убѣгаетъ передо мной, — укусить меня?

А страшный духъ улыбался, скрывшись по грудь за холмомъ, а потомъ прятался весь, чтобы улечься на болотномъ мху и положить свою бороду на верескъ и на кусты дикой малины.

Я не знаю, долго ли мы были въ лѣсной глуши, такъ какъ почти потеряли счетъ днямъ и ночамъ. Но прошло уже, вѣрно, мѣсяца два. Сначала мы встрѣчали пастуховъ и лѣсничихъ; потомъ никого, кромѣ людей, жившихъ по сторону лѣса, которые появлялись время отъ времени въ заросляхъ.

И вдругъ однажды, при заходѣ солнца, когда всѣ мы кончали работы и собирались въ наши хижины, мы услышали лай собаки.

Почти всѣ мы невольно улыбнулись и нѣкоторые крикнули радостно: «а! а!» Мы совсѣмъ уже одичали въ лѣсной глуши и отвыкли отъ жилищъ и домашнихъ животныхъ. Быть можетъ, въ первый разъ послѣ столькихъ недѣль мы оглядѣли другъ друга: мы были почти черны отъ дыма, смолы, вѣтра и солнца, оборвались, обросли, — скорѣе шайка разбойниковъ, чѣмъ люди культурнаго міра.

Собака лаяла; по лаю я узналъ, что это была охотничья гончая, которая лаяла на нашъ слѣдъ. Вскорѣ

она зашумѣла въ заросляхъ, а потомъ высунулась изъ нихъ на половину и залилась. А потомъ, точь-въ-точь, какъ въ романтической сказкѣ, среди кустовъ и деревьевъ показалась сначала голова серны, а потомъ какая-то волшебная принцесса или лѣсная нимфа съ соколомъ на рукѣ, одна изъ тѣхъ, про которыхъ говорятъ: нѣтъ, тебя нѣтъ вовсе, ты — лишь чудесное видѣнье.

И лѣсъ зашумѣлъ какъ-то странно, не такъ, какъ всегда. Какая ласковая, сладкая мелодія поплыла по вѣтвямъ деревьевъ, все дальше, дальше, и расплывалась, таяла въ темнотѣ.

«Я заколдованный лѣсъ, бездонная пуща», — шумѣло среди буковъ и елей.

«Пуща, гдѣ не ступала нога человѣка. дѣвственный лѣсъ, смолистый лѣсъ.

«Пойди, углубись въ меня, погрузись въ меня, какъ въ холодную, ключевую воду, какъ въ ароматный источникъ, что течетъ среди сада.

«Какъ въ ароматный источникъ, поросшій лиліями и красными тюльпанами.

«Пойди, пусть шумитъ вода у твоей шеи и, какъ звѣзды, пусть падаютъ капли въ твои глаза».

Это продолжалось, вѣрно, только секунду. Когда я снова взглянулъ въ ту сторону, ея не было.

Я не пошелъ, какъ всегда, ужинать вмѣстѣ съ рабочими у костра. Я заперся въ моемъ шалапѣ и бро-

сился на постель. Два мѣсяца я не видѣлъ женщины, забылъ о ней, отвыкъ отъ нея.

Въ этой глуши, среди постоянной борьбы и постоянныхъ трудовъ, живя только тою мыслью, которая вѣчно звучала въ моей головѣ, я попросту не имѣлъ времени думать о женщинѣ. Ничто не наводило меня на мысль о ней, ничто о ней не напоминало. Въ томъ мѣрѣ, черезъ который мы шли, было столько какого-то грознаго величія, въ нашей работѣ было такъ много серьезнаго и важнаго, что никто даже не пѣлъ веселыхъ или залихватскихъ пѣсенъ, никто не говорилъ о развратѣ или безчинствахъ. Тяжелый трудъ и величье природы превратили насъ въ какихъ-то духовъ съ желѣзными мускулами и желѣзною волей. Человѣческіе инстинкты и страсти спали съ насъ, какъ завядшіе отъ мороза листья спадаютъ съ деревьевъ. Мнѣ было такъ хорошо, такъ свободно, моя мысль была такой ясной, трезвой и сильной, столько спокойной, увѣренной, не лихорадочной, здоровой энергіи было во мнѣ.

Кто была она, эта женщина? Откуда взялась она въ этомъ лѣсу? Зачѣмъ пришла?

Мой спокойный, здоровый сонъ исчезъ. Я чувствовалъ себя словно отравленнымъ. Ворочался на кровати и не могъ да, впрочемъ, и не хотѣлъ уснуть. Забытые инстинкты стали просыпаться. Затерянный, ступевавшійся, туманный обликъ женщины становился все отчетливѣе, яснѣе, оживалъ. То, что я видѣлъ только секунду и что только грезилось моимъ глазамъ, начало

воплощаться въ формы. Я уже видѣлъ тѣло женщины, чувствовалъ его, зналъ, вспоминалъ.

Итакъ! Если это какая-нибудь дѣвушка изъ лѣсу, дочь какого-нибудь нелюдима или лѣсничаго, отчего же не взять ея, отчего же, напримѣръ, не жениться на ней? Если она только захочетъ выйти за меня. Тогда мы будемъ вмѣстѣ работать, она поможетъ мнѣ докончить мой трудъ, мы вмѣстѣ построимъ эту дорогу, понесемъ въ долины за лѣсомъ свѣтъ и хлѣбъ. Вмѣстѣ, рука въ руку, душа въ душу.

Ха-ха-ха! Я расхохотался громкимъ смѣхомъ. Вѣчная ложь, вѣчный обманъ, котораго женщина требуетъ отъ мужчинъ и который заставляетъ ихъ ломаться передъ самими собой.

Я молодъ, мнѣ 28 лѣтъ, два мѣсяца я не видалъ женщины, я хорошо ѣмъ и пью, здоровъ, — и мнѣ хочется ея объятій, ея губъ, а совсѣмъ не души и совместнаго труда. Труда для идеала! Ха-ха-ха! Я снова захохоталъ. Смѣшная, забавная фраза! Если бы она была здѣсь со мной и если бы у нея была волосатая бородавка на плечѣ, то я, навѣрное, уже завтра не думалъ бы о братствѣ душъ и совместномъ трудѣ для идеала. Ложь, обманъ! Отцы нашихъ душъ прекрасно знаютъ, что думать объ этомъ.

Но если она прекрасна, если она вся прекрасна, какъ флорентійская Венера?

Собственно говоря, какое мнѣ дѣло до этихъ людей изъ лѣса? Живешь недолго и живешь только разъ.

Я вскочилъ съ постели и вылилъ себѣ на голову

ведро холодной воды. Потомъ налилъ полный тазъ и съ какой-то лихорадочной горячностью началъ мочить водой голову. Потомъ я уже не могъ удержаться отъ смѣха при мысли, каковъ физическій результатъ моего психическаго впечатлѣнія; мнѣ сталъ необыкновенно ясенъ комизмъ физиологическихъ функцій, вызванныхъ психическимъ возбужденіемъ. Я вытеръ голову, закурилъ сигару и вышелъ изъ шалаша въ лѣсъ.

Кругомъ была тишина и ночь. Надъ деревьями свѣтились звѣзды на необыкновенно чистомъ, безоблачномъ, темносинемъ небѣ. Когда я былъ ребенкомъ, то провелъ много такихъ ночей въ другомъ мѣстѣ, въ горахъ.

Была ночь, звѣздная ночь.

«Поди, — шепталъ лѣсъ. — Я заколдованный лѣсъ, бездонная пуща.

«Источникъ во мнѣ, ароматный источникъ, поросшій лиліями и красными тюльпанами.

«Пойди, пусть шумить вода у твоей шеи, пусть, какъ звѣзды, падаютъ капли въ твои глаза, когда ты смочишь голову въ ключевой водѣ, когда погрузишь свое сердце въ воду, обросшую лиліями и тюльпанами съ красными листьями».

— Прекрасная! Прекрасная! Я желаю тебя, хочу, ищу! — началъ кричать я лѣсу, тишинѣ, темнотѣ и звѣздамъ, разсѣяннымъ надъ лѣсомъ.

На слѣдующій день я всталъ поздно, съ тяжелой головой. И въ первый разъ я не разбудилъ моихъ рабочихъ. Старикъ Шимонъ, мой главный помощникъ и специалистъ по закладкѣ динамитныхъ минъ, подошелъ ко мнѣ, взглянулъ съ безпокойствомъ и спросилъ, снимая шапку:

— Вы не больны ли, господинъ инженеръ?

— Нѣтъ. Я проспалъ лишнее.

— И спали вы безпокойно. Я прислушивался немного у шалаша. Вѣдь мы всегда здоровались въ четыре, а теперь скоро восемь.

— Проспалъ, поздно легъ. Ну, работа идетъ?

— Идетъ. Но тутъ налѣво, немного пониже, за водой — человѣческое жильѣ.

Я вздрогнулъ, но старался не обнаружить волненія.

— Кто тамъ живетъ?

— Королевскій лѣсничій.

— Одинъ?

— Нѣтъ. Тамъ небольшая усадьба. Прислуга, коровы, лошади. Хозяйство, какъ хозяйство.

— А дома кто?

— Его нѣтъ теперь, поѣхалъ въ столицу. Осталась только жена.

— Откуда вы знаете все это?

— Да вѣдь это только два километра отсюда. Тамъ были наши люди, тѣ, что лѣсъ сплавляютъ.

Я далъ Шимону сигару и хотѣлъ идти, но старикъ сказалъ:

— Вамъ недурно было бы, господинъ инженеръ,

хоть эти нѣсколько дней, пока мы будемъ здѣсь работать, пожить не въ шалашѣ, а въ порядочномъ домѣ. А то вѣдь здѣсь и заболѣть не трудно.

— Да вѣдь мы здѣсь долго не пробудемъ. Надо будетъ перейти черезъ рѣку и во-время тамъ расположиться.

— Но пока!

Я отошелъ отъ него. Такъ это, вѣрно, дочь королевскаго лѣсничаго.

Я смотрѣлъ на работу, ничего не видя; только благодаря механическому навыку я не далъ рабочимъ замѣтить, что ничего не соображаю.

Я убѣждалъ въ свой шалашъ, притворившись, что мнѣ надо писать письмо. Въ сущности, я хотѣлъ, набраться смѣлости пойти въ усадьбу. Началъ одѣваться; отыскалъ зеркало, наполовину одѣлся. Потомъ сталъ не то что снимать, а срывать платье съ какимъ-то бѣшенствомъ. Потомъ снова началъ одѣваться, медленно, систематически, кусая губы; галстукъ завязалъ спокойно, но такъ сжималъ его пальцами, словно хотѣлъ задушить себя. Одѣлся. Взялъ въ карманъ револьверъ, въ руку хлыстъ, велѣлъ подать себѣ лошадь и поѣхалъ въ сторону, противоположную усадьбѣ, чтобы, сдѣлавъ крюкъ, повернуть потомъ къ ней.

Но я ѣхалъ все дальше и дальше. Лѣсъ началъ втягивать меня въ себя. Онъ такъ же тянетъ, какъ мракъ, вода, горы — тонешь въ чемъ-то глубокомъ, потому что оно глубоко.

Я ѣхалъ все дальше и дальше по зарослямъ, мху, вереску и кустамъ дикой малины. Здѣсь не было уже слышно ни стука топоровъ, ни ударовъ молотовъ. Только разъ я услышалъ грохотъ : это мина разсадила скалу. Мы проведемъ черезъ рѣку временный мостъ и начнемъ дѣлать туннель на правомъ берегу.

Я поѣхалъ дальше.

На мнѣ былъ прекрасный, новый костюмъ темно-синяго цвѣта, брюки изъ лосиной кожи, лакированные сапоги и очень красивый галстукъ *décadence*, заколотый булавкой съ жемчугомъ. Чего я такъ разрядился, отправляясь въ лѣсную глушь, гдѣ до сихъ поръ меня видѣли только бѣлки, куницы, дикія кошки да горные дрозды? Я повернулъ лошадь и началъ спускаться въ долину. Передо мною открылась лѣсная дорога, зеленая и мягкая. Я помчался, что есть духу, съ горы; вдругъ — легкій подъемъ, а за нимъ, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ — домъ и хозяйственные постройки.

Усадьба лѣсничаго.

Сердце у меня забилось, я страшно смутился : чѣмъ я объясню свой приѣздъ? Стосковался по людямъ? Какое имъ дѣло? Мнѣ хочется пожить нѣсколько дней въ ихъ домѣ? Меня могутъ такъ принять, что это станетъ у меня костью въ горлѣ.

Скажу, что приѣхалъ предупредить о томъ, что при взрываніи скалъ будетъ страшный грохотъ, а такъ какъ я видѣлъ женщину...

Я не думалъ уже ни о чемъ и продолжалъ ѣхать впередъ. Лошадь, которой надоѣли овраги и ямы въ

лѣсу, мчалась, какъ вѣтеръ, по мягкой дорогѣ. Охотничьи собаки залились лаемъ изъ-за забора. Вскорѣ, однако, кто-то свистнулъ и уговорилъ ихъ. Я подъѣхалъ къ воротамъ. Подошелъ работникъ.

— Кто такой?

— Королевскій инженеръ.

Онъ снялъ шапку.

— Что прикажете?

— Дома кто-нибудь?

— Барыня дома.

«А барышня?» — хотѣлъ я спросить, и мнѣ стало ужасно непріятно.

Я вынулъ визитную карточку, велѣлъ доложить о себѣ и въѣхалъ во дворъ.

Черезъ минуту работникъ вернулся съ отвѣтомъ, что барыня въ саду и проситъ меня туда.

Разозлившись на неудачу, я отдалъ лошадь и пошелъ за лакеемъ, который вышелъ ко мнѣ навстрѣчу. Скажу этой бабѣ, что будутъ взрывы, и чортъ съ ней!

Побуду минуту, скажу и уѣду.

Даже не спрошу о дочери. Ну ее!

Мы прошли черезъ переднюю въ садъ. И снова, какъ въ романтической сказкѣ: ручной соколъ на вѣткѣ, серна и гончая у ея ногъ, а на дерновой скамьѣ съ книгой въ рукахъ она, та, которой нѣтъ вовсе, которая — только чудесное видѣніе...

— Вы товарищъ моего мужа, такъ какъ оба вы служите королю, — сказала она, вставая и протяги-

вая мнѣ руку, — а потому я принимаю васъ, не смотря на то, что мужа нѣтъ дома. Садитесь, пожалуйста. Вы строите здѣсь дорогу, правда?

Ни одного слова, въ родѣ: — чѣмъ могу служить и т. д.

Я сѣлъ, и мы заговорили, не помню, о чемъ.

Когда она говорила, мнѣ казалось, что распускается цвѣтокъ за цвѣткомъ. Ея большіе темно-синіе глаза скользили по моему лицу и говорили на своемъ языкѣ, который не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ, что говорили губы.

Они спрашивали.

Они спрашивали о томъ, чего нельзя высказать, о самомъ сокровенномъ и тайномъ. Спрашивали все время, упорно, повелительно. Я долженъ былъ сдавать какой-то экзамень, который смущалъ меня и раздражалъ, но въ то же время доставлялъ мнѣ невыразимое наслажденіе.

Я скажу тебѣ все, все, — говорилъ я ей глазами, — такъ какъ я люблю тебя!..

А глаза ея, попытавъ меня и кончивъ экзамень, начали звучать и звенѣть:

— Вотъ заколдованный лѣсъ, пуца, гдѣ не ступала нога человѣка, дѣвственный, смолистый лѣсъ...

— Пойди, скройся, погрузись въ немъ, какъ въ ключевой водѣ, какъ въ ароматномъ источникѣ, что течетъ среди сада...

— Пойди, пусть, какъ звѣзды, падаютъ капли въ

твои глаза, капли воды среди лилій и красныхъ тюльпановъ...»

Потомъ мы пошли въ комнаты пить кофе. Тутъ было много оружія, трубокъ, кабаньихъ головъ, медвѣжьихъ шкуръ и орлиныхъ чучель съ расправленными крыльями.

На стѣнѣ висѣлъ портретъ старика.

— Мой мужъ, — указала она рукой на портретъ.

Помимо желанія у меня вырвалось слишкомъ быстро:

— Вашъ мужъ.

Она улыбнулась и отвѣтила:

— Да, господинъ инженеръ.

Когда я прощался съ нею, она сильно пожала мою руку и сказала:

— Надѣюсь, что вы часто будете навѣщать меня. Мой мужъ надолго уѣхалъ въ столицу, и я страшно скучаю одна. Приходите завтра обѣдать.

— Благодарю васъ, но притти обѣдать не могу, я занятъ.

— Такъ ужинать.

Я предпочелъ последнее.

Поцѣловалъ ей руку. Я готовъ былъ цѣловать ее такъ всю вѣчность. Сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ гору. Оглянулся. Она стояла въ саду.

Прежде чѣмъ я успѣлъ снять шляпу, она протянула ко мнѣ руку съ платкомъ.

Почти не сознавая, что я дѣлаю, я послалъ ей воздушный поцѣлуй.

Она быстро отвернулась.

Я прищпорилъ лошадь и, крикнувъ: — пулю въ лобъ себѣ пущу! — какъ безумный поскакалъ домой.

На слѣдующій день въ четыре часа утра я работалъ молотомъ, какъ простой рабочій. Я сказалъ, что немного нездоровъ и хочу избавиться отъ простуды.

Наступилъ уже вечеръ, а я еще работалъ. Вечеромъ я предложилъ желающимъ за особую плату работать ночью съ факелами, объяснивъ, что я боюсь дождя, который можетъ размьть нашу постройку и занести ее глиной. Нашлось нѣсколько желающихъ.

Утромъ, изнуренный, усталый, почти лишившись силъ, я какъ пласть упалъ на постель въ шалашѣ.

Когда я проснулся, мальчикъ-служакъ доложилъ, что меня ждетъ человекъ съ письмомъ.

Сердце забилося, какъ молотъ.

— Отказываетъ мнѣ отъ дома, — догадывался я.

— Дай письмо и отпусти посланнаго.

— Говорить, что ждетъ отвѣта.

— Давай письмо.

«Отчего вы вчера не пришли? Налишите, когда придете. Вы похожи на тѣхъ, которые любятъ кремъ, и кремъ былъ. Такъ какъ васъ не было, его съѣли Ремъ, Заграй и Полеть. То-есть Полеть постольку, поскольку засунулъ въ него клювъ и когти. Кремъ былъ очень хорошъ. Прошу пожалѣть и притти на другой. До свиданія.

Мирта X.».

Я написалъ: «Боюсь», далъ посланному дукать,

прогналъ мальчика изъ шалаша и сталъ цѣловать письмо, каждое слово, каждую букву. Потомъ опять схватился за молотъ.

Около полудня пришло второе письмо. «Милосердіе существуетъ затѣмъ, чтобы люди грѣшили. Жду вечеромъ».

Я самъ заложилъ динамитную мину, уславъ подъ какимъ-то предлогомъ Шимона. Страшный грохотъ, сотрясшій воздухъ, повалилъ людей съ ногъ и заставилъ задрожать всю пуцу.

Это былъ крикъ моего триумфа, мина «à la crême de café».

Уррра!

И мы ходили по лѣсу, словно жили не на землѣ.

Заколдованное царство снова открыло намъ свои ворота. То, о чемъ можетъ грезить и мечтать молодой человекъ, то, о чемъ тоскуютъ цѣлые милліоны, милліарды, то, къ чему они стремятся и что имъ не дано, — осуществилось.

Мы ходили по лѣсу, словно жили не на землѣ.

Былъ тамъ голубой, свѣтлый источникъ съ лиліями и красными тюльпанами по берегамъ. Сама Мирта посадила ихъ тамъ весной. Они цвѣли и отражались въ водѣ.

Это было любимое мѣсто нашихъ прогулокъ.

Тамъ, когда она ушла разъ, чтобы выдать полдникъ

людямъ, я лежалъ лицомъ къ землѣ, смотрѣлъ на воду, на двѣты и верхушки деревьевъ, отражавшіяся въ ней.

Я думалъ о Миртѣ, о томъ, какъ она прекрасна. Вдругъ я почувствовалъ на глазахъ чьи-то руки.

— Кто? — спросилъ чей-то измѣненный голосъ.

Не знало, отчего я отвѣтилъ:

— Жена.

Минута молчанія, и Мирта отвѣтила мнѣ своимъ голосомъ:

— Я не жена.

Я повернулъ голову и пристально взглянулъ ей въ глаза.

Она вся покраснѣла.

— Я не жена, — повторила она.

Я, конечно, ни о чемъ не спрашивалъ.

— Я вышла за моего мужа, — продолжала она, — бѣдной дѣвушкой; меня выдали за него. Мнѣ было восемнадцать лѣтъ, а ему около 70. Четыре года тому назадъ.

Теперь я счелъ возможнымъ спросить:

— Вамъ хорошо живется?

Она минуту помолчала и отвѣтила:

— Онъ очень добръ со мной, и у меня все есть.

..Мнѣ показалось, что лиліи и тюльпаны снова склонили головки къ землѣ.

— Но, — продолжала она, — я вѣрнѣе его дочь, чѣмъ жена. У насъ нѣтъ дѣтей.

...Мнѣ показалось, что лиліи и тюльпаны склонили головки къ землѣ.

— У васъ нѣтъ дѣтей, — повторилъ я машинально.

— Очень неприятно не имѣть дѣтей, — вздохнула она.

Я схватилъ ея руки и началъ цѣловать страстно, горячо, безъ памяти. Я чувствовалъ себя въ правѣ, въ полномъ правѣ. Она не отнимала рукъ. Онѣ неподвижно лежали въ моихъ рукахъ, прижимавшихъ ихъ къ губамъ.

— Моя, моя... — шепталъ я.

Она ничего не отвѣтила.

Собака Заграй и молодая серна Ремъ смотрѣли на насъ, словно удивляясь, потомъ собака залаяла, серна наставила на нее рога, собака поджавъ хвостъ, начала, какъ бѣшеная, бѣгать вокругъ, перескакивая черезъ ручейки и рвы; серна помчалась за ней.

Она засмѣялась.

— Мирта, — сказалъ я, глядя ей въ глаза, которые склонились надо мной.

— Правда, какъ хорошо? — сказала она.

— Мирта, — повторилъ я.

Она посмотрѣла на меня, и мнѣ казалось, что ея глаза видятъ очень многое.

— Да, — улыбнулась она, — милосердіе существуетъ затѣмъ, чтобы люди грѣшили.

Все ея слова казались мнѣ чѣмъ-то чуднымъ, рѣдкимъ, чего я никогда не слыхалъ.

Наши работы на лѣвомъ берегу рѣки уже кончались. Старикъ Шимонъ однажды вечеромъ пришелъ ко мнѣ поговорить о постройкѣ временнаго моста, которую можно закончить въ одинъ день.

Какъ?! Завтра мнѣ надо покинуть это мѣсто?!

Я началъ выдумывать тысячи причинъ, въ силу которыхъ надо было здѣсь остаться. Я еще разъ отправился осматривать полотно и нашелъ массу неточностей, поправокъ, которыя заставляли старика Шимона качать головой и смотрѣть на меня съ изумленіемъ.

Наконецъ, онъ сморщилъ брови и сказалъ строго: — Надо идти впередъ или передать работу другому. И посмотрѣлъ на меня, прищуривъ глаза.

Кровь бросилась мнѣ въ лицо, мнѣ стало стыдно. Старикъ Шимонъ, конечно, отлично зналъ, отчего я теперь иначе одѣваюсь и куда ѣзжу вечеромъ верхомъ. Онъ ничего не говорилъ, такъ какъ не смѣлъ говорить; впрочемъ, работа шла попрежнему. Но теперь онъ сказалъ мнѣ прямо: «Надо идти впередъ или передать работу другому».

Я стоялъ передъ нимъ въ смущеніи. Его громадная фигура была гораздо выше моей. Со страшно развитыми мускулами на груди, онъ былъ похожъ на каменную глыбу. Сѣдоватые волосы падали ему на плечи, сѣдые, подстриженные усы закрывали ротъ.

Я чувствовалъ, что здѣсь нечего играть въ жмурки.

— Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?—спросилъ я.

Я думалъ, что онъ отвѣтитъ мнѣ что-нибудь о грѣ-

хѣ, о чужой собственности, о мужѣ-старикѣ, который уѣхалъ, о седьмой заповѣди и совѣсти, но онъ сказалъ только :

— Пошелъ бы впередъ или передалъ бы работу.

— И пошли бы впередъ?

— Если бы я сразу рѣшилъ идти, то пошелъ бы.

— А если бы вы не могли идти?

— Гдѣ есть воля, тамъ нѣтъ «не могу».

— Но иногда воли мало.

— Нѣтъ воли, которой мало, развѣ лишь та, которой, въ сущности, нѣтъ.

— Завтра мы будемъ ночевать за рѣкой.

Онъ протянулъ мнѣ жесткую, старую руку, потрясъ мою и отошелъ, помахивая трубкой.

Завтра мы будемъ ночевать за рѣкой...

Это значитъ...

Я сжалъ глаза ладонями и упалъ на край стола.

Это значитъ разстаться съ Миртою, бросить все: и ее, и этотъ заколдованный садъ и заколдованный источникъ въ лѣсу съ лиліями и тюльпанами, которые она посадила весной.

Она не была моей, а я былъ весь ея, тѣломъ и душою, отдался ей всѣмъ существомъ, потерялъ себя въ ней.

Въ этотъ вечеръ я пошелъ къ ней пѣшкомъ.

— Что съ вами?—спросила она меня на порогѣ.

— Я пришелъ проститься; завтра мы переходимъ на другую сторону рѣки.

— Отчего?

— Мы кончили здѣсь работу.

Она посмотрѣла на меня съ недоумѣніемъ.

— Какъ? Вы переходите?

— Да. Долженъ.

— Нѣтъ, «долженъ» тамъ, гдѣ есть воля.

Я взглянулъ на нее изумленно.

— Нѣсколько минутъ назадъ я слышалъ эти слова отъ моего минера.

— Вотъ видите!

— Да, но онъ говорилъ это потому, что я откладывалъ постройку моста.

— И вы начнете постройку?

— Начну.

— И перейдете?

— Да.

Ея глаза въ первый разъ блеснули, словно въ нихъ загорѣлся порохъ.

— А если бы я... — Она оборвала; краска залила ея лицо.

— Мирта, — сказалъ я тихо, хватая ее за руку, — Мирта, ты знаешь вѣдь, что я долженъ идти, знаешь, отчего я покидаю это мѣсто. Вѣдь тамъ тысячи, миллионы людей ждуть хлѣба и свѣта. И я его имъ дамъ.

— Боже! — крикнула она, и поднявъ руки. — Неужели одинъ часъ счастья не стоитъ больше, чѣмъ всѣ

тѣ идеалы, къ которымъ ты стремишься?! Не сдѣлаешь ты, такъ сдѣлаютъ другіе.

— Но это я хочу сдѣлать.

Она смѣрила меня глазами.

— Ты скажешь, что тебя ведетъ любовь, идея, а я скажу, что — гордость и тщеславіе.

Ея глаза и губы приняли такое выраженіе, что я не смѣлъ ей противорѣчить. Развѣ можетъ быть какое-нибудь положеніе смѣшнѣе, чѣмъ положеніе человека, который доказываетъ, что онъ лучше, чѣмъ о немъ думаютъ.

— Останься здѣсь. Я хочу, чтобы ты остался... я... прошу...

Голова ея впервые наклонилась ко мнѣ; голосъ впервые сталъ похожъ на лазурное восхожденіе утренней звѣзды.

Она наклонилась ко мнѣ еще больше; я почувствовалъ жаръ ея губъ.

Потомъ отдвинулась мягко и слабо и, протянувъ мнѣ руку, произнесла тихо:

— Значить, послѣдній разъ?

— Приду завтра проститься.

— Когда?

— Утромъ. На разсвѣтѣ.

Былъ тихій и сѣрый разсвѣтъ, какъ тотъ источникъ въ саду съ лиліями и тюльпанами въ вечерній часъ. Я ждалъ ее.

Не спалъ всю ночь. Чувствовалъ, что люблю эту женщину до безумія, до сумасшествія, что жажду ея, какъ узникъ воздуха, какъ бѣднякъ хлѣба, какъ путникъ воды. Это уже не были мои 28 лѣтъ, лѣтній зной, цѣлые мѣсяцы вдали отъ женщины, — это была любовь. Я любилъ ее такъ, какъ любишь, когда любишь.

Но тамъ меня ждалъ мостъ, ждала постройка желѣзной дороги и люди за лѣсомъ, голодные, жалкіе, темные. Я чувствовалъ, что не могу жить безъ этой женщины, пока или я или она будетъ жить. Одинъ изъ насъ долженъ уступить: или я съ моею любовью, или она со своею красотою, которая связала мнѣ руки и ноги.

Если обстоятельства складываются такъ несчастливо, что женщина становится на пути мужчины и не позволяетъ ему исполнить своего долга и своей обязанности, то милліоны мужчинъ падаютъ, и ангелъ смерти сталкиваетъ ихъ въ бездну. Тысячи, милліоны мужчинъ. Если обстоятельства сложатся такъ несчастливо, что женщина вмѣсто того, чтобы стать вѣтромъ, который толкаетъ парусъ, становится подводнымъ рифомъ или мелью; вмѣсто того, чтобы стать путеводной звѣздой, становится безумной бурей; вмѣсто того, чтобы стать живящимъ источникомъ, становится обезсиливающимъ опиумомъ: тогда тысячи и милліоны мужчинъ надрываются и падаютъ, тогда какъ они должны надорвать и повалить женщину. Они гибнутъ, тогда какъ должны женщину принести въ жертву. Если нѣтъ силъ, чтобы отойти отъ нея, пока она существуетъ, и въ

то же время чувствуешь, что если она перестанет существовать, то найдутся силы идти дальше, — одна должна перестать существовать.

Характеръ, значеніе и цѣнность поступка опредѣляютъ условія.

Если Мирга не станетъ поперекъ моей дороги, это будетъ счастьемъ, счастьемъ для нея. Но если станетъ, то горе ей!

Да, горе ей!

Да, горе ей! Я не позволю сломить и уничтожить меня ни ей, ни моей страсти, если все сложится такъ несчастливо, что она станетъ поперекъ моей дороги, какъ этотъ рокъ.

Я не буду изъ числа тѣхъ, которые смотрятъ безумѣвшими отъ отчаянія глазами въ бездну, куда упало то, надъ чѣмъ они трудились, если судьба не дала, чтобы женщина прошла мимо меня равнодушно или подала мнѣ руку для совместнаго труда.

Я не буду игрушкой въ рукахъ судьбы, колесомъ, которое катится туда, куда его толкнули.

Если бы я долженъ былъ сдѣлать даже что-нибудь ужасное, — я вырвусь и пойду впередъ.

Быль тихій и сѣрый разсвѣтъ, солнце только что начинало подниматься изъ-за горизонта. Тогда она вдругъ, совершенно неожиданно появилась передо мной. На ней не было платья, а лишь мягкій и широкій плащъ, который она накинула на бѣлье. Все ея тѣло обрисовывалось, какъ гипсъ подъ мокрымъ холстомъ.

Она прошла мимо меня, кинувъ только одно слово:

— Пойдешь?

Я отвѣтилъ:

— Пойду.

— Будь вечеромъ у обрыва, гдѣ часовня.

И она пошла дальше, не оборачиваясь, — словно чудесная статуя, каждое движеніе которой сводило съ ума.

Наступилъ страшно жаркій, душный день.

Потъ лился съ рабочихъ, которые строили временный мостъ. Кровь все время прилиwała у меня къ головѣ, жаръ жегъ губы и глаза.

Что будетъ вечеромъ, сегодня вечеромъ?

Что бы то ни было, я пойду дальше.

Навести мостъ — пустое дѣло, можно вернуться и изъ-за тысячи верстъ, но покориться, отдаться въ неволю женщинѣ, которая ничего не видитъ за собой, — это значить отказаться отъ самого себя.

Она не виновата. Ее ничему не учили, ничего ей не говорили, она ни о чемъ не думаетъ и ничего не чувствуетъ; но она такъ прекрасна, что можно сойти съ ума, умереть...

Если бы даже я долженъ былъ ее убить, я вырвусь изъ ея объятій!..

Если бы я долженъ ее убить!.. Пусть Богъ это разсудить.

По-моему, моя жизнь цѣннѣе, чѣмъ десять такихъ прозябаній, какъ ея.

Она цвѣтетъ въ этомъ лѣсу, какъ голубая горлинка въ лѣсной глуши, куда проникаютъ только вѣтеръ и дождь; она похожа на пальму въ пустынѣ, которая выросла на клочкѣ земли, слишкомъ маломъ для того, чтобы быть оазисомъ. Заграждать мнѣ дорогу она не имѣетъ права.

Если я буду чувствовать, что она меня околдовала, что я погибаю, — то я убью ее, какъ вредное животное.

Послѣ жаркаго душнаго дня наступилъ вечеръ, такой же жаркій и душный. Казалось, что земля трескается отъ жары, что деревья сохнутъ и вянутъ такъ же, какъ лѣсныя растенія. Вода казалась какъ бы усталой въ рѣкѣ.

Я пошелъ на условленное мѣсто.

Это былъ скалистый обрывъ надъ рѣкой, высокій и крутой, въ мѣстѣ, гдѣ кто-то, когда-то очень давно, прибилъ на старой ели образокъ, на которомъ не было никакого лика. Иногда мы гуляли здѣсь съ Миртой.

Я сѣлъ на камень, свѣсивъ ноги въ пропасть, на днѣ которой рокотала горная рѣчка, опустилъ голову на руки и закрылъ глаза.

А могло бы быть такъ хорошо, хорошо, хорошо...

Вѣдь мы могли бы быть такъ счастливы...

Мы могли бы приходиться къ этому камню для того, чтобы говорить другъ другу о вѣчной любви и любить другъ друга до смерти...

Что толкаетъ меня впередъ, въ міръ?!

Мирта не бросить своего мужа, не пойдеть за мной. Приговорить себя къ такой жизни, какую нужно было бы вести, — значить сломать шпагу надъ своимъ собственнымъ гробомъ. Конечно...

А могло бы быть такъ хорошо, такъ хорошо...

Она дотронулась рукой до моего плеча. Я очнулся отъ своихъ мыслей.

— Уѣдешь? — спросла она.

— Моего готовъ. Я ухожу завтра.

— И не вернешься?

— Нѣтъ.

— Отчего?

— Боюсь.

— Меня?

— Скорѣе себя.

— Ты думаешь, что я не пойду за тобой?

— Да, пойти со мной ты не захочешь.

— Такъ останься здѣсь! Останься, останься!

Ея голосъ перешелъ въ шепотъ, она стала возлѣ меня на колѣни и говорила мнѣ прямо въ губы.

— А тамъ? — Я указалъ рукой впередъ.

— Тамъ?! — Она откинулась назадъ. — Тамъ?! Какое тебѣ дѣло до того, что тамъ? Неужели ты предпочитаешь мнѣ людей, которыхъ ты никогда не видѣлъ? Ты думаешь, что тамъ ты будешь счастливѣе, чѣмъ со мной? Зачѣмъ ты идешь туда? Не пойдешь ты, пойдуть другіе: одинъ, другой, десятки другихъ. Развѣ ты одинъ умѣешь строить желѣзныя дороги? Тебя одного я хочу любить! Понимаешь, слышишь? Тебя, те-

бя, только тебя одного! Я не хочу, чтобы ты уходилъ отъ меня! Ты долженъ остаться! Долженъ! И останешься! Здѣсь, въ ближайшемъ городкѣ, — шептала она, снова понижая голосъ, — ты поселишься. Я буду приѣзжать къ тебѣ верхомъ... Ты видѣлъ мою гнѣдую кобылу со стрѣлкой на лбу? Она какъ вихрь будетъ носить меня къ тебѣ. Я каждый день буду бывать у тебя, если захочешь. Я не буду обманывать мужа, я все ему скажу. Онъ уменъ и добръ.

— Такъ скажи ему, что не любишь его, что любишь меня, что хочешь жить, и пойдемъ со мной туда!

— Туда? Нѣтъ, нѣтъ, я боюсь! Я ни за что туда не пойду, ни за что. Кто можетъ знать, что тамъ ждетъ, сторожить? Кто можетъ знать, что тамъ угрожаетъ? А здѣсь, смотри! Лѣсъ, глухой, огромный, вѣковой лѣсъ, полный аромата, дикихъ цвѣтовъ, оленей, сернъ. Смотри, развѣ здѣсь не хорошо? Развѣ ты не слышишь запаха смолы и дикаго шиповника? Смотри, какъ къ тебѣ тянется папортникъ, смотри на его огромные, выпуклые листья. Слушай, что шепчетъ тебѣ лѣсъ... Онъ тоже хочетъ тебя удержать, такъ онъ меня любитъ; мой старый, вѣковой лѣсъ!.. Слушай, какъ онъ шумитъ надо мной. Онъ любитъ меня за мою красоту, за мою молодость... Онъ знаетъ, что я его королева, дочь лѣса, дочь вѣковой пущи. Онъ любитъ меня и не хочетъ моего несчастья!.. Ты поселишься здѣсь, правда? Не бросишь меня?! Не бросишь лѣса и меня?

Она упала на колѣни передо мной, сложивъ руки.

Я закрылъ глаза и тихо отодвинулъ ее. Въ ту же минуту молнія разорвала небо, и вдали раздался громъ. Эта молнія словно задѣла сердце Митры своимъ огнемъ. Она вскочила съ земли и закричала:

— Я молніей подожгу твой мостъ! Я хотѣла грозы— и вотъ она! Я колдунья лѣсная и звала грозу всей силой моего сердца. Я молилась стихіямъ, я—язычница и дикарка. Молніей я подожгу твой мостъ! Я призову такой ливень, что работа твоя погибнетъ! Волны унесутъ твои стальные рельсы, какъ деревянные щепки! Смотри! Слушай!

И гроза, дѣйствительно, подошла. Съ неслыханной быстротой надвинулись черныя тучи, то и дѣло сверкали яркія молніи и грохоталъ громъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ буря уже безумствовала надъ нами.

Вѣковыя ели защищали наши головы отъ дождя, который, казалось, потоками лился изъ тучъ на землю.

Страшные удары грома слѣдовали одинъ за другимъ. Это не была гроза: туча сорвалась.

Я стоялъ на краю пропасти, около Мирты; съ вытянутой шеей и полуоткрытыми губами, она, казалось, ждала чего-то, чего-то хотѣла.

Вдругъ вдали сверкнулъ снопъ огня.

— Твой мостъ! — крикнула съ торжествомъ Мирта..

Ручьи въ лѣсу выступили изъ береговъ; вода волнами лилась съ лѣсныхъ холмовъ. Среди деревьевъ появились потоки, которыхъ раньше никогда не было, вздымались, клубились и вконецъ стали уносить пни, вырван-

ные изъ земли, деревья, опрокинутыя молніями и вѣтромъ. Почти подъ нашими ногами катились каменные глыбы и ели. Вдругъ я услышалъ въ водѣ лязгъ и звонъ.

— Рельсы! — крикнула Мирта.

Я не могъ сомнѣваться въ томъ, что на всемъ томъ пространствѣ, которое заняла сорвавшаяся туча, наша работа будетъ разрушена. Вода должна была все смыть и снести.

Я сжалъ кулаки.

При свѣтѣ молній, освѣщенная заревомъ горящаго моста, среди рева громовыхъ раскатовъ, среди вихря, дождя и наводненія Мирта стояла передо мною, глядя мнѣ въ глаза, съ раскрытыми губами, съ раздутыми ноздрями, съ глазами, въ которыхъ отражались огни молній.

— Видишь?! Ты не пойдешь дальше. Ты долженъ остаться. Я заморозила бурю, заморозила воду, заморозила молніи! Горитъ твой мостъ, катятся твои рельсы, все мчится туда, въ ту рѣку, внизу. Ты долженъ остаться, я такъ хочу!

Страшный гнѣвъ сдавилъ мнѣ горло.

— Я построю новую дорогу, поставлю новый мостъ! — крикнулъ я. — Ты со своимъ страшнымъ лѣсомъ напрасно хочешь меня задержать. Если вы оба станете однимъ чудовищемъ, которое загородитъ мнѣ дорогу, я задушю его и пойду впередъ!

Мирта, казалось, не слыхала моихъ словъ. Она схва-

тила меня за руку и, сжимая ее изо все́хъ силъ, страстно говорила :

— Ты не покинешь меня; клянись, что не покинешь! Я хочу, я требую этого; клянись! Ты мой! Тебя мнѣ отдалъ лѣсъ, тебя мнѣ отдала гроза, тебя отдалъ мнѣ вѣтеръ и дождь, ты мой! Клянись, что останешься здѣсь со мною. Какое тебѣ дѣло до міра, если ты меня любишь?! Я твоя — смотри!

Она потянула меня за плечи, и впервые я обнялъ ее тѣло. Въ одну минуту въ мозгу у меня все потемнѣло, губы высохли отъ недостатка воздуха. Я чувствовалъ, что погибаю.

А Мирта тянула меня къ себѣ, обвивала вокругъ себя мои руки, слетала ихъ со своими. Я чувствовалъ ее всю у своего тѣла.

— Ты мой! — шептала она. — Клянись, что не пойдешь туда!

— Мирта! — крикнулъ я. — Сойди съ дороги! Гроза уничтожила мой трудъ, но я начну его сначала, а ты пусти меня! Если не понимаешь меня, то пусти! Мой трудъ продолжится всю мою жизнь, онъ кончится только со смертию! Пусти меня!

— Никогда! Я знаю, я чувствую, что ты мой! Тебя мнѣ отдалъ лѣсъ, отдала гроза, отдалъ вѣтеръ и дождь. Ты останешься!

Ея грудь была на моей груди, губы на моихъ губахъ, тѣло на моемъ тѣлѣ. Я чувствовалъ, что она должна не существовать, для того чтобы я могъ жить.

Буря, пожаръ моста, лязгъ и звонъ рельсовъ довели меня до потери сознанія.

— Пусти меня! — крикнулъ я, вырываясь изъ рукъ Мирты.

— Никогда.

Въ ея голосѣ звучало торжество. Я шатался и склонился къ ея ногамъ. Если я хоть разъ дотронусь до ея губъ, если я хоть разъ отдамся ей, — я погибъ навсегда. И я не устою, не устою, не устою!

Она меня поглощала, я исчезалъ въ ней, терялъ въ ней себя. Она чувствовала, что торжествуетъ, что я упаду къ ея ногамъ, какъ срубленное дерево, откажусь для нея отъ всего, поклянусь, что никогда не оставлю ея!..

Она торжествовала!..

Вдругъ мозгъ мой сталъ холоднымъ, яснымъ и трезвымъ. Съ неслыханной быстротой я понялъ математическую аксіому: для того чтобы я могъ жить, она должна перестать существовать.

И съ полнымъ сознаніемъ того, что я дѣлаю, со своей холодностью математика, со всѣмъ спокойствіемъ механическаго движенія, вырвавъ руки изъ ея рукъ, я толкнулъ ее въ грудь и сбросилъ въ пропасть съ края обрыва.

Туда, внизъ, къ рѣкѣ, которая съ ревомъ несетъ деревья, камни, брусья моего моста и рельсы моей раз-

рушеиной дороги, теперь должно катиться, катиться
ея бѣлое тѣло...

Суки и вѣтви рвутъ ея лицо, рвутъ ея грудь, бедра
и бѣлыя ноги; камни дробятъ ея кости; страшныя, чу-
довищныя вѣтки прокололи ея глаза, ея глаза...

Вода заливаесть ей ротъ, душитъ и давить ее...
Ея волосы, длинныя, шелковые, растрепанные волосы
цѣпляются за вѣтки, оплетаютъ суки, обвиваются во-
кругъ молодыхъ поваленныхъ сосенъ, запутываются и
тянуть ее, — что за страданіе! Господи!

Она еще можетъ жить...

Господи! Господи! Господи!

Гроза, вода! Ты, страшный лѣсъ, убей же ее!

Господи! Убейте ее! Пусть умретъ! О! О!

На слѣдующій день мы сызнава начали работу. За-
горѣвшійся отъ молніи мостъ свалился въ воду; на
большомъ пространствѣ вода сорвала и унесла рельсы.

Мы начали работу сначала.

Я царилъ надъ лѣсомъ, надъ бурей, надъ стихіями,
надъ собой самимъ. Я пойду туда, куда хочу. Триумфъ.

Напрасно грозилъ мнѣ этотъ страшный лѣсъ. Я
вошелъ въ него, взялъ его силою, надругался надъ
его святостью и красотою, принудилъ его признать ме-
ня своимъ властелиномъ. Онъ рванулся на меня съ
грозой, молніями, наводненіемъ — и покорился въ
борьбѣ.

Сотни рукъ поднимали вверхъ топоры, и эти сотни рукъ — одна моя воля.

Въ заговорѣ съ моимъ сердцемъ, кровью, чувствами онъ поставилъ у меня передъ глазами женщину, загородилъ мнѣ дорогу блескомъ ея глазъ, сладостью ея губъ, очарованіемъ ея голоса, волной ея грудей и дугами бедръ, — я сбросилъ ее въ пропасть.

Иду, куда хочу, иду съ триумфомъ.

Я силенъ, непобѣдимъ, освященъ побѣдой.

Продолжаю постройку дороги. Когда кончу эту линію, начну другую, новую. Дальше, дальше и дальше.

Es ragt ins Meer der Runenstein,
Da sitz'ich mit meinen Träumen;
Es pfeift der Wind, die Moewen schrein,
Die Wellen, die wandern und schäumen,
Ich habe geliebt manch schoenes Kind
.....
.....
Es schäumen und wandern die Wellen *).

Триумфъ!..

*) Гейне.

КОЛОКОЛЬ УТОПЛЕННИКОВЪ.

Разказъ.

Деревня стояла надъ рѣкой, разливавшейся въ этомъ мѣстѣ въ широкій, мутный, почти неподвижный водный омутъ. По правому берегу его тянулся широкій каменистый пустырь, дальше видѣлись голые, отлогіе холмы, а еще дальше — лѣса и горы; по лѣвому берегу росъ кое-гдѣ можжевельникъ, мелкія сосны и лиственница, а еще дальше чернѣлъ лѣсъ. На этой-то сторонѣ, на самомъ краю обрыва, надъ водой стояла каменная выбѣленная часовенка съ заржавленной остроконечной жестяной крышей, которая заканчивалась чернымъ, заржавленнымъ желѣзнымъ крестомъ. Входъ въ часовенку былъ низкій, въ видѣ арки, а внутри, на каменномъ потрескавшемся полу стояла низкая деревянная скамейка.

Вверху, на поперечномъ стропилѣ, висѣлъ колоколь, веревка котораго спускалась такъ, чтобы можно было звонить сидя.

Никто не помнилъ, когда именно въ одну зимнюю ночь свадебный поѣздъ, проѣзжая по замерзшему омуту, провалился и пошелъ вмѣстѣ съ лошадьми и людьми на дно. Это было очень давно. Въ память этого печальнаго случая кто-то выстроилъ часовенку, и каждый вечеръ въ ней звонили за упокой души умершихъ безъ послѣдняго напутствія. Этотъ колоколъ и прозвали колоколомъ утопленниковъ.

Въ деревнѣ постоянно былъ старикъ, который за предназначенныя для этого деньги ходилъ звонить надъ рѣкой. Когда же послѣдній изъ такихъ звонарей умеръ, одинъ батракъ, прозванный Гришкой Тощимъ, согласился принять эту обязанность на себя.

Этотъ Гришка Тоцій былъ сынъ богатаго земледѣльца, но, когда его родители умерли, старшій братъ отнял у него его часть, выгналъ изъ дому и въ довершеніе всего отбилъ у него любимую дѣвушку и самъ на ней женился.

И остался Гришка одинъ въ цѣломъ свѣтѣ, безъ крова надъ головой, безъ близкихъ, со злобой и страшной завистью въ сердцѣ. Скитался, бродяжничалъ, нанимался въ батраки, но неудачи такъ преслѣдовали его, что онъ до того исхудалъ и высохъ, что его прозвали Тощимъ. И онъ поклялся мстить брату во вѣчныя времена, на жизнь и на смерть.

Сдѣлавшись звонаремъ, Гришка нанялъ себѣ каморку у кладбищенскаго сторожа на краю деревни и отсюда послѣ поденной работы ходилъ въ сумерки зво-

пить за души утопленниковъ, какъ только въ костелѣ кончали звонить Angelus Die.

Однажды, когда онъ возвращался домой, жена кладбищенскаго сторожа выбѣжала къ нему навстрѣчу и закричала издалека:

— Несчастье! Братъ твой утонулъ!

Гришка остановился.

— Братъ? — спросилъ онъ, не вѣря.

А сторожиха продолжала:

— Говорю же тебѣ — братъ. Ёхалъ онъ въ лѣсъ за дровами, подъ самой часовней, да вдругъ земля обвалилась и возъ упалъ въ воду. Это видѣлъ лѣсникъ, но пока онъ добѣжалъ, все было кончено. Люди пытались хотя вытащить тѣло, но и то не удалось.

Гришка слушалъ, остолбенѣвъ. Не сказалъ ни слова и пошелъ къ своей каморкѣ.

— Позвони сегодня и за брата, Тоцѣй — сказала со вздохомъ сторожиха.

Но Гришка не отвѣтилъ ей ничего. Онъ вошелъ въ каморку, заперъ за собой дверь и сѣлъ на нары, на которыхъ спалъ.

Сидѣлъ такъ нѣкоторое время, почти ничего не сознавая; мысли мутились въ его головѣ. Не зналъ, радуется ли онъ или печалится. Наконецъ, плюнулъ и сказалъ вполголоса:

— Подѣломъ ему!

Черезъ минуту повторилъ громче:

— Подѣломъ ему, обидчику!

Большой церковный колоколъ сталъ звонить Angelus

Die. Гришка, подпирая голову руками, слушалъ. Онъ не сталъ на колѣни, какъ всегда, не молился, а только слушалъ. Колоколъ звонилъ и, казалось Гришкѣ, звонилъ угрюмѣй, чѣмъ обыкновенно. Наконецъ умолкъ. Пора было итти въ часовню. Но Гришка не всталъ съ царя, а только, подпирая голову руками, сидѣлъ и смотрѣлъ въ землю. Такъ прошло много времени; наконецъ, Гришка процѣдилъ сквозь зубы:

— Какъ же, дождется! Погибшій обидчикъ! Сегодня надо было бы и за его душу...

Онъ плонулъ, упалъ на нары и, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, хотѣлъ было уснуть, но не могъ. Сѣлъ опять, какъ прежде, и сталъ смотрѣть на землю.

Былъ ненастный осенній день. Угрюмо шумѣлъ и завывалъ вѣтеръ, мелкій дождь монотонно и печально барабанилъ въ стекла.

Темнѣло все больше и больше.

— Не пойду, — сказалъ про себя Гришка.

Онъ снова попробовалъ уснуть, но не могъ. Какое-то безпокойство все больше и больше охватывало его; онъ поднялся и сталъ у окна. Въ полѣ было темно.

Но и здѣсь онъ не могъ стоять. Ему казалось, что что-то охватываетъ его.

Вышелъ изъ избы. Что-то очень явственно толкало его впередъ.

Онъ вышелъ на тропинку, которая вела черезъ пастбище къ часовнѣ.

Остановился и сказалъ про себя:

— Не пойду! — И снова пошелъ дальше.

Что-то толкало его впередъ. За пастбищемъ замелькалъ въ сумеркахъ растущій кое-гдѣ можжевельникъ, мелкія сосны и лиственницы. Уже доносился шумъ рѣки.

Небо прояснилось немного, а въ вышинѣ! показался мѣсяць, круглый, туманный, оловянный.

Гришка! не могъ понять, что происходитъ съ нимъ. Онъ чувствовалъ въ своей душѣ беспощадную мужицкую ненависть къ покойнику брату и въ то же время необходимость идти къ часовенкѣ.

Вдругъ онъ вздрогнулъ и остановился...

Ему показалось, что, кромѣ шума воды и вѣтра, онъ слышитъ какой-то голосъ, какой-то звукъ. Онъ испугался и хотѣлъ быстро вернуться, но какая-то непонятная сила, овладѣвшая имъ, толкала его впередъ.

А звукъ становился все яснѣй и яснѣй — это былъ звонъ колокола. Воолсы поднялись у Гришки на головѣ; между соснами, надъ омутомъ, мертвой бѣлизной забѣлѣла передъ нимъ въ лунномъ блескѣ часовня. Холодный потъ выступилъ на его лбу, дыханіе остановилось въ груди: въ часовнѣ былъ кто-то и звонилъ. Онъ остановился и еще разъ хотѣлъ вернуться, но пронизывающее, страшное лобопытство заставляло его идти дальше. Онъ былъ уже у дверей; наклонился, взглянулъ и, поднявъ вверхъ руки, попятился въ ужасѣ назадъ. На скамейкѣ сидѣлъ его братъ, голый, распухшій, раздутый, съ прилипшими къ затылку мокрыми волосами и обвисшими усами, держа въ обѣихъ

распухшихъ рукахъ веревку отъ колокола. Онъ повернулъ къ Гришкѣ блѣдное распухшее лицо утопленника и взглянулъ на него безцвѣтными, вылѣзшими изъ орбитъ глазами. Гришка застоналъ, пошатнулся и свалился въ омутъ.

«БАРИНЪ».

Набросокъ.

А онъ все шелъ, шелъ и шелъ... Шелъ, не обращая вниманія на обувь, шелъ, быть можетъ, еще съ пяти часовъ утра; солнце сіяло уже почти на серединѣ неба. Онъ былъ уже далеко за городомъ, быть можетъ, мили за три отъ него, среди полей. Онъ не зналъ этой мѣстности, онъ шелъ почтовой дорогой все впередъ, впередъ и впередъ...

Онъ былъ въ такомъ состояніи, что не обращалъ вниманія ни на обувь, ни на то, что до сихъ поръ не завтракалъ, ни на окрестности...

Редакторъ большой, распространенной ежедневной газеты «Лишь бы было», у котораго было 8 тысячъ подписчиковъ и три столбца объявленій, заказалъ ему новеллу въ тысячу строкъ на тему «Солнце» и предложилъ исключительный гонораръ, по 7 коп. за строку! Семь помножить на тысячу, — это будетъ семь тысячъ копеекъ, что составляетъ семьдесятъ рублей. Семьдесятъ рублей... Ахъ! Семьдесятъ рублей — это семьдесятъ рублей.

Сейчасъ іюль, лѣто, городъ опустѣлъ, всѣ разбѣхались. Даже въ редакціи «Лишь бы было» трое постоянныхъ сотрудниковъ взяли отпускъ. Онъ не былъ нигдѣ постояннымъ сотрудникомъ; его не хотѣли приглашать, такъ какъ «жалѣли погубить его литературный талантъ въ газетномъ дѣлѣ».

Благодаря такому лестному мнѣнію о немъ, репортеры зарабатывали по двѣсти, триста рублей въ мѣсяцъ, а онъ въ среднемъ отъ сорока трехъ до ста двухъ. Это случилось только одинъ разъ, когда за маленькую новеллу о Рождествѣ Христовомъ онъ получилъ тридцать девять рублей.

Съ того времени, однако, до самаго іюля онъ не напечаталъ ни одной новеллы; во-первыхъ потому, что редакторъ «Лишь бы было», съ которымъ ему приходилось больше всего имѣть дѣла, не долбилъ сотрудниковъ, которые печатались въ другихъ журналахъ, а во-вторыхъ, такъ какъ у него самого было столько «текущихъ событій», что, имѣя постоянный фельетонъ-повѣсть, онъ очень рѣдко могъ замѣнять его новеллами. Да, кромѣ того, отчеты о книгахъ, за которые онъ получалъ по двѣ съ половиной копейки за строчку, отнимали очень много времени.

Впрочемъ, его положеніе, какъ сверхштатнаго сотрудника «Лишь бы было», было очень хорошимъ: редакторъ всегда привставалъ, когда здоровался и прощался съ нимъ, не говорилъ ему «мой панъ Житневичъ», а «панъ Гекторъ»; на новый годъ принималъ его въ гостиной, а не въ столовой, какъ репортеровъ; а въ

день именинъ своей жены изъ всей редакціи, кромѣ руководителя политическаго отдѣла и референта экономическихъ вопросовъ, приглашалъ только его одного на танцевальный вечеръ. «Э, да вы баринъ! Вотъ бы мнѣ быть такимъ!» — говорили ему репортеры «Лишь бы было», одѣтые въ блестящіе цилиндры, клѣтчатыя брюки и разноцвѣтные галстуки. Они въ глаза издѣвались надъ нимъ, — вѣдь каждый изъ нихъ могъ пойти куда-нибудь въ садъ поужинать съ актрисами или на наличныя или въ долгъ, а то за рекламу для хозяина кафешантана, директора маленькаго театра или автора той пьесы, которая идетъ.

Почти все возвращались на разсвѣтѣ домой пьяными. Его же ужины стоили очень мало и отнимали немного времени: онъ покупалъ двѣ сосиски по три коп. за штуку, двѣ булки по полторы копейки, — и чаще всего съѣдалъ это въ какомъ-нибудь переулкѣ. А дома вечеромъ была такая скука и тоска: четыре стѣны, печь, два стула, умывальникъ, столъ съ грязной скатертью и запачканной чернилами розовой бумагой, комодъ, корзина и сундукъ — вотъ и все. Правда, въ комнатѣ было еще множество таракановъ.

На столикѣ за чернильницей стояла фотографія панны Евы; а на окнѣ — красивая бутылка съ ванильнымъ ликеромъ для Мильци. Онъ былъ влюбленъ въ pannу Еву и былъ въ связи съ женой рассыльнаго изъ газеты «Лишь бы шло», которая конкурировала съ «Лишь бы было».

Мильця любила ванильный ликеръ, а если человѣку

двадцать четыре года, то есть въ теченіе двухъ недѣль вмѣсто обѣда какую-то двадцатикопеечную дрянь и два бублика, — ровно ничего не значить, даже просто не стоитъ обращать на это вниманія.

Когда же въ карманѣ есть семьдесятъ рублей, можно было бы поѣхать на двѣ недѣли въ Щавницу — въ третьемъ классѣ это стоитъ немного, а вѣдь тамъ панна Ева. Мильцѣ можно будетъ сказать, что онъ ѣдетъ къ теткѣ; а паниѣ Евѣ, по прошествіи двухъ недѣль, — что нужно возвращаться, такъ какъ у него «важныя занятія» въ редакціи...

А между тѣмъ, точно на зло, ничего о «солницѣ» не приходило ему въ голову, тѣмъ болѣе ничего такого, что стоило бы по семи копеекъ за строчку...

Почти съ недѣлю онъ думалъ объ этомъ, но придумать ничего не могъ, — не было вдохновенія, какъ это иногда бываетъ. Онъ чувствовалъ себя усталымъ, изнуреннымъ; жара дожимала, пыль, духота, — все это не располагаетъ къ писанію. Черезъ четыре дня ему надо было отдать свою работу, а кромѣ пяти или шести листовъ бумаги съ заглавіемъ — «Солнце», повелла Гектора Житневича, — у него не было ничего. Поэтому-то онъ и вышелъ утромъ въ поле «искать вдохновенія».

По дорогѣ онъ встрѣтилъ издателя, который недавно купилъ у него небольшой томъ мелкихъ очерковъ съ платой по три рубля за листъ; встрѣтилъ и владѣльца типографіи, въ которой должны были печататься эти очерки; они ѣхали на велосипедахъ — из-

датель въ венгерскѣ песочнаго цвѣта, владѣлецъ типографіи въ темносинемъ трико. Оба первые поклонились ему. Очень культурные люди... Правда, у него не было ни велосипеда, ни темносиняго трико, ни песочной венгерки, но зато у него «была будущность».

Кто знаетъ, не кроется ли въ немъ второй Сенкевичъ или Прусъ — слава народа; они же — только промышленники.

Онъ гордо закинулъ голову немного налѣво, «зная себѣ цѣну». Онъ былъ артистъ, цвѣтъ интеллигенціи. Хотя эти-то цвѣты и цвѣтутъ большей частью въ поношенныхъ брюкахъ и разорванныхъ штиблетахъ, но все-таки литература и искусство — цвѣты интеллигенціи. *Evviva l'arte!* И вниманіе общества къ нему...

Онъ шелъ и искалъ вдохновенія для «Солнца» на тысячу строкъ за семьдесятъ рублей.

Шелъ въ такомъ глубокомъ раздумьѣ, что не видѣлъ, что происходитъ вокругъ. Все думалъ, думалъ и думалъ, скорѣе, старался о чемъ-нибудь думать. Вдругъ споткнулся и словно пришелъ въ себя.

Кругомъ него были хлѣба, какъ золотая бездна. Куда ни обращалъ онъ взглядъ, всюду безконечныя, сіяющія на солнцѣ поля, поля — неизмѣримое пространство хлѣбовъ. А въ этомъ морѣ, въ волнахъ, полныхъ блеска и свѣта, — пунцовые маки, голубые васильки, зеленыя межи и мужики въ бѣлыхъ рубахахъ и въ желтыхъ блестящихъ соломенныхъ шляпахъ, женщины въ пестрыхъ желтыхъ и красныхъ платкахъ на головахъ, въ бѣлыхъ рубашкахъ и красныхъ юбкахъ. Сталь-

ные, серебристые серпы звенятъ и мелькаютъ въ ихъ рукахъ, — одни жнутъ, другіе вяжутъ снопы; здѣсь волю тащутъ громадный возъ, тамъ выпряженные изъ возовъ лошади щиплютъ траву на межѣ; дѣти бѣгаютъ, кричатъ; иныя укачиваютъ малютокъ, которыя висятъ въ полотняныхъ люлькахъ; все полно жизни, гама: — жатва пшеницы. А надъ всѣмъ этимъ жаворонки и воробьи и огромное, лучезарное, сіяющее солнце на голубомъ, неподвижномъ небѣ.

Онъ смотрѣлъ и смотрѣлъ, какъ вдругъ сразу почувствовалъ голодъ и усталость. Споткнувшись, онъ очнулся, и отъ сна.

Остановился и смотритъ.

О! какъ прекрасенъ этотъ міръ!.. Какое чудо!.. Какое очарованіе!.. Это море хлѣбовъ, эти красные и голубые цвѣты среди нихъ, эти пестрые люди съ серпами въ рукахъ, эти возы, волю, лошади, дѣти, люльки, это огромное солнце на голубомъ неподвижномъ небѣ!.. Что за божественная картина!.. Что за поэзія!.. Какая-то ангельская идиллія!.. Если бъ на небѣ явился Богъ и благословилъ міръ, развѣ это показалось бы неслыханнымъ? Развѣ здѣсь, на полѣ, не слуги Господа? Развѣ сейчасъ не могъ бы явиться среди этихъ людей, между хлѣбами Христосъ и, сѣвъ на только что связанномъ снопѣ, окруженный своими учениками, лаская по головкамъ дѣтей, развѣ не могъ бы Онъ рассказать имъ притчу о пшеницѣ и плевелахъ?

Развѣ среди этихъ хлѣбовъ и этихъ людей не могла бы снова разнестись вѣсть о томъ, что слѣпые прозрѣ-

вають, хромые ходять, мертвые воскресаютъ и убогимъ возвѣщается Евангеліе?..

А надъ всѣмъ этимъ это солнце... солнце... «Солнце», 7 копеекъ за строчку, тысяча строкъ, семьдесятъ рублей... редакторъ «Лишь бы было»... записка въ контору... Панна Ева въ Щавницѣ... на прощаніе ванильный ликеръ... двѣ недѣли безъ таракановъ... Ужинъ за полтинникъ... Христосъ — ясный, тихій, спокойный, сверхчеловѣчески мудрый и сверхчеловѣчески кроткій на только что связанномъ снопѣ среди бездны хлѣбовъ и жнецовъ съ серпами; въ вышинѣ небо и голосъ, говорящій оттуда: «Се есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Коемъ Мое благоволеніе».

Въ эту минуту имъ овладѣло «что-то, именно «что-то», что овладѣваетъ творческими умами, когда кажется, что душа «на крыльяхъ», хоть не на ангельскихъ, но на орлиныхъ «парить». Онъ повернулъ назадъ, чтобы бѣжать домой, только бы скорѣе, только бы скорѣе, лишь бы вдохновеніе не ушло, а оно пугливо, какъ бабочка, которую можетъ всполошить тѣнь качающейся отъ вѣтра вѣточки... Онъ хотѣлъ бѣжать столько миль, — какъ вдругъ на дорогѣ загрохотала телѣга. Ъхалъ мужикъ въ армякѣ на парѣ хорошихъ гнѣдыхъ по направленію къ городу. Что, если бы сѣсть къ нему, онъ такъ усталъ, такъ голоденъ, впереди еще столько миль, а хотѣлось бы сейчасъ же, какъ можно скорѣе писать о солнцѣ, которое увидитъ нѣкогда второе возрожденіе міра, лучшее и болѣе совершенное, среди хлѣбовъ и жнецовъ...

Пока онъ дойдетъ до города, будетъ вечеръ. Онъ такъ устанетъ, что будетъ принужденъ лечь спать; «вдохновеніе» можетъ пройти...

— Хозяинъ, — окликнулъ онъ мужика.

— А что?

— Свезешь меня въ городъ?

— Отчего жъ нѣтъ? А сколько дадите? А то мнѣ придется сдѣлать порядочный крюкъ.

Житневичъ смутился, — ощупалъ незаметно карманъ: кошелекъ-то былъ, но въ немъ...

— А сколько хочешь?

Мужикъ почесалъ въ затылкѣ.

— Знаю, что такой баринъ не обидитъ меня. Понятно, что-нибудь да заработаю.

Спрашивать было неловко; а идти пѣшкомъ только потому, что мужикъ спроситъ, напримѣръ, рубль за то, что свернетъ съ дороги къ городу, идти пѣшкомъ... за телѣгой?..

— Хорошо, сговоримся послѣ, на мѣстѣ. — И сѣлъ.

Вотъ ѣдетъ «такой баринъ». Въ желудкѣ у него пусто, но зато въ головѣ очень полно: — вотъ придетъ такое время, когда среди хлѣбовъ и жнецовъ разойдется вѣсть о проповѣди евангелія... И міръ возродится, воскреснетъ. Міръ возродится, воскреснетъ, воцарится миръ среди добрыхъ людей и произойдетъ это при блескѣ солнца... солнца... «Солнце», семь копеекъ за строчку... Щавница...

Вдругъ телѣга загрохотала по мостовой. Житневичъ такъ вздрогнулъ, словно увидѣлъ змѣю. Кошелекъ

былъ при немъ, но только въ немъ... пятнадцать копеекъ... На что онъ рассчитывалъ, садясь?.. Не на свои ли двадцать четыре года и свою будущность?.. Что дѣлать? Въ редакціи уже никого не было. «Лишь бы было» оканчивало занятія часа въ два, поэтому не у кого было ни попросить въ счетъ будущаго, ни занять «рубль до завтра».

Что дѣлать? Чортъ знаетъ, что за легкомысліе!.. Отдать эти пятнадцать копеекъ?.. Но во-первыхъ, это значить ничего не ѣсть до завтра, а это все-таки четыре сосиски и двѣ булки, а затѣмъ, какъ можно дать мужику пятнадцать копеекъ за такую дорогу!.. Быть можетъ, онъ свернулъ въ сторону на цѣлыхъ двѣ мили?..

— Куда прикажете подѣхать? — спрашиваетъ мужикъ.

Отчаяніе овладѣло молодымъ человѣкомъ вдругъ...

— Тырру!.. Стой!.. Здѣсь! — крикнулъ онъ, проѣзжая мимо проходного многоэтажнаго дома.

— Вотъ тебѣ пока пятнадцать копеекъ. Я сейчасъ пойду наверхъ и возьму деньги, а то у меня только бумажки... Очень тебѣ благодаренъ.

— Пустяки, я подожду.

Мужикъ смотрѣлъ на одну выѣску, потомъ на другую; затѣмъ на витрины магазиновъ, на тротуары, на улицу, наконецъ, сталъ браниться:

— Вотъ такъ баринъ! Хорошъ баринъ! Чтобъ ему пусто было. Золотой мѣшокъ! Ну, и баринъ!

Онъ плюнулъ въ кулакъ, махнулъ кнутомъ, а Гек-

торъ Житневичъ, влетѣвъ въ ворота, подобно своему славному тезкѣ, который убѣгалъ отъ Ахиллеса въ скайскія ворота, бѣжалъ изъ улицы въ улицу по направленію къ своему дому, дрожа при мысли, что можетъ услышать за собою грохотъ телѣги и крикъ: «Эй! Баринъ! А, баринъ, гдѣ же мои деньги?!»

Въ головѣ у него кружилось солнце...

Солнце, семьдесятъ рублей Щавица, пайна Ева, возрожденіе міра, хлѣбъ, жнецы...

А потомъ ему пришло въ голову, что у этого мужика есть все же пара лошадей, а онъ не съѣстъ сегодня четырехъ сосисекъ и двухъ булокъ, по двѣ на ужинъ и на завтракъ, и слезы навернулись на глазахъ «такого барина».

СКУЛЬПТОРЪ МЕРТЕНЪ.

Контуры для новеллы.

«Человѣкъ съ твоимъ талантомъ, — писалъ отецъ Юлію Мертену, — долженъ бы стоять Богъ знаетъ какъ высоко. Тебѣ уже 26 лѣтъ, и въ твои годы многіе имѣютъ вѣрный заработокъ въ рукахъ. У какого-нибудь Далинскаго нѣтъ и половины твоего таланта, а онъ зарабатываетъ до пяти тысячъ въ годъ. Вежицкій взялъ двѣсти талеровъ за бюстъ г-жи Гольдстернъ. Я убѣжденъ, что если бы ты только захотѣлъ, то могъ бы въ настоящее время занимать такое же положеніе, какъ они, если не лучше. Старайся бывать въ порядочномъ обществѣ, приобрѣтай связи, извлеки пользу изъ того, что я представилъ тебя князю Константину, онъ можетъ составить тебѣ протекцію. Безъ протекціи ничего не сдѣлаешь. Гордость — вещь очень хорошая, но въ твоемъ положеніи она не ведетъ ни къ чему. Нужно нагнуться къ людямъ, а иначе нельзя. Я старъ уже, стою одной ногой въ могилѣ, но подумай о бѣдной матери, которая страшно мучится.

Ты знаешь, что я уже не могу больше работать для нея, теперь ты долженъ заботиться о ней. Деньги, которыя ты прислалъ, исчерпаны давно; и я не знаю даже, какъ она теперь справляется. Прими же къ сердцу мои слова, брось жизнь, какую ведешь теперь, работай, живи съ людьми, потому что если ты не будешь помнить о домѣ, то мнѣ придется умереть гдѣ-нибудь подъ заборомъ, а матери пойти съ протянутой рукой. Не допусти же до этого, ты вѣдь мужчина. Я люблю тебя всѣмъ сердцемъ, но ты страшно обидѣлъ меня. Я изъ кожи лѣзь для тебя, думая не о томъ, чтобы обезпечить себѣ старость или матери безбѣдную жизнь, а только о томъ, чтобы помочь тебѣ устроить мастерскую. Отплати же за это, сдѣлай, что можешь, а то люди будутъ указывать на тебя пальцемъ, какъ на злое, неблагодарное, безсердечное дитя.

Твой отецъ Ричардъ.»

Въ другомъ письмѣ въ томъ же конвертѣ мать Юлія писала:

«Мое дорогое, сердечно любимое дитя! Отецъ очень обиженъ и раздраженъ противъ тебя, бранить меня и постоянно сердится. Онъ, должно быть, написалъ тебѣ много неприятнаго. Не сердись на него, нѣсколько дней тому назадъ ревматизмъ совсѣмъ отнялъ у него ноги и мучить его больше, чѣмъ когда-либо, и притомъ наше матеріальное положеніе страшно тяжело. Представь себѣ, я принуждена была продать тотъ золотой крестикъ, который ты подарилъ мнѣ на свои первыя заработанныя деньги, такъ какъ за него давали боль-

ше, чѣмъ въ ломбардѣ. Если бы не это, мы не обѣдали бы уже два дня. Ты понимаешь, каково было мнѣ идти съ этимъ крестикомъ къ Кауфманъ. Думала, что у меня разорвется сердце. Не буду даже писать тебѣ объ этомъ. Дома теперь уже нечего ни заложить, ни продать. Отецъ не знаетъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ, и я дрожу при мысли, что принуждена буду сказать ему всю правду. Боюсь и думать объ этомъ. Сегодня двѣнадцатое, двадцатаго срокъ одному векселю, а двадцать второго — другому; помнишь ли ты объ этомъ, мое бѣдное, дорогое дитя? Хозяинъ уже два раза присылалъ за деньгами за квартиру, я отвѣтила ему, что жду денегъ отъ тебя, и онъ согласился подождать до пятнадцатаго. Марианнѣ тоже не платили почти три мѣсяца. Подумай непременно о насъ, если можешь. Не повѣришь, какъ страшно тяжело мнѣ напоминать тебѣ о деньгахъ, которыхъ у тебя самого такъ мало, но всѣ попытки что-нибудь заработать не привели ни къ чему. Несчастье преслѣдуетъ насъ на каждомъ шагѣ. Какъ это ни грѣшно, но мнѣ приходитъ иногда въ голову мысль, что было бы лучше, если бы Господь убралъ къ себѣ этого несчастнаго старика, чтобъ ему больше не страдать. У меня хватитъ на жизнь только на два дня, а затѣмъ не знаю, что будетъ... Подъ ногами положительно пропасть. Всѣ удивляются, что ты такъ способенъ, а зарабатываешь такъ мало. Я сама не могу этого понять. Почему это? Въ молитвѣ мое послѣднее утѣшеніе, послѣдняя бодрость и надежда; можетъ быть, Богъ сжалятся, наконецъ,

надъ нами и пошлетъ лучшую участь намъ: и этому бѣдному старику, близкому къ могилѣ, и тебѣ, мой дорогой сынъ; ты — все у меня. Я не хочу ничего для себя, взяла бы на себя все злое, лишь бы вамъ было хорошо. Вѣдь благъ же Господь, я не сомнѣваюсь въ этомъ, не хочу сомнѣваться, не могу...

Сдѣлай, что можешь, а иначе намъ съ отцомъ придется умереть съ голоду на мостовой. Я не могу покинуть его, а съ нимъ меня не возьмутъ даже въ служанки.

Я кончаю, а то слезы заливаютъ мои глаза; благословляю тебя, тоскую по тебѣ, и такъ мнѣ больно, такъ больно, такъ страшно больно за тебя, мое дорогое, бѣдное дитя.

Твоя мать».

«Дорогой Юлекъ! — писалъ въ тотъ же день Далинскій. — Хоть ты и не отвѣтилъ на мое послѣднее письмо, но я такъ счастливъ, что хотѣлъ бы рассказать о своемъ счастьи всему свѣту, а такъ какъ и ты частичка свѣта, — ибо даже артисты люди, — то я расскажу хоть тебѣ. Мы теперь съ моей женушкой, ненаглядной моей женушкой, во Флоренціи. Ты не можешь себѣ представить, какъ чудесно здѣсь. Одно солнце, солнце, солнце, и кажется мнѣ, что оно свѣтитъ не съ неба, а изъ нашихъ сердець; что въ пространствѣ сверкаетъ и грѣетъ не какой-то свѣтъ, а наша любовь, наше счастье.

«Здѣсь множество цвѣтовъ; они — какъ слова моей

жены, какъ ея поцѣлуй... Здѣсь мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо, такъ хорошо!..

«Не представляю себѣ даже, что кому-нибудь можетъ быть плохо. Знаешь, я продалъ своего «Атласа» за двѣ тысячи франковъ, купилъ его какой-то старый итальянскій маркизъ; а теперь я дѣлаю бюстъ одной рыжей американки. Уродлива, какъ вѣдьма — ты бы не сдѣлалъ этого за милліоны — но богата, какъ Маккай или Вандербильдты — (говорить «какъ Крезъ» вышло уже изъ моды). Спросилъ пять тысячъ франковъ, и глупое бабье согласилась сейчасъ же; спроси хоть 500 тысячъ. Засыпаетъ подарками мою жену, въ которую влюблена, — только идіотъ могъ бы не влюбиться въ нее, — а эти подарки уже теперь стоятъ въ три раза больше того, что я получу за бюстъ. Говорю тебѣ, такъ сыплетъ золотомъ, что прямо зло разбираетъ. Обѣщаетъ выписать изъ Парижа двухъ своихъ племянницъ; если онѣ такія же безхвостыя обезьяны, то во Флоренціи должны будутъ сейчасъ же открыть зоологическій садъ — и я буду тоже лѣпить съ нихъ бюсты. Думаю сдѣлать форму на этой бабѣ. А все благодаря моему кумиру, моей маленькой феѣ, въ которую влюбился этотъ заатлантическій уродъ. Хорошо хоть, что не приходится ревновать. Говорю тебѣ, сдѣлай, какъ я, женись. Только тогда и можно быть дѣйствительно счастливымъ. А на свѣтѣ такъ много, такъ много, такъ страшно много счастья!..

Твой Кароль Далинскій».

— Такъ много, такъ много, такъ страшно много сча-

ствя, — повторилъ Юлій Мертенъ и вдругъ, скомкавъ письмо, бросилъ его на полъ и принялся съ бѣшенствомъ топтать.

— Животное, животное! Проклятое животное! — шепталъ онъ, стиснувъ зубы. Черезъ минуту, однако, успокоился и подумалъ:

— Чего я отъ него хочу? Чѣмъ виноватъ онъ, что ему хорошо, а мнѣ плохо? Но чѣмъ же виноватъ я, что мнѣ плохо и что имъ плохо?..

— Можно? — слышался басистый голосъ за дверями мастерской.

— Это ты, Кронжель? — спросилъ Мертенъ.

— Я.

— Войди.

Вошелъ Кронжель, товарищ Мертена, годомъ старше его, крестьянинъ по происхожденію, что сразу можно было узнать по линиямъ лица, рукамъ и тѣлосложенію. Только съ однимъ Кронжелемъ Мертенъ былъ близокъ; сближало ихъ то, что оба они были очень бѣдны, бѣднѣе всѣхъ во всей корпораціи. Но насколько Мертенъ старался внѣшне прикрыть свою нужду, настолько Кронжель объ этомъ не заботился, а наоборотъ, афишировалъ ее на каждомъ шагу.

— Что же, панъ шляхтичъ? — сказалъ Кронжель, садясь на перевернутый вверхъ дномъ ящикъ отъ углей. — Что ты такъ золь?

— Ничего. Получилъ письма.

— Изъ дому?

— И изъ дому и отъ Кароля Далинскаго.

— Этой бестіи, говорятъ, чертовски везетъ.

— Да.

— Какой ловкачъ! О тебѣ не говорю, но даже у меня больше таланта, чѣмъ у него. Развѣ не такъ?

— Почему я знаю; онъ продаетъ, а мы съ тобой нѣтъ.

— Это другое дѣло. А, впрочемъ, это неправда. Сегодня я продалъ двѣ фигурки à la Tanagra изъ терракоты. Почему ты ихъ не дѣлаешь?

— Не умѣю.

— Правда, ты художникъ, только художникъ, а я и художникъ и ремесленникъ. Только вѣдь это быстрая работа.

— Знаю.

— Слушай, что это, однако, съ тобой?

— Я жалѣю о томъ, что я не одинъ.

Кронжель провелъ по лицу своей широкой рукой.

— Понимаю, — отвѣтилъ онъ, — понимаю. Знаешь, я самъ не разъ радуюсь тому, что мои старики протянули ноги раньше, чѣмъ началась нищета. Одному всегда легче.

— А что тамъ — нужда?

Мертенъ не отвѣтилъ ничего.

— Что же ты думаешь дѣлать?

— Пустить себѣ пулю въ лобъ, — отвѣтилъ Мертенъ.

— Да, это было бы самое радикальное средство.

Съ минуту длилось молчаніе, затѣмъ Кронжель сказалъ:

— Знаешь, на что мы, кажется, похожи, если взглянуть на насъ? На два черенка вербы, отрѣзанныхъ отъ корня и посаженныхъ въ землю, которыхъ все больше и больше засыпаетъ земля; несмотря на то, что по правиламъ, они, какъ отрѣзанные, не имѣютъ права на жизнь, они, однако, могутъ жить и хотятъ жить; они посажены въ землю и пускаютъ зеленныя вѣточки, но ихъ засыпаетъ земля, глушитъ и, наконецъ, заглушитъ совсѣмъ. Обреченные на гибель, они должны погибнуть, хотя и могли жить. Можетъ быть, я плохо выражаюсь, но ты понимаешь меня, правда?

— Я понимаю тебя. Однако, почему долженъ погибнуть ты? Что стоитъ у тебя на дорогѣ? Ты одинъ и можешь думать только о себѣ.

— У меня нѣтъ счастья. Впрочемъ, знаешь, ты слишкомъ большой баринъ, чтобы быть художникомъ, а я слишкомъ ординаренъ. Ты не умѣешь зарабатывать, а я, если выльплю что-нибудь, то выйдетъ такъ грубо, что того, кто захотѣлъ бы это купить, я бы обозвалъ послѣдней собакой. У меня слишкомъ грубая, крестьянская рука. Знаешь что? — прибавилъ онъ черезъ минуту. — Давай дѣлать святыхъ для сельскихъ костеловъ.

— Продашь двѣ статуи въ годъ.

— И то правда. Да и того меньше.

— Дѣлать нечего, видно намъ и мѣсто у чорта на куличкахъ.

— Нѣтъ счастья!

— Неправда! Нѣтъ счастья? Счастья много, очень много, страшно много...

Молчали долго, потомъ отозвался Кронжель:

— Мертень, ты завтракалъ сегодня?

— Нѣтъ.

— А есть у тебя на обѣдъ?

— У меня всего шесть копеекъ. А можно что-нибудь заложить или продать?

— Ничего. Потому что я все, что получилъ за танагры, долженъ былъ отдать Винклершѣ за послѣднюю недѣлю и сейчасъ я голъ, какъ турецкій святой, а жрать хочется страшно.

— Возьми три копейки, лежатъ тамъ на столѣ. Хочешь, возьми шесть.

— А ты?

— Мнѣ ѣсть не хочется. Мнѣ уже ничего не хочется на свѣтѣ, только бы отдохнуть, хоть разъ отдохнуть. Возьми же, не ломайся.

— Возьму, а то у меня прямо что-то переворачивается въ кишкахъ. За эти танагры дали такъ мало, что Винклерша едва согласилась ждать остального. Будетъ двѣ сосиски, двѣ булки и папироска. У тебя есть табакъ?

— Нѣтъ.

— Знаешь, Мертень, было бы страшно скверно, если бы такому, какъ ты, пришлось погибнуть.

Мертень усмѣхнулся.

— Нужно или сдаться или вырваться.

— Вырваться?.. Легко сказать.

— Только трусъ не можетъ рѣшиться на такой шагъ, повторяю тебѣ, трусъ. Глупо говорить, что кто-нибудь стрѣляетъ себѣ въ лобъ изъ трусости передъ жизнью. Жизнь невыносима иногда, но самая худшая жизнь не наводитъ такого ужаса, какъ смерть. Я знаю, что можетъ встрѣтить меня здѣсь, я могу не чувствовать въ себѣ силъ, не желать бороться, но тамъ, тамъ, гдѣ я не знаю ничего...

— Ну да что мы толкуемъ объ этомъ. Не такіе, какъ мы, толковали, да не пришли ни къ чему. Слушай, Юлекъ, дѣлаешь ты бюстъ Гожицкаго?

— Какъ же я буду дѣлать? Вотъ ужъ не везетъ! Гожицкій согласенъ позировать только для головы, а остальное долженъ я дѣлать по модели и даже не изъ глины, а изъ мрамора; даже голову я долженъ высѣчь изъ мрамора, а онъ только потому хочетъ позировать для сходства и законченности, на готовомъ бюстѣ.

— Дурачье!

— Дѣйствительно дикая мысль, но для меня это задача. Я долженъ сдѣлать его бюстъ изъ мрамора, а у меня нѣтъ денегъ не только на мраморъ, но и на глину и модель.

— Не слыхалъ я никогда о такомъ заказѣ...

— И я нѣтъ. Это — какъ на зло.

— А еслибъ ты ему сказалъ.

— Его нѣтъ здѣсь. Онъ во Франціи или еще гдѣ-нибудь. Онъ пріѣдетъ, можетъ быть, на недѣлю и за это время хочетъ дать снять съ себя портретъ.

— А что, еслибъ ты написалъ ему?

— Развѣ я знаю, гдѣ онъ. А, впрочемъ, я думалъ, что у меня будутъ деньги, что будетъ возможность окончить мой «Призракъ» на конкурсѣ. Что было у меня, пришлось послать домой. Хорошо, что тамъ хоть не знаютъ о конкурсѣ.

— Вотъ, дѣйствительно, чертовски не повезло.

— Со мной всегда такъ.

Знаешь, моя судьба вотъ какова. Если бы я жилъ въ пустынѣ и умиралъ отъ жажды, то непременно натолкнулся бы на цѣлое море гнилой воды. Пей, сколько хочешь, да такой воды, которой нельзя пить. Это и есть проція судьбы, это насмѣшка жизни, она хуже, чѣмъ зло. Это просто доводитъ до безумія, до бѣшенства, неистовства и отчаянія. Такое чувство, словно кто-нибудь выворачиваетъ твои руки и въ то же время улыбается тебѣ; ты предпочелъ бы лучше, чтобы тебѣ плонули въ глаза и палкой разбили черепъ. Развѣ не правда?

Кронжель взялъ со стола спичку и началъ грызть ее, потомъ, посмотрѣвъ на Мертена, пробормоталъ сквозь зубы.

— Ну такъ что же?

— А развѣ я знаю, что! — отвѣтилъ Мертень, подходя къ окну.

На окнѣ лежалъ черепъ, купленный Мертеномъ для модели.

Бѣлая кость черепа переливалась въ свѣтѣ заходящаго солнца. Мертень взялъ его въ руки, поднялъ и сталъ въ него всматриваться.

— Что ты тамъ видишь особеннаго? — пробормоталъ Кронжель со смичкой въ рукахъ.

— Ничего, думаю только, что и онъ тоже чувствовалъ, что и ему, быть можетъ, тоже было плохо, а теперь онъ такъ тихъ, спокоенъ и равнодушенъ. Можно его ударить объ полъ, и онъ не скажетъ ничего.

— Покойникъ Гамлетъ лучше говорилъ объ этомъ.

— Знаешь, Кронжель, что приходитъ мнѣ въ голову. Что, если выстрѣлить изъ револьвера въ этотъ черепъ? Интересно, треснетъ ли онъ?

Кронжель широко раскрылъ глаза.

— Съ ума ты сошелъ, что ли?

— Нѣтъ, но меня такъ что-то и тянетъ къ этому. Дай-ка револьверъ, онъ лежитъ на шкафу.

— Я знаю твои дикія фантазіи, но теперь-то—муха тебя укусила, что ли? Вѣдь это даже грѣшно, ей Богу.

— Эхъ ты, старый идиотъ, давай револьверъ.

— Какъ это въ человѣкѣ кровь говоритъ! — пробормоталъ Кронжель, направляясь къ шкафу. — Что ни прикажетъ, нельзя не слушаться. На!

— Хорошо, спасибо.

Кронжель сталъ, однако, отговаривать.

— Послушай, надѣлаешь шуму, продырявишь стѣну.

— Онъ стрѣляетъ тихо, — возразилъ Мертень, — а если я положу черепъ на драпри, пуля застрянетъ тамъ.

— Отойди.

Кронжель отошелъ назадъ, а Мертенъ свернулъ изъ драпри валикъ, положилъ на него черепъ, потомъ, отступивъ не нѣсколько шаговъ назадъ, прицѣлился и выстрѣлилъ.

— Промахнулся, — сказалъ Кронжель. — Перестань.

— Нѣтъ.

— Опять промахнулся, перестань.

— Подожди!

Кости разсыпались по мастерской; выстрѣлъ пришелся на слишкомъ близкомъ разстояніи, и всѣ швы подались сразу.

— Ой-ой! — пробормоталъ Кронжель.

Мертенъ стоялъ мгновеніе безъ движенія; потомъ, сунувъ револьверъ въ карманъ на груди, проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Знаешь, Кронжель, странное ощущеніе испытывалъ я, когда цѣлился въ этотъ черепъ. Меня попросту охватилъ страхъ. Казалось, онъ смотритъ на меня своими пустыми глазными впадинами, и его челости полны какого-то выраженія. У меня было такое чувство, словно я дѣлаю что-то нехорошее, совершаю какое-то святотатство. Вѣдь все-таки, думалъ я, — это человѣческая кость, живой или мертвый, но человѣчскій лобъ, а я стрѣляю въ него. То, что умерло, имѣетъ въ себѣ какую-то святость. Моя рука дрогнула, два раза я промахнулся на такомъ близкомъ разстояніи. Быть можетъ, думалъ я, меня тутъ, на мѣстѣ хватитъ параличъ, и сердце мое сильно забилось. Знаешь,

я какъ ребенокъ испугался того Бога, который будто бы все видитъ. Но въ третій разъ я стрѣлялъ уже, какъ въ мишень.

— Гм... — пробормоталъ Кронжель, — а все-таки это...

— Приемотришь, — продолжалъ Мертень, — какъ тихо лежитъ этотъ раздробленный лобъ; такъ же тихо лежалъ бы твой лобъ, если бъ я выстрѣлилъ въ тебя, или мой, если бъ я пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Не было бы никакой разницы. Жизнь страшно хрупка, и оборвать ее очень легко.

— Да, но вернуть ее невозможно.

— Сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь, разъ прервавъ ее, захотѣлъ вернуть, если бы и могъ.

— А если тамъ еще хуже?

Мертень не отвѣтилъ ничего; усѣлся тяжело въ кресло около стола и склонилъ голову, опираясь ею на руки. Потомъ взялъ со стола письмо отца и, подавая Кронжелю, сказалъ:

— Возьми, прочти.

Кронжель прочелъ.

— Ну, что же? — спросилъ Мертень.

— Да ничего, скверно.

— Возмутило меня это письмо, — вспыхнулъ Мертень. — Какъ отецъ можетъ велѣть мнѣ нагибаться къ людямъ? Интересно, почему это я долженъ нагибаться къ нимъ, а не они ко мнѣ? Какъ можетъ онъ писать мнѣ, что гордость не приводитъ ни къ чему? Во всякомъ случаѣ, предохраняетъ отъ подлости! Что да-

дуть мнѣ люди? Заработокъ? Среди нихъ можно око-
лѣть съ голоду. Они не хотятъ даже дать намъ зара-
ботокъ, они хотятъ только получать съ насъ. И то
въ видѣ исключенія; а толпѣ мы не нужны, мы для
нихъ роскошь. Что искусство для толпы? Глупость, обон-
на стѣнѣ, безъ которыхъ стѣна обошлась бы и такъ.
Развѣ не правда?

— Можетъ быть.

— Бывать, бывать въ порядочномъ обществѣ! Зна-
ешь, что тамъ никто не спроситъ, что у тебя въ го-
ловѣ, а только — что на плечахъ. Не порядочный умъ
и благородное сердце, а приличный сюртукъ нужны въ
такъ называемомъ порядочномъ обществѣ. Думаешь,
Генревичъ сразу былъ бы принятъ тамъ такъ, какъ
теперь, со своимъ гениальнымъ талантомъ, если бы
зарабатывалъ меньше и не одѣвался бы такъ хорошо.
Какъ пойду туда я? На сюртукъ заработать не дадутъ,
а безъ сюртука не примутъ... Если бы я надулъ портно-
го, это еще ничего, лишь бы былъ сюртукъ. Подлый
свѣтъ!

— Нѣтъ, дудки, — вставилъ Кроишель, разсматри-
вая свои оборванные штаны. — Ты, если бы и захотѣлъ,
то не надуешь.

— Ты думаешь, что Далинскій и Вержицкій зара-
батывали бы столько, если бы у одного не было ста
талеровъ изъ дому, а другой не жилъ на содержаніи
у жены Шварцвальда. У нихъ было на что хорошо
одѣться, и никто не осмѣлился предложить имъ три-
дцать талеровъ за барельефъ въ натуральную вели-

чину, а вотъ этотъ — думаетъ каждый — голъ, для него и это не только много, а даже одолженіе.

— Свињи, — вставилъ Кропжель.

— А потомъ, — говорилъ Мертеиъ, раздражаясь все больше, — отецъ не знаетъ, что въ этомъ обществѣ меня считаютъ распутникомъ, нравственнымъ уродомъ, благодаря тѣмъ вещамъ, которыя я лѣплю, благодаря тому, что я не наряжаюсь въ овечью шкуру. Кто-то изъ нихъ видѣлъ меня разъ на улицѣ съ Лоттой — ну, и конечно! Каждый знаетъ, что у Икса, Игрека, Зета такихъ Лоттъ десятки, такъ какъ у нихъ больше денегъ на это, но вѣдь они не такъ смѣлы, чтобы показаться съ ними на улицѣ, — значитъ, все въ порядкѣ.

— Скоты, — пробормоталъ Кропжель, обгрызая взятый со стола уголь.

— Впрочемъ, еще одно. Если бы ты зналъ, сколько униженій долженъ перенести человекъ, о бѣдности котораго знаетъ его состоятельная родня! Какъ дадутъ тебѣ почувствовать это на каждомъ шагу... Ты думаешь, имъ льститъ то, что у тебя талантъ и люди знаютъ объ этомъ? Боже сохрани! Они стыдятся вытертыхъ локтей и стоптанныхъ башмаковъ. Они посадили бы тебя въ гостиную за ширмы, если бъ могли. А пріѣхалъ одинъ изъ деревенскихъ ословъ, мой кузенъ Юзекъ Сивскій, и потому, что у него были лакированные башмаки и золотая цѣпочка на животѣ, его посадили на рукахъ и даже устроили въ честь его балъ. Онъ и я! Тьфу!

— Тьфу! — повторилъ Кроижель, выплевывая изгрызенный уголь.

— Ахъ! Сколько униженій долженъ былъ я вынести, пока жилъ съ ними, — продолжалъ Мертень, — я, который на цѣлую голову выше ихъ. Каждый разъ, когда мнѣ давали ѣсть, то давали и почувствовать: ѣшь даромъ, а то денегъ нѣтъ. Каждый разъ, когда меня приглашали, то давали понять, что это любезное снисхожденіе. А эти разспрашиванья о моей обнищавшей семьѣ! Нѣтъ ничего подлѣе, чѣмъ эта Schadenfreude, которая выползаетъ у нихъ изъ каждой поры ихъ тѣла. Если бъ я, напримѣръ, сломалъ себѣ сейчасъ руку, ты радовался бы, что однимъ конкурентомъ стало меньше, хоть и притворился бы огорченнымъ. Не говори мнѣ: «нѣтъ» — радовался бы!

— Ну, и радовался бы!

— А, радовался бы? Чортъ возьми, какъ подлѣ свѣтъ!

— Подлѣ, — повторилъ Кроижель, взявъ новый уголь со стола.

— А этотъ князь Константинъ, этотъ покровитель искусства, этотъ меценатъ. Придетъ ему въ голову фантазія, и мы не разъ по три часа должны были ждать его, а уйти — сохрани Богъ! Не говорить никогда иначе, какъ «мой милый», и треплетъ по плечу. Когда приходилъ къ нему кто-нибудь изъ аристократовъ, онъ иногда представлялъ насъ, иногда нѣтъ, но намъ никого никогда. Поворачивался къ намъ спиною и разговаривалъ цѣлый вечеръ, а ты — дѣлай, что хо-

чешь. А какъ они съ нами обращались! Разъ — услышалъ я случайно — говоритъ графъ Варненскій, тотъ самый, что любитъ канареекъ и держитъ ихъ дюжинами въ своемъ дворцѣ: «Je ne comprends pas, Костя, какъ ты можешь окружать себя этой аристократической сволочью». А князь на это: «Что жъ дѣлать, это мои канарейки». Закипѣло все во мнѣ! Когда мы должны были идти ужинать, я подхожу къ князю и говорю ему: «Князь, простите мнѣ, что я уйду, но я ни сѣмянъ не ѣмъ, ни съ аристократической сволочью рядомъ сидѣть не желаю». Онъ открылъ ротъ. Конечно, только меня и видѣли. Но зато, благодаря этому покровителю искусства, у меня не купили, несмотря на заказъ, моего Наполеона, который, вѣдь чего-нибудь да стоитъ.

— Ба! — сказалъ Кронжель.

Оба молчали съ минуту, потомъ Кронжель спросилъ:

— Что ты будешь дѣлать сейчасъ? Темнѣеть.

— Мнѣ хочется пустить себѣ пулю въ лобъ. — отвѣтилъ Мертень, вставая. — Смотри-ка, какъ тихо лежитъ этотъ треснувшій лобъ... Юлій Мертень, который хочетъ отъ нищеты застрѣлиться. Тьфу, а вѣдь была у насъ деревня!..

Кронжель провелъ своей широкой, мужицкой рукой по лицу и сдавленнымъ голосомъ, словно что-то сжимало ему горло, сталъ говорить:

— Знаешь, Мертень, я хотѣлъ бы быть управляющимъ у тебя въ имѣнїи, да такъ и должно было бы

быть. Поѣхали бы мы сейчасъ въ поле, ты бы правилъ на козлахъ, а я съ кучеромъ сидѣлъ бы за тобой на сидѣньи... Сѣно бы благоухало, — продолжалъ онъ, — дѣвушки, работающія гдѣ-нибудь на свекловичномъ полѣ, краснѣли бы при видѣ насъ, а изъ лѣсу неся бы ароматный шумъ, и ласточки пѣли бы у насъ надъ головой! У жены твоей на верандѣ бѣлаго дома я цѣловалъ бы руку. «А чьи это хлѣба, чьи лошади, чей домъ?» — спрашивали бы люди. «А это имѣніе пана Юлія Мертена герба Ястребъ». «А кто за нимъ такъ смотритъ?» «Управляющій, панъ Кронжель изъ Палувки». Ну, развѣ не могло бы быть такъ?

Мертенъ ничего не отвѣтилъ.

— Собачья жизнь! — сказалъ Кронжель. — Хочешь, я возьму другія три копейки и принесу тебѣ что-нибудь.

— Нѣтъ, спасибо. Если хочешь, возьми себѣ. Миѣ хочется спать.

Кронжель понялъ, что Мертенъ хочетъ остаться одинъ, и, подавая ему руку, сказалъ:

— До свиданія! Придешь къ Винклершѣ?

— Можетъ быть. Будь здоровъ.

Кронжель вышелъ.

Мертенъ бросился на диванъ, покрытый драпировками, и съ минуту лежалъ почти безъ мысли. Въ головѣ закружилось.

— Значитъ, счастье есть, — думалъ онъ, — счастье есть... Почему же оно недоступно для него? Развѣ у него меньше правъ на счастье, чѣмъ у другихъ? За чѣмъ эта вѣчная, ужасная иронія жизни? За чѣмъ по-

висло надъ нимъ это проклятіе рока? Зачѣмъ уже нѣ- сколько лѣтъ на каждомъ шагу одни только несчастія? Почему ему не везеть, несмотря на то, что его та- лантъ, быть можетъ, больше, чѣмъ у другихъ? Зачѣмъ судьба поставила его въ такія условія, которыя связы- ваютъ ему руки? Вѣчно, почти съ первыхъ минутъ, какъ его стали воспитывать — недостатокъ, нужда, до- машній гнетъ не позволяли ему жить и развиваться нормально. Нигдѣ онъ не былъ, ничѣмъ не пользо- вался, ничего не видѣлъ. До сихъ поръ въ его жизни не было ни одного дня, о которомъ онъ могъ бы ска- зать: это былъ хорошій день! Не было ни одной ко- пейки, которой онъ могъ бы располагать свободно. А эта вѣчная борьба изъ-за каждаго куска хлѣба, каждой капли воды! Вѣчныя встрѣчи и общенія съ людьми, которыхъ или нищета сдѣлала подле- цами или которые уже родились ими. Всюду на каждомъ шагу грубость людей, зависть, злость, фальшь, глупость и подлость. Онъ долженъ постоянно жить въ этомъ свѣтѣ, который ему такъ чуждъ, такъ противенъ, съ которымъ его не могли бы примирить, сблизить, не то что жизнь, а цѣлые вѣка... Ужасная судьба, ужасная для такой натуры, какъ его — бурной, окрыленной, полной мечтаній и страстныхъ желаній, жаждущей впечатлѣній и упоеній, очарованной сна- ми и грезами, цѣнящей больше всего свою гордость, свою независимость... Ужасный рокъ, ужасная жизнь!..

Раньше ему казалось иногда, что это не дѣйстви- тельность, а только сонъ; онъ проснется, вострепе-

нется и увидитъ себя или ребенкомъ въ своей родной солнечной деревнѣ, о которой онъ никогда не перестанетъ вспоминать съ сожалѣніемъ, или человѣкомъ въ какомъ-нибудь совсѣмъ другомъ мѣрѣ. Иногда ему казалось, что струна напряжена до послѣднихъ границъ, что этотъ страшный сонъ долженъ кончиться, и онъ закрывалъ глаза съ тѣмъ, чтобъ черезъ минуту открыть ихъ снова съ улыбкой для новой, лучезарной жизни.

Но это не былъ сонъ.

Долгіе годы кричало въ немъ возмущеніе, онъ боролся, метался изъ стороны въ сторону, мучился, — но у него была надежда побѣдить... Надежда обманула. А потомъ появилось чувство примиренія съ судьбой, какое-то отупѣніе, апатія, нѣмое, но страшно мучительное чувство: будь, что будетъ!

И, какъ раньше, когда новое несчастье обрушивалось на него или его семью, онъ удивлялся, что можетъ быть хуже, чѣмъ было, — такъ теперь онъ удивлялся тому, что все еще не такъ худо, чтобы хуже и быть не могло, чтобы за всѣмъ этимъ была только пропасть...

Вѣдь до сихъ поръ ни отецъ, полупаралитикъ, ни смертельно изстрадавшаяся и угнетенная мать не были ни минуты голодны, ни минуты не были безъ крова надъ головой. А теперь, видно, пришелъ и тотъ часъ. Всѣ средства уже исчерпаны. У него самого, вотъ ужъ недѣля, какъ не было ничего горячаго во рту, а у нихъ черезъ нѣсколько дней не на что будетъ кушать себѣ

хлѣба. Видно, пришла уже крайняя нужда, если мать продала еврейскѣ тотъ золотой крестикъ; вѣдь онъ знаетъ, что она предпочла бы отдать полжизни, чѣмъ лишиться его... Тогда, когда онъ покупалъ его, ему казалось, что имъ будетъ хорошо жить...

Онъ взялъ въ руки письмо отца. Каждое слово, каждый упрекъ гналъ волны крови къ его груди. Онъ боялся, что упадетъ отъ апоплексическаго удара, — упреки эти были слишкомъ несправедливы, хоть съ виду и могли показаться основательными. Виноватъ не онъ, виновато несчастье. А, впрочемъ, въ немъ не было уже никакой вѣры, никакой надежды. Надо было кончить, и послѣдняя минута уже пришла. Передъ нимъ было двѣ дороги для выбора: или родители или онъ. Самъ для себя онъ сумѣетъ заработать, если не будетъ почти всего своего заработка отдавать на содержаніе семьи. Или они или я, — думалъ онъ, — надо выбирать одно. Моя жизнь не пригодится имъ ни на что, не освободитъ, не спасетъ ихъ, но моя смерть можетъ спасти ихъ. Пока я живъ, свѣтъ возлагаетъ на меня обязанность содержать и кормить ихъ; если же меня не будетъ, онъ почувствуетъ свою обязанность по отношенію къ нимъ. Это уже не будутъ родители, а только люди. Смерть моя произведетъ впечатлѣніе, о нихъ вспомнятъ родные, которые теперь могутъ свободно прикрываться мною, «взрослымъ и такимъ талантливымъ сыномъ». Продолжать борьбу у меня нѣтъ силъ, я и такъ слишкомъ много испыталъ. Надо случиться чуду, чтобъ я, оставшись въ живыхъ,

могъ найти выходъ изъ этого фатальнаго положенія, по моя смерть должна измѣнить что-нибудь. А, впрочемъ... меня не будетъ больше. Я тоже чувствую, мнѣ тоже тяжело, я не могу больше...

Это будетъ страшнымъ ударомъ для нихъ; если онъ убьетъ ихъ — тѣмъ лучше для нихъ. Если нѣтъ — голодная смерть хуже утраты сына. Хватитъ ли только смѣлости? Должно хватить, должно! Нужно умереть! А если бы... если бы попробовать еще, еще бороться, еще жить... можетъ быть, что-нибудь измѣнится. Ахъ!... сколько разъ онъ надѣялся на эту перемѣну, былъ въ ней увѣренъ...

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ничто не измѣнится, — самое большее — будетъ еще хуже, если, вообще, можетъ быть хуже. Единственное средство спасти родителей отъ окончательной нищеты — смерть; единственное средство спасти самого себя отъ муки жизни — самоубійство. Нужно умереть.

Онъ ухватился за эту мысль лихорадочно, страстно, не желая разсуждать, остановиться; его измученный мозгъ ухватился за эту идею, какъ рацная птица за надломленную вѣтку надъ водой... она предпочитаетъ упасть въ воду и утонуть, только бы не летѣть...

Окончательно надорванные нервы Мертена не допускали никакихъ разсужденій. Та мука, которую причинить онъ родителямъ, ужасная, невыразимая мука, которой они сами предпочли бы тысячу голодныхъ смертей, обязанности по отношенію къ нимъ до ихъ послѣдней минуты, — все это почти не существовало для

него. Онъ не отдавалъ себѣ отчета ни въ чемъ, не могъ, не хотѣлъ отдавать.

Мысль о самоубійствѣ, впрочемъ, приходила не разъ ему въ голову и не была чужда ему. Склонный къ меланхоли, лишенный той жизненной энергіи, которая способна сопротивляться въ жизни, и вынужденный вести такую феноменально тяжелую борьбу съ судьбой, онъ не разъ думалъ о насильственномъ и рѣшительномъ прекращеніи этой борьбы. Эта идея все больше и больше крѣпла въ немъ, все менѣе страшной казалась ему смерть. А все же...

— Хватитъ ли только смѣлости? — повторялъ онъ.

Почему же не хватитъ? Что бы тамъ ни было, хуже не будетъ, не можетъ быть хуже... А жизни — ха-ха! — этого, должно быть, не будетъ жалъ.

Онъ впалъ въ какую-то глухую задумчивость. Опершись головою на руки, сидѣлъ онъ неподвижно, почти безъ мысли. «Богъ!» Это слово оглушило его, какъ ударъ молота по черепу.

Онъ и самъ не зналъ, вѣрить ли онъ или нѣтъ.

Онъ не молился никогда, однако, не могъ заснуть, не перекрестившись, словно ребенка, котораго уложили въ постельку.

Вдругъ онъ всталъ, выпрямился и сказалъ почти вслухъ:

— Будь, что будетъ, я сдѣлаю это.

Онъ вынулъ револьверъ изъ кармана.

— Последняя сцена, достойная цѣлой трагикомедіи, цѣлой мелодрамы. Сынъ, жертвующій жизнью для

того, чтобы спасти отъ голодной смерти родителей, стрѣляетъ себѣ въ лобъ изъ револьвера, который онъ получилъ въ день рожденія отъ отца. Великолѣпная сцена!

Великолѣпная мелодрама! Крикнулъ бы bravo, если бы не былъ самъ актеромъ...

Онъ приставилъ дуло ко лбу и вдругъ отдернулъ руку.

Онъ чувствовалъ, какъ кровь приливала къ сердцу...
— Нѣтъ, нѣтъ!..

Казалось, что что-то воетъ въ немъ отъ страха, корчится и рвется, что что-то застываетъ и коченѣетъ. Взглянулъ на руки, потомъ въ зеркало.

— Черезъ минуту я буду трупомъ, — прошепталъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Значить, жить?.. Жить и дойти до того, что родители принуждены будутъ протянуть руку, умоляя людей о милости, о милосердіи. Снести этотъ позоръ, и ихъ и свой собственный?!.. Онъ также долженъ будетъ попрошайничать, потому что и у него нѣтъ на обѣдъ и не будетъ. Значить они пойдутъ втроемъ сидѣть подъ костеломъ или будутъ таскаться по улицамъ?

Безграничное отчаяніе и бѣшенство овладѣло имъ.

— Умри, умри, умри! — кричало въ немъ что-то. — Умри, разъ не умѣешь заработать себѣ на хлѣбъ. Умри, неудачникъ, нищій, выродокъ! У тебя не хватаетъ смѣлости разmozжить твой подлый лобъ, а хватитъ смѣлости смотрѣть, какъ твоихъ родителей будутъ тра-

вить собаками, хватить смѣлости смотрѣть на ихъ лохмотья, на ихъ нищенскую смерть. Хватить смѣлости переносить ихъ жалобы, упреки и людскіе взгляды! А что ты будешь дѣлать самъ? Что ты будешь ѣсть?..

Судорожное рыданіе сдавило ему горло.

— Господи! Господи! Господи! — шепталъ онъ. — Господи, помоги мнѣ умереть, ты видишь, что я не могу иначе, не могу...

И въ эту минуту онъ вѣрилъ, вѣрилъ, какъ ребенокъ, какъ женщина.

Ахъ! Если бы Христосъ протянулъ къ нему свои руки, бѣлыя и чистыя, и взялъ бы его къ себѣ, у себя пріютилъ...

— Чуда! — стоналъ онъ.

Но тихо и мертво было вокругъ. Мертенъ снова приставилъ дуло ко лбу... Стоялъ съ минуту, не имѣя силъ потянуть журокъ, въ глазахъ у него потемнѣло, что-то закружилось въ головѣ, и онъ упалъ на диванъ, выронивъ револьверъ.

Это не былъ обморокъ, но такая слабость, что онъ не могъ поднять вѣкъ, шевельнуть губами. Казалось, что кровь застыла въ немъ. «Если бы умереть! — думалъ онъ, — если бы умереть...»

Постепенно слабость эта стала переходить въ какой-то полусонъ. Онъ видѣлъ сонъ, хотя и зналъ, что это сонъ, — онъ лежалъ въ какомъ-то саду, полномъ розъ и зелени, на дорожкѣ, усыпанной играющимъ на солнцѣ, сухимъ, желтовато-бѣлымъ пескомъ. Дорожка, точь въ точь какая была у нихъ въ деревнѣ передъ

домомъ. Немного дальше росли ели и, бросая тѣнь на траву, шумѣли тихо и задумчиво. Онъ лежалъ почти навзничъ, опираясь головой на вытянутую руку. Онъ не былъ мертвъ, но не чувствовалъ ничего, ни свѣта, ни теплоты солнца. Зналъ, что существуетъ, но совсѣмъ замеръ. Въ саду было необыкновенно свѣтло и хорошо, какой-то волшебный мѣръ. Хотѣлось бы лежать тамъ безъ конца!

Потомъ на дорожкѣ появились его родители. Отецъ шелъ, опираясь на палку, очень легко и свободно; мать поддерживала его съ правой стороны, какъ всегда. Они не перемѣнились совсѣмъ, только мать была такъ же сѣда, какъ отецъ. Оба шли съ улыбкой на лицѣ, съ какой-то великой радостью. За ними Юлій увидѣлъ дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, съ полевыми васильками на груди, такую красивую и очаровательную, о какой онъ даже не грезилъ никогда. Улыбка была на ея лицѣ и радость въ темносинихъ глазахъ. Родители остановились передъ нимъ, и отецъ сказалъ:

— Ну, Юлій, встань, она пришла.

Почему онъ не всталъ, онъ не зналъ; впрочемъ, это было ему совершенно безразлично, словно отецъ обращался не къ нему.

Тогда заговорила мать нѣжнымъ, любящимъ голосомъ:

— Встань, сыночекъ, она пришла. Вымолила я ее для тебя, выпросила у Бога. Волосы мои посѣдѣли отъ молитвы, отъ ночей, проведенныхъ на колѣняхъ. Она несетъ тебѣ счастье, несетъ тебѣ веселье, несетъ

тебѣ рай. Встань, дитя ненаглядное, она ждетъ. Господь даровалъ намъ ее, она вознаградитъ насъ за все злое. Дай руку ей. Встань.

Но онъ былъ совершенно равнодушенъ къ тому, что говорила мать. Онъ слышалъ, но не чувствовалъ ничего.

Тогда подернулись печалью глаза родителей, подернулось печалью лицо дѣвушки, пришедшей съ ними въ садъ. И она стала передъ нимъ на колѣни и подняла его голову и смотрѣла на него нѣжно-нѣжно своими темносиними глазами, не говоря ни слова; но онъ лежалъ безъ движенія.

Тогда она положила его голову на песокъ, а родители стали на колѣни возлѣ нея, и всѣ трое замлакали тихо, со смертельною грустью. Онъ чувствовалъ ихъ слезы, какъ онѣ падали къ нему на лобъ, на полуоткрытыя вѣки, на губы. Но когда отецъ со стономъ упалъ на его грудь, а мать съ душоу раздирающимъ крикомъ бросилась назадъ, на плечи дѣвушки, стоявшей на колѣняхъ, — Юлій рванулся весь и поднялся съ мѣста.

Онъ очнулся, сидя на диванѣ. Холодный потъ сбѣгалъ съ его лба, онъ весь дрожалъ и не могъ собрать своихъ мыслей.

— Значитъ, она придетъ, она придетъ, — шептало что-то въ его душѣ — но придетъ слишкомъ поздно. Ты вымолишь, выпросишь ее, мать, у Бога, но лишь зачѣмъ, чтобъ она шла за моимъ гробомъ — и больше ни зачѣмъ.

Полусонное видѣніе окончательно разстроило его нервы. Ему хотѣлось плакать, жаловаться, онъ чувствовалъ потребность высказать кому-нибудь всю горечь своей жизни, всю ея скорбь. Еслибъ она пришла теперь, неся съ собой то счастье, тотъ рай... Еслибъ онъ могъ сѣсть у ея ногъ, положить голову на ея колѣни и говорить, говорить безъ конца, высказать ей все, всѣ жалобы... И пошли бы они куда-нибудь въ другой міръ, въ шумящіе надъ морями и сонными озерами лѣса, на горы, золотыя отъ солнца...

Онъ сумѣлъ бы любить ее, — любить, любить, — онъ такъ тоскуетъ по ней всѣмъ своимъ сердцемъ, хотя ему нельзя любить, хотя для него любовь нѣчто совершенно недоступное, хотя ему нельзя знать другихъ женщинъ, кромѣ уличныхъ и натурщицъ...

Онъ вскалъ съ табурета и подошелъ къ окну. Солнце уже зашло, и на землю падалъ сумракъ.

— Последний вечеръ, — сказалъ онъ вполголоса. Теперь онъ окончательно рѣшилъ покончить съ собой. Онъ отстранилъ отъ себя всѣ рефлексіи, освободился отъ страха, поборолъ жалость къ родителямъ, — а жалости къ другимъ и къ міру не было.

Свободнымъ движеніемъ онъ поднялъ револьверъ, который уронилъ на землю; онъ могъ бы въ ту же минуту пустить себѣ пулю въ сердце, но надо еще попрощаться безъ сожалѣнья съ тѣмъ, что онъ любилъ когда-то — съ природой и некусствомъ. Когда-то... Время, когда ему хотѣлось жить, казалось ему такимъ далекимъ, далекимъ...

Онъ сталъ смотрѣть въ окно на мѣсяцъ, тихо всходящій на небѣ, на нѣсколько блѣдныхъ, сонныхъ звѣздъ въ неизмѣримой пустотѣ пространства, на отблескъ мѣсяца на металлическихъ крышахъ костеловъ... Жаль, что не видно ни деревьевъ, ни горъ, ни воды, но онъ не пойдетъ уже за городъ — онъ слишкомъ усталъ, а, впрочемъ... не нужно отвлекать настроенія. Онъ чувствовалъ себя въ какомъ-то экстазѣ, въ лихорадочномъ упоеніи мыслью о смерти, такой близкой. Онъ былъ словно загнипнотизированъ.

И долго-долго смотрѣлъ онъ на небо широко открытыми глазами и вдыхалъ въ себя его тишину, покой и чары его вѣчной красоты. Затѣмъ зажегъ газъ въ мастерской.

Здѣсь были скульптуры, работы, начатыя въ глинѣ, зарисованные картоны. Онъ разгадалъ здѣсь одну изъ загадокъ своего неуспѣха. Все это было великолѣпно исполнено, страшно утонченной, артистической рукой, но носило характеръ или причудливой фантастичности или переходящей всякія границы чувственной разнузданности, и притомъ это были замыслы скорѣе художника, чѣмъ скульптора. «Насиліе» и «Лесбосская любовь» стояли тутъ съ прошлаго года, потому что принять ихъ, несмотря на великолѣпную работу, не хотѣли, попросту — не могли. Рядомъ назначенный къ конкурсу «Призракъ», изображавшій нагую женщину, выходящую изъ тростника съ ножомъ въ рукѣ, съ лицомъ, полнымъ ужаса, съ блуждающимъ выраженіемъ въ глазахъ, при яркомъ свѣтѣ газа производилъ

огромное впечатлѣніе, хотя былъ еще не оконченъ. Однако, профессоръ сразу сказалъ Мертену, что сомнѣвается, чтобы эта вещь, несмотря на всѣ свои художественныя достоинства, снискала себѣ какую-нибудь награду, такъ какъ будетъ непонятна и потребуетъ комментаріевъ. Почему онъ не идетъ дальше въ классическомъ направленіи, какъ раньше, разъ онъ получилъ уже двѣ награды за своихъ «Діану» и «Психею»?

Какъ будто вдохновеніе приходитъ въ какомъ-нибудь направленіи, словно онъ знаетъ, откуда взялся у него этотъ призракъ и почему именно такой, а не другой.

Надъ дверями висѣли огромныя картины, на которыхъ Мертенъ набрасывалъ свои замыслы, не имѣя денегъ на нужное количество гипса. Всюду были колоссальныя рисунки, группы фигуръ въ натуральную величину, нарисованныя или, вѣрнѣе, изваянныя углемъ и мѣломъ на бумагѣ. Человѣкъ, который такъ рисовалъ, долженъ былъ мысленно водить рѣзцомъ по мрамору. Линіи были просты, тѣней мало, зато контуры были обведены мастерски, были необыкновенно пластичны, великолѣпны по передачѣ чувства и выполнению.

Одинъ изъ картоновъ изображалъ группу нимфъ и фавновъ, вспугнутыхъ въ минуту любовныхъ объятій водянымъ чудовищемъ, — колоссальную группу, которая была исполнена съ такой могучей фантазіей и удивительнымъ художественнымъ чутьемъ, что попросту ошьяняла, вызывала головокруженіе.

Если бы это вытѣлнить, то получилось бы нѣчто колоссальное, необыкновенное. Кто-то изъ членовъ комитета выставки, посѣтивъ мастерскую Мертена, признался, что, если бы эта вещь была окончена и если бы даже ее согласились выставить, то размѣры ея были бы такъ громадны, что она не прошла бы въ двери зданія выставки.

— Сломайте стѣну, если вещь стоитъ того, — сказалъ Мертень. — Или вы хотите, чтобы въ моемъ творествѣ я приноравливался къ вашимъ дверямъ?

Долго всматривался молодой артистъ въ свои скульптуры и картоны и, положивъ руку на лобъ, съ горькой усмѣшкой сказалъ почти вслухъ:

— Теперь, какъ Андре Шенье на эшафотѣ, я могу сказать себѣ: «Et pourtant j'avais quelque chose là.» Но все кончено. И подумать, что трава будетъ такъ же зеленѣть, и такъ же будутъ цвѣсти цвѣты, и люди будутъ жить и умирать... Подумать, что моя смерть будетъ ничѣмъ, что даже не дрогнетъ ни одинъ листъ на деревѣ, ни одно облачко въ воздухѣ... Они будутъ въ отчаяньи, да... Мать будетъ рвать на головѣ волосы, а отецъ не скажетъ ничего и только будетъ смотрѣть неподвижными глазами. Мой дорогой старикъ, мой бѣдный, ненаглядный отецъ, моя дорогая, ненаглядная мать... Но это будетъ продолжаться такъ недолго... Нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, больше; что же это значить? А, впрочемъ, кто знаетъ, быть можетъ, нѣтъ ничего? Можетъ быть, съ моей смертью исчезнетъ весь мѣръ, который я считалъ реальнымъ? Можетъ быть,

онъ существовалъ только для меня, черезъ меня, во мнѣ?.. Можетъ быть, все это было обманомъ и на дѣлѣ не существуетъ ничего? Можетъ быть, нѣтъ ни земли, ни неба, ни людей, ни солнца, ни жизни, ни смерти?

Что бы ни было, я знаю, что, если я буду жить дальше, мнѣ будетъ слишкомъ тяжело, слишкомъ трудно, невозможно жить, будь эта жизнь обманомъ или реальной дѣйствительностью... Нѣтъ силъ! Можетъ быть, это подло, но я не могу больше! И не хочу! Жизнь уничтожила, раздавила меня. А если все это не только пустой сонъ, то послѣ меня останутся эти скульптуры, эти картоны. То, чѣмъ бы я могъ быть. Однимъ изъ величайшихъ современныхъ скульпторовъ — *pourtant j'avais quelque chose là*. Но я ужъ не буду имъ никогда, не могу, не могу.

Чтобъ не допустить ослабленія искусственно напряженной энергіи, которую онъ съ усиленіемъ поддерживалъ все время, — онъ теперь вдругъ замѣтилъ, что она начинаетъ измѣнять ему, — онъ быстро прошелъ изъ мастерской, черезъ коридоръ въ залу антиковъ. Зажегъ всѣ газовые рожки. Зала заперѣла отъ яркаго свѣта. Сколько часовъ провелъ онъ здѣсь, заглядѣвшись на божественныя формы Афродиты Милосской и медіційской, обезглавленной Никѣ Ансеросъ и Психей съ повернутымъ лицомъ; сладострастной Афродиты Каллиппосъ и нимфы Фидія, которая завязываетъ налету сандалию; на богатырскій торсъ портенонскаго Тезея и колоссальныя мускулы дискоболовъ; сколько часовъ грезилъ онъ здѣсь, словно въ волшебномъ снѣ... Вся

Греція, солнечная, золотистая и лучезарная, языческая, чувственная Греція стояла здѣсь, передъ его глазами, замороженная чародѣйской силой фантазіи. Онъ слышалъ шумъ голубыхъ морей, рокотъ оливковыхъ рощъ и пѣсни рапсодовъ; съ арены шелъ онъ на городскіе рынки, изъ храмовъ — въ гинекеи, шелъ въ гротъ на островѣ Милосъ, чтобъ любоваться тамъ чувственной святостью богини... Только здѣсь дышалъ онъ полною грудью, только здѣсь былъ единственный островъ на печальномъ океанѣ его жизни, только здѣсь, опираясь на холодныя, каменные статуи женщинъ, отъ которыхъ не осталось и праха, онъ воскрешалъ ихъ, разговаривалъ съ ними въ своемъ грезящемъ воображеніи. Сколько часовъ провелъ онъ здѣсь одинъ... Ему казалось, что эти статуи былой языческой Греціи теперь не такъ мертвы и холодны. Онъ погасилъ нѣсколько газовыхъ рожковъ: — въ нихъ стало еще больше жизни. Погасилъ весь газъ, и только мѣсяцъ бросалъ сквозь большія окна серебристо-лазуревыя, туманныя ленты свѣта. Гдѣ-то далеко на башнѣ отозвались часы; пробили девять разъ, эхо имъ завторило. Послѣ этого стало еще тише.

Опершись о торсъ Венеры безъ головы и рукъ, съ ногами только до колѣнъ, стоялъ Мертенъ съ револьверомъ въ правой рукѣ, лѣвой рукой обнимая роскошныя бедра богини. Каллипигосъ и дискоболъ отчетливо выдѣлялись въ блестящемъ туманѣ луннаго свѣта; другія статуи бѣлѣли въ сумракѣ, а надъ всеми ними возвышалась Венера Милосская, непорочная! На обращен-

ное въ сторону лицо Каллишигось и на ся тѣло падалъ самый сильный снопъ луннаго блеска, дѣлая ее почти живой.

Мертень смотрѣлъ.

Жажда какого-то мучительнаго наслажденія охватила его; онъ не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, жаждалъ только чего-то чувственно-сверхчувственнаго, непонятнаго, и ему казалось, что это приближается къ нему... Между воскрешенной безжизненностью этихъ статуй и имъ, стоящимъ здѣсь за минуту до смерти, чувствовалась какая-то близость, какой-то непрерывный, таинственный, странный токъ. Онъ влилъ душу въ эти изваянія и повелъ ихъ куда-то въ мѣръ, полный лазоревыхъ волнъ и музыкальнаго ритма.

Городскіе часы снова пробили разъ.

Юлій очнулся. Вспомнилъ все и сказалъ спокойно:
— Уже пора.

Еще минута, и онъ будетъ такимъ же мертвымъ и безчувственнымъ къ страданіямъ и несчастіямъ, какъ бѣлые гипсы и мраморы, какъ тѣла, которыя дали имъ свои формы...

Жизнь? Онъ сдѣлалъ движеніе рукой, словно хотѣлъ отогнать что-то отъ себя. Жить онъ не хотѣлъ. Все, что сблизало его съ жизнью, унесла съ собой изъ его души рѣка тѣхъ горькихъ слезъ, которыя онъ выплакалъ въ жизни. Теперь онъ могъ умереть спокойно среди этихъ глухихъ памятниковъ единственнаго міра, куда и онъ хотѣлъ бы уйти, если бы послѣ смерти

духъ могъ выбирать себѣ мѣсто. А, впрочемъ, пусть будетъ тамъ то, что будетъ!..

Въ эту минуту въ коридорѣ раздались шаги, кто-то открылъ двери въ залу и остановился въ нихъ. Мертень быстро приложилъ дуло револьвера къ сердцу.

— Мертень, ты здѣсь? — спросилъ вошедшій. — Я ищу тебя вездѣ. Ты дома?

— Это ты, Кропжель? Я здѣсь.

— Что ты здѣсь дѣлаешь впотьмахъ? — спросилъ Кропжель, приближаясь къ Юлію.

— Вотъ что! — отвѣтилъ Мертень твердо, потянувъ курокъ. Раздался выстрѣлъ, а потомъ страшный трескъ. Падая, Юлій потянулъ за собою торсъ Венеры, которую обнималъ рукой.

Торсъ грохнулъ съ подставки на землю, разбился на части и разможилъ уже мертвую голову молодого скульптора.

Кропжель остановился, какъ пораженный молніей. Онъ не могъ сразу понять, что случилось.

— Мертень! — крикнулъ онъ.

Никто не отвѣтилъ.

Тогда Кропжель сдѣлалъ шагъ впередъ и, опираясь дрожащей рукой на пустой пьедесталъ разбитой неаполитанской Венеры, заговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Что ты сдѣлалъ матери, Мертень, что ты сдѣлалъ матери... *).

*) Эта новелла, которая въ нѣсколькихъ подробностяхъ аналогична съ „Ангеломъ смерти“, была напечатана въ 1894 году, а „Ангель смерти“ въ 1896—7 году.

КСЕНДЗЪ
ПЕТРЪ.

— Какого же герба, панъ Дзенгелевскій? Цикорія?

— Озорія, добрѣйшій отецъ настоятель.

— Кто бы могъ подумать! Ага! Прошу покорно! А вышилъ бы ты водки, панъ Дзенгелевскій герба Озорія?

— Какъ вамъ будетъ угодно, отецъ настоятель, отчего же нѣтъ?

— А какую ты предпочитаешь, анисовку или тминную?

— Правду сказать, тминная по случаю того, что завтра вторникъ, кажется мнѣ болѣе рациональною.

— О! Какимъ же высокимъ стилемъ ты говоришь! Подумаешь, что ты съ покойнымъ Словацкимъ сочинялъ «Короля Духа». Но къ чему же это относится, панъ Дзенгелевскій-органистъ?

— Что къ чему относится, съ позволенія отца настоятеля?

— Тминная ко вторнику!

— Да, если сказать правду, то она можетъ вовсе и не относиться къ нему.

— Такъ къ чему же ты это сказалъ?

— Э, вамъ бы только, отецъ пастоятель, все муштровать!

— Хо-хо! панъ Дзенгелевскій, колоницкій органистъ! Помнишь, какъ я училъ тебя маршировать здѣсь на дворѣ, когда въ воздухѣ чувствовалась гроза? И размахивать винтовкой? Хотя, сказать правду, я самъ никогда не умѣлъ маршировать, такъ какъ служилъ въ кавалеріи и владѣлъ саблей, а не винтовкой. Помнишь, панъ Дзенгелевскій, какой я былъ бравый офицеръ въ пятомъ уланскомъ полку во времена князя Константина? Какой у меня былъ гнѣдой конь? Помнишь, панъ Дзенгелевскій?

— Какъ же я могу помнить, добрѣйшій отецъ пастоятель, вѣдь тогда моя мать была еще барышней и танцевала на ярмаркѣ въ Сабаньцишкахъ?

— И то правда, панъ Дзенгелевскій, что ты немного моложе меня. А сколько тебѣ лѣтъ?

— По метрикѣ я родился въ 32 году отъ Каспара Матвѣя и Клеофасіи Засѣцянской, Озорія Дзенгелевскихъ, молодоженовъ.

— И у тебя сразу были такіе желтые усы, панъ Дзенгелевскій, органистъ?

— О, гдѣ жъ тамъ! Какъ могли у меня быть усы тотчасъ послѣ рожденія?

— Вѣдь былъ же римлянинъ «dentatus», родившійся съ зубами, такъ почему же не могъ быть Дзенгелевскій «усатусъ»? Чѣмъ онъ хуже какого-нибудь язычника?

— Конечно, мы лучше язычниковъ, тѣмъ болѣе, что мы дворяне.

— Вотъ видишь. А я родился въ 799 году, а теперь у насъ 886. Сколько же не хватаетъ мнѣ до сотни, панъ Дзенгелевскій, герба Цикорія?

— Озорія, съ позволенія отца настоятеля.

— Пусть такъ. Сколько же?

— Если бъ отцу настоятелю было 90, то не хватало бы 9.

— А если бъ было 100, то не хватало бы ничего, правда?

— Вамъ бы всегда, отецъ настоятель, только смущать людей.

— А если отнимешь отъ десяти... Ну, сколько же, скорѣй!

— Вамъ бы все сію минуту...

— Ты, панъ Дзенгелевскій, такъ же скоръ въ счетѣ, какъ еврей въ танцахъ. Ну, я тебѣ помогу. До ста мнѣ не хватаетъ тринадцати. Сколько же это будетъ?

— Именно, будь я проклятъ, я хотѣлъ сказать 87.

— Тринадцать, панъ Дзенгелевскій, тринадцать — тяжелое число. Но я, какъ дворянинъ, какъ Петръ Заланскій, не уступлю отъ сотни Господу Богу ни одного дня, клянусь честью, не уступлю. Чѣмъ я не молодецъ? Помнишь, какъ въ прошлое воскресенье я такъ крикнулъ съ амвона на пана Болеслава Карасовскаго изъ Вольки, который заснулъ было на скамейкѣ, что онъ вздрогнулъ и у него даже слетѣли съ носа

очки. Ого! безъ бою не сдамся! Выпилъ ли ты водки, панъ Дзенгелевскій?

— Какъ же это могло случиться, если отцу-настоятелю угодно было только пообѣщать?

— Ну такъ достань изъ буфета графинчикъ. А такъ какъ сегодня понедѣльникъ, а завтра вторникъ, то достань два. Не тотъ, а этотъ; такъ. На этомъ основаніи проглоти сначала анисовки, а потомъ тминной.

— Какъ вамъ угодно, отецъ настоятель.

— Глотнулъ?

— Какъ будто.

— Теперь другую.

— Кажись, уже.

— Теперь закуси пряникомъ. Вкусно?

— Гм..! гм!.. Деликатесь!

— Ну, а теперь иди себѣ домой, панъ Дзенгелевскій, и поклонись хорошенько отъ меня пани Дзенгелевской и пани Анастасіи Паприковской, ея двоюродной сестрѣ, а я прочту утреннія молитвы. Да хранить тебя Богъ, панъ Дзенгелевскій, герба Цикорія.

— Цѣлую ручки добрѣйшаго отца настоятеля. Озорія - съ.

И Дзенгелевскій, вытирая рукавомъ свѣтлые, длинные, сѣдѣющіе усы, поцѣловалъ руку отца настоятеля пониже локтя и вышелъ.

Старичокъ, перекрестившись, сложилъ на груди руки и сталъ ходить по комнатѣ ровнымъ, медленнымъ шагомъ, шепча вполголоса молитвы, а старая лягавая собака Заграй, спавшая до сихъ поръ подъ диваномъ,

сначала открыла одинъ глазъ, потомъ другой, встала, потянулась, зѣвнула и, какъ она продѣлывала это съ давнихъ поръ, стала ходить шагъ за шагомъ за своимъ хозяиномъ. Время отъ времени старичокъ отгонялъ рукой назойливыхъ мухъ, время отъ времени старый Заграй скалилъ на нихъ зубы, и оба ходили такъ до самаго завтрака.

Среди молитвы ксендзъ Петръ время отъ времени поглядывалъ на стѣну, гдѣ висѣли прекрасно отполированные двустволки и были прибиты большіе вѣтвистые оленьи рога; присматривался къ гіацинтамъ и азалиямъ, цвѣтущимъ въ горшкахъ на окнѣ, или къ высокимъ мальвамъ и подсолнечникамъ, которые росли подъ окномъ; иногда мимоходомъ бросалъ взглядъ на поставленные въ рядъ чубуки и блестящія пѣнковые трубки или же, не прерывая шопота молитвы, останавливался передъ шкафомъ съ книгами, поправлялъ ту или другую и меденно шель дальше, а собака за нимъ. Не разъ посматривалъ на дворъ, какъ справляются тамъ батраки въ красныхъ поддевахъ, а панъ Валентій Мосецикъ, эконокъ, кричитъ и распоряжается; какъ молодья собаки разгоняютъ цыплятъ, а старый ручной журавль Маруинъ пугаетъ жеребятъ и злитъ индюковъ. Гамъ и движеніе стояли тамъ. Дѣвушки въ желтыхъ и пестрыхъ платкахъ на головѣ проходили мимо, напѣвая печально и заунывно; гордые павлины раскрывали пышные хвосты и, надувшись, волочили по землѣ крылья; голуби тучами слетали съ крышъ и снова подымались надъ ними, описывая большіе круги.

Все это заливало своимъ блескомъ утреннее солнце, ясное и лучистое, и бросало на землю золотистыя пятна, осыпая искрами свѣта липы и березы.

Ксендзь Петръ, тихій и сѣдой, не переставая молиться со сложенными руками, смотрѣлъ въ окно и, уже прошептавъ послѣднія слова молитвы, не осѣняя еще себя крестомъ, долго стоялъ у окна и смотрѣлъ. А потомъ, перекрестивъ сначала свою грудь, онъ описалъ въ воздухѣ крестъ, благословляя изъ своей комнаты колоницкія поля, лѣса, воды, изобилующія рыбой, работающихъ въ полѣ людей, стада, пасущіяся на лугахъ. Такъ бывало часто.

Выпивъ кофе, ксендзь Петръ закуривалъ красивую пѣнковую трубку на длинномъ вишневомъ чубукѣ съ большимъ цѣннымъ янтаремъ — подарокъ покойнаго патрона, маршала, — и, потянувъ ее нѣсколько разъ, откидывался въ креслѣ назадъ и начиналъ дремать, при чемъ, вѣроятно, ему всегда снилось что-нибудь, потому что онъ бормоталъ — хо! хо! — и шевелилъ указательнымъ пальцемъ правой руки, что продѣлывалъ всякій разъ, когда рассказывалъ о чемъ-нибудь съ воодушевленіемъ или вспоминалъ прежнія времена.

А ему было о чемъ грезить! Дѣтство въ Заланахъ, тихое, безмятежное, служба подъ начальствомъ князя Константина, нѣсколько лѣтъ эмиграціи, долгое скитаніе, наконецъ, десятки лѣтъ служенія Богу, твердаго, выполняемаго по-солдатски, безъ фальши, по уставу.

Не по призванію сталъ ксендзомъ этотъ когда-то блестящій уланскій ротмистръ; онъ открыто призна-

вался въ этомъ. «Я, — говорилъ онъ не разъ, — родился, милый, ксендзомъ такъ, какъ моя прислуга Викто, которая подымаетъ на плечахъ мѣру картофеля, балериной. Я былъ молодъ, красивъ, — хо-хо! — не бѣденъ, живой, легкомысленный польскій шляхтичъ и, кромѣ того, кавалеристъ. Но я понялъ, милый, въ чемъ изша вина. Я, бывало, когда мой денщикъ Собекъ, парень изъ Заланъ, не вычиститъ сабли или не принесетъ во-время сапогъ, — бацъ ему въ морду! Мой отецъ, мой дѣдъ, мой прадѣдъ — всѣ Заланскіе — за такія же или подобныя вещи били по мордамъ своихъ Собковъ. Поэтому мой парень удралъ передъ первымъ сраженіемъ, поэтому-то въ 46 году моего двоюроднаго брата Станислава его собственный лакей стянулъ за ногу съ лошади, а потомъ мужики такъ избили его, что его нельзя было узнать. Я и рѣшилъ получить отпущеніе грѣховъ за себя и всѣхъ Заланскихъ, рѣшилъ, милый, служить тѣмъ, передъ которыми чувствовалъ свою вину... А ты думаешь, милый, что мнѣ легко было бросить все, весь міръ, который улыбался мнѣ, для того, чтобы надѣть рясу и пойти въ село крестить крестьянскихъ дѣтей и исповѣдывать беззубыхъ бабъ? Не разъ, милый, я думалъ, что не выдержу. А какъ вспыхнула венгерская война, я чуть было не повѣсилъ рясу на гвоздь и не двинулся за Карпаты. Но я сказалъ себѣ: «Посвятилъ себя на служеніе Богу — служи!» А служеніе Богу — дѣло крѣпкое, и шутить Онъ не любитъ. Добръ такъ добръ, а разсердится — всѣ по угламъ, даже Архангелъ Михаилъ, хоть онъ и великій

воинъ, который самому дьяволу всыпалъ горячихъ ; онъ только по сторонамъ помахивалъ саблей, а передъ Господомъ Богомъ такъ тихо несъ ее въ рукахъ, словно идетъ по царскимъ покоямъ. А что же ничтожный человекъ, хотя бы и настоятель? Хо-хо! А потомъ я уже не промѣнялъ бы своей рясы на всѣ сокровища міра и не покинулъ бы своего прихода.

Что сначала я, аристократъ изъ аристократовъ, кавалерійскій офицеръ, принялъ на себя искупительную жертву, снисходя къ простому мужику, принесъ ему въ жертву свою жизнь, свои дни и ночи, такъ это я полюбилъ потомъ. А затѣмъ я полюбилъ и все божественное и сталъ обращать къ Богу эти души.

И я думалъ: если я здѣсь обращу къ Богу хоть одну колоницкую душу, то Онъ тамъ, судья милосердный и справедливый сбавитъ Заланскимъ хоть по одному году чистилищныхъ мукъ. А потомъ, благодаря Богу, я сталъ любить и человечество и вселять эту любовь въ колоницкія души... Скажи мнѣ, знаешь ли ты на землѣ что-нибудь прекраснѣе, какъ обратиться къ Богу свою и чужую душу. А эти колоницкія души глинисты и каменны, но и въ нихъ есть черноземъ, онѣ не злы, а добры. Но только имъ очень тяжело, и надо любить ихъ, милый, надо относиться къ нимъ снисходительно и учить ихъ человѣколюбію. А если бъ я меньше билъ по мордѣ своего Собка, а больше говорилъ съ нимъ, онъ не сказалъ бы передъ первымъ сраженіемъ: «а мнѣ что до этого» — и не убѣжалъ бы туда, гдѣ раки зимуютъ. Я былъ добрымъ ксендзомъ, добрымъ пас-

тыремъ душъ. А если бъ ты предсказалъ мнѣ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, — когда я для панны Ядвиги Кареницкой объѣзжалъ сѣрую турецкую лошадь, на которой потомъ тайкомъ увезъ ее, прости Господи, для своего друга, Гилярка Роцевскаго, — что меня положатъ въ гробъ въ рясѣ, когда я думалъ тогда сойти въ долину Иосафата въ генеральскихъ эполетахъ... Хо-хо! Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Хо-хо! Нѣтъ ли гдѣ тамъ пана Дзенгелевскаго?

Безъ пана Дзенгелевскаго старичокъ не могъ обойтись и нѣсколькихъ часовъ. Этотъ панъ Дзенгелевскій изъ мелкопомѣстныхъ жмудскихъ или литовскихъ дворянъ пріѣхалъ еще съ покойнымъ отцомъ, Каспаромъ Дзенгелевскимъ, герба Озорія, изъ Литвы и нашелъ пріютъ въ колоницкомъ помѣстьи. Сначала онъ помогалъ въ счетахъ помѣщичьему писарю, но такъ какъ въ цифрахъ онъ не былъ особенно силенъ, а хорошо игралъ на флейтѣ, то посвятилъ себя органному искусству и сумѣлъ извлекать изъ мѣховъ такіе звуки, что паннѣ Христианѣ Коламкевичъ разъ сдѣлалось дурно во время обѣдни, и впоследствии она стала женой органиста, возвысившись сразу изъ мѣщанскаго званія въ дворянское достоинство. Съ паномъ Дзенгелевскимъ ксендзъ Петръ велъ диспуты обо всемъ, начиная отъ овса и политики и кончая астрономіей и травяной вошью. Пререкался съ нимъ, подтрунивалъ надъ его сѣрымъ дворянскимъ достоинствомъ, передѣлывая Озорія въ Цикорія, что, по крайней мѣрѣ, лѣтъ тридцать повторялъ съ одинаковымъ результатомъ.

Палъ Дзенгелевскій по буднямъ носилъ черный галстукъ на шеѣ, длинный табачный сюртукъ, жилетку съ крапинками и полосатые штаны, а по воскресеньямъ, праздникамъ и въ дни именинъ папы и ксендза настоятеля — темногранатовый галстукъ, новый табачный сюртукъ, сѣрую жилетку и новые полосатые штаны. У пана Дзенгелевскаго была шапка съ козырькомъ, красные носовые платки съ коричневыми кружочками, розовая табакерка, трость съ посеребреннымъ набалдашникомъ и мѣдная печать съ гербомъ. Ксендзъ Петръ очень любилъ его. Вокругъ прихода было какъ въ Ноевомъ ковчегѣ. Кромѣ обыкновенныхъ домашнихъ животныхъ, у ксендза Петра былъ маленькій звѣринецъ, гдѣ жили въ безпримѣрномъ согласіи дикія козы, зайцы и рѣдкіе заморскіе гуси. Надзоръ за всѣмъ этимъ звѣрищемъ и за садомъ былъ доверенъ разнымъ старикамъ и старухамъ, а, кромѣ того, всѣмъ калѣкамъ и сиротамъ, какихъ только удавалось найти въ окрестностяхъ. Ксендзъ Петръ собиралъ бѣдняковъ, давалъ имъ приютъ и кормилъ ихъ. На себя онъ тратилъ немного, потому что расходовалъ только на красивые башмаки и рясы, къ чему у него всегда была слабость, а такъ какъ онъ получалъ и съ прихода и съ собственныхъ капиталовъ значительный доходъ, то могъ содержать и одѣвать легіоны нищихъ.

— Мой сосѣдъ, — говорилъ ксендзъ Петръ, — ксендзъ Вайдзикъ, когда въ Новоселкѣ обновляли костель, запрещалъ малярамъ ходить по лѣсамъ, потому что кто-нибудь могъ упасть въ окно и разбить его,

а стекла стоятъ очень дорого; онъ сколачиваетъ грошъ за грошомъ, никогда не дастъ даже собакамъ на мясо, и все это для того, чтобы послѣ его смерти мужики покрыли жестью костелъ и поставили новую колокольню; а я говорю, что поступаю лучше. Потому что Господь Богъ не заботится о жестяной крышѣ на костелѣ, а о томъ, какія души молятся въ этомъ костелѣ; а повѣшены ли колокола выше или ниже липы, это Ему тоже все равно, лишь бы сердца людскія возносились къ Нему. И мнѣ пужно было бы починить и то и другое въ костелѣ, но для меня всякій сиротскій ротъ важнѣе какой-нибудь дыры въ костельныхъ гонтахъ.

У ксендза Петра былъ тѣнистый садъ, въ которомъ многія деревья, теперь уже выросшія, онъ посадилъ собственной рукой, потому что уже прошло полвѣка, какъ онъ поселился въ колоницкомъ приходѣ.

Онъ зналъ толкъ во фруктовыхъ деревьяхъ и растилъ ихъ для подарковъ патрону и сосѣдямъ, а цвѣтовъ у него была масса. Когда онъ возился около нихъ, то всегда разговаривалъ съ ними. Одни хвалили, ворчали на другіе, иные жалѣли; надо было только послушать. «У, какъ ты вытянулся, нарциссъ, даже сломался, вотъ видишь». Подожди же, я подопру тебя. Такъ. Теперь тебѣ будетъ лучше расти. Держись же хорошо. Такъ. А этотъ подсолнечникъ какъ возгордился, шалопай. Подумаешь, Богъ знаетъ, что такое! Слово какой-нибудь заморскій тюльпанъ или ананасъ. А ты, павлинка, что взбираешься вверхъ! Смотрите - ка. Думаетъ лѣзть на заборъ! Слово у ней нѣтъ жердъ чми!

Ты еще, чего добраго, подобьешь на что-нибудь плохое скромный горошекъ. Попробуй только! А эти ландыши какіе хорошенькіе! Какъ дѣвушки! А вы смотрите, не лѣзьте сюда, астры. Знаю я васъ! Развѣ я не былъ уланомъ! Хо-хо!»

Иногда ксендзъ Петръ, выспавшись хорошенько послѣ обѣда, набирался подъ наплывомъ воспоминаній о прошломъ рыцарскаго духа, а такъ какъ, по своему преклонному возрасту, онъ былъ не прочь поребячиться, то выбиралъ своей жертвой пана Дзенгелевскаго. Когда поднялась суматоха передъ прусско-австрійской войной, ксендзъ Петръ, подобравъ полы своей рясы, со старой уланской саблей въ рукахъ обучалъ на дворѣ прихода охотниковъ, между которыми былъ и панъ Дзенгелевскій, тогда еще помощникъ писаря и холостой. Старичокъ съ той поры время отъ времени провѣрялъ, не забылъ ли органистъ его ученія.

— Бери-ка, сударь, этотъ длинный чубукъ, не этотъ, а тотъ, длиннѣе, — говаривалъ онъ, — а мнѣ дай этотъ покороче. Такъ. Вниманіе! Маршъ! Поворотъ направо! Поворотъ налево! Заходи! Стой!

Органистъ, вспотѣвъ и запыхавшись, останавливался, вытянувшись передъ настоятелемъ въ струнку, а тотъ всматривался въ его осанку, толкая его легонько чубукомъ подъ бороду и обдергивая его сѣрую жилетку.

Эти военныя упражненія, правда, довольно рѣдкія, выводили изъ себя экономку ксендза настоятеля, панну Катерину Цаниковичъ, «какъ неприличествующія

священническому сану и могущія повредить здоровью его преподобія».

Однако, она молчала до поры до времени. Но разъ случилось, къ несчастью, что ксендзу Петру, — а онъ славился когда-то, какъ хорошій рубака, у котораго было одиннадцать поединковъ, при чемъ только одинъ разъ панъ Болеславъ Хомянскій легко поцарапалъ его около праваго уха, за что у самого лицо «разъѣхалось отъ уха до шеи», — захотѣлось попробовать, «ходить ли у него еще рука».

— Панъ Дзенгелевскій, возьми-ка сегодня другой, короткій чубукъ, — сказалъ онъ, вставая съ кресла и снимая трубку съ чубука, который онъ курилъ.

— Зачѣмъ, осмѣливаюсь спросить?

— Увидишь. Отражай кварту.

— Какъ вы изволите говорить?

— Защищай свой животъ съ лѣвой стороны.

Органистъ удивился.

— Всякое дыханіе да хвалить Господа! Сказать по правдѣ, зачѣмъ это?

— Не спрашивай ни о чемъ, а слушай. Опирайся на лѣвую ногу. Лучше, такъ. Нагнись! Животъ назадъ! Ой, какой у тебя неповоротливый животъ! Въ твои годы онъ былъ у меня еще, какъ у семнадцатилѣтней панны Зоси Тыслинской, которой я надняхъ послалъ въ Стрижовицы сушеныхъ грушъ ко дню рожденія. Подними голову, вольно, направо! Притопни! Разъ, два! Выпрями грудь. Руку такъ! Затѣмъ такъ? Понимаешь? Я такъ, а ты такъ! Разъ, два! Gardez vous!

— Все, какъ приказываете; отецъ настоятель.

— Теперь вниманіе. En garde!

Органистъ застоналъ, а кварта вышла такъ хорошо, что угодила не только въ животъ пана Дзенгелевскаго, но и въ два горшка съ фуксіями, стоявшіе на окнѣ и слетѣвшіе съ большимъ шумомъ.

Горю несчастнымъ созданьямъ,
Когда они встанутъ между мечами борцовъ! *)

продекламировалъ ксендзъ Петръ, стоя надъ черепками, какъ вдругъ въ комнату неожиданно, какъ бомба, влетѣла панна Катерина Цаниковичъ.

— Ваша милость! — вскрикнула она.

— А что? — спросилъ, нѣсколько сконфузившись, ксендзъ Петръ, стараясь сдѣлать вызывающую гримасу.

— Стыдно, Бога вы не боитесь! Если бъ это кто-нибудь увидѣлъ! Отецъ настоятель, какъ какой-нибудь сорванецъ, бѣгаетъ по комнатѣ съ чубукомъ! А панъ органистъ тоже могъ бы быть умише. Отецъ семейства! А еще дворянинъ! Если это повторится еще разъ, я не дамъ кофе, клянусь Богомъ, не дамъ кофе.

— И-и! Бабы угрозы, что дождь для лягушки, — осмѣлился проворчать ксендзъ Петръ.

— Бабы не бабы! Ваша милость, словно дитя! — окрысилась панна Катерина. — Можетъ быть, надѣтъ бѣлый жилетикъ и жабо? Смотрите-ка!

*) Гамлетъ.

И, захныхавшись, она, какъ ураганъ, вылетѣла изъ комнаты.

Ксендзъ Петръ былъ, однако, доволенъ.

— Баба — всегда язва, — проворчалъ онъ, — а, что бы тамъ ни было, рука у меня еще не плоха. Если бы такъ въ самомъ дѣлѣ ударить, хо-хо!

Въ лѣтній полдень ксендзъ Петръ любилъ выйти за приходскую ограду и, усѣвшись подъ старымъ тисомъ, смотрѣть на Божій міръ. Онъ видѣлъ оттуда золотистыя поля, поросшія голубыми васильками и красными маками, розовыя и бѣлыя полосы клевера, зеленые луга, усѣянные множествомъ пестрыхъ цвѣтовъ, переливающихся въ блескѣ солнца. Видѣлъ темный лѣсъ, стоявшій словно подъ дрожащимъ, прозрачнымъ флеромъ золотисто-изумруднаго свѣта, и гдѣ-то далеко туманныя, голубыя горы; а вблизи видѣлось озеро, большое, тихое, покрытое легкой рябью, съ кувшинчиками и шумящимъ тростникомъ у береговъ, искрящееся мѣстами, словно серебряный листъ на солнцѣ, мѣстами сѣрое или сѣро-фіолетовое. По озеру плавали дикія утки, длинными вереницами чернѣя на водѣ; цапли съ широкими крыльями и тучи крикливыхъ чаекъ парили надъ озеромъ, которое тянулось куда-то вдаль, широкое, глубокое, тихое и сонное, покрытое легкой рябью.

Все это утопало въ какомъ-то наводненіи свѣта, все было очень спокойно, во всемъ была почти безграничная ширь, словно все заслушалось вѣтра и шума луговъ и воды и было полно примиряющей грусти,

волнующей тоски, задумчивости и странныхъ, безконечныхъ упоеній.

Ксендзь Петръ смотрѣлъ и смотрѣлъ и отличалъ рожь отъ луговъ, лѣсъ отъ воды, но постепенно весь этотъ широкой и разнообразный міръ начиналъ соединяться, сливаться передъ его глазами, превращаясь въ сплошную, прозрачную лазурь. Хлѣба, цвѣты, травы и тихіе круги волнъ, цапли съ широкими, бѣлыми крыльями и стаи крикливыхъ чаекъ, прозрачные облака и ясно голубое небо — все это наполняло его глаза какимъ-то ласковымъ, нѣжнымъ свѣтомъ.

— Казалось тогда ксендзу Петру, что онъ видитъ уже не дѣйствительный міръ, а его душу, видитъ, скорѣе, какое-то мглистое сіяніе или туманъ, въ которомъ отливаются цвѣта земли, чѣмъ самую землю.

А потомъ это видѣніе, вѣрнѣе въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности, начинало исчезать передъ его глазами, разсѣиваясь на массу образовъ, которые вставали въ памяти и которые онъ видѣлъ когда-то.

И вотъ въ душѣ ксендза Петра начинала разливаться необъятная лазурь морей, корабли съ бѣлыми парусами, безбрежный пустынный просторъ, начинали шумѣть ливанскіе кедры и пальмы африканскихъ оазисовъ, вставали молчаливыя пирамиды и вулканы съ красными языками огня надъ вершинами, выплывали многоцвѣтные восточные города и тотъ римскій городъ, который раскапывали въ землѣ, и толпа людей, и странные звѣри; въ душѣ появлялся какой-то кроткій, утонающій

въ дали прошлаго хаосъ впечатлѣній, душу охватывало забытѣе, задумчивость.

И не разъ любимецъ старика, семилѣтній сирота, Игнась Найденышъ, котораго нарочно посылала экономка, будилъ его изъ этой задумчивости, потягивая за рясу.

— Ваша милость.

— А... а что?

— Ваша милость спали.

— Нѣтъ, такъ что-то вздремнулось немного.

— Экономка велѣла просить, чтобъ ваша милость шли.

— Хорошо, хорошо, сейчасъ пойдемъ.

— Ваша милость!

— А что?

— А что, Иисусъ Христосъ ходитъ по небу такъ, какъ ваша милость по землѣ?

— Да, такъ.

— А что, Онъ босой?

— Ну, да, да. Зачѣмъ же Ему носить сапоги, когда тамъ тепло.

— А что, Онъ большой?

— Хо-хо! Какъ мѣръ!

— А что, когда громъ ударитъ, такъ онъ у Него между пальцами въ ногахъ проходитъ?

— Ну, да, да...

— А Онъ хорошій?

— Хо-хо! Какъ медъ.

— А медъ развѣ хорошій?

— А ты его развѣ никогда не пробовалъ?

— А Господь Богъ?

— И Господь Богъ тоже хорошій.

— Еще лучше?

— Нѣтъ, такой же, такой же...

— А что, Господь Богъ большой?

— Такой же, какъ и Иисусъ Христосъ.

— Ваша милость!

— А что?

— Экономка велѣла просить, чтобъ ваша милость шли.

— Хорошо, хорошо, пойдѣмъ.

— Ну, такъ пойдѣмъ. Дайте руку. Потихоньку, а то вѣдь вы старый.

И Игнась бралъ за руку ксендза Петра, и они шли по тропинкѣ къ приходу, разговаривая по дорогѣ другъ съ другомъ долго и сердечно. Служа Богу и людямъ и служа имъ очень много, такъ какъ ксендзъ викарій, погруженный и днемъ и ночью въ богословіе, мало помогаль ему, ксендзъ Петръ не имѣлъ времени думать о смерти, тѣмъ болѣе, что всегда говорилъ, что отъ сотни не уступитъ Богу ни одного дня. Но, однажды, въ осенній вечеръ, послѣ захода солнца, которое бросало еще на небо послѣднія фіолетовыя пятна, ксендзъ Петръ, долго молча просидѣвъ на крыльцѣ — на видъ онъ задремаль, — повернулъ вдругъ голову къ сидѣвшему напротивъ органисту и сказалъ серьезнѣе, чѣмъ обыкновенно:

— Панъ Дзенгелевскій, миѣ кажется, что надо итти.

— Куда, смѣю спросить.

— Дальше, чѣмъ отсюда до приходской канцеляріи. Туда... — И онъ указалъ рукой на бѣлѣвшія вдали каменные стѣны кладбища.

Дзенгелевскій вскочилъ.

— И что вы только говорите! Правду сказать, этого говорить даже не подобаешь. Фу! Еще скажете въ недобрый часъ!..

— Ну, увидишь, панъ Дзенгелевскій, клоницкій органистъ, мнѣ надо уже итти. Уже пора. Придется эти тринадцать лѣтъ уступить Господу Богу.

— О, о! Лучше бы вамъ не говорить о такихъ непріятныхъ вещахъ!

— Э, уже пора. Я исповѣдывался сегодня утромъ, словно нарочно. И причастился. Я готовъ. За ксендземъ викаріемъ тоже можно будетъ послать, но надо только извиниться передъ нимъ, а то онъ навѣрно сидитъ надъ «Теологической мессой» или «Послѣдованіемъ Христу». Такимъ людямъ надо быть настоятелями, а не мнѣ, старому хрѣну.

По саду неся съ полей холодный, ароматный, осенній вѣтеръ и слышался его тихій, однообразный шумъ.

— Панъ Дзенгелевскій, — сказалъ старикъ.

— Слушаю, добрѣйшій отецъ настоятель.

— Слушай, да только не меня, — міръ Божій! Слышишь, какой шумъ. Кажется мнѣ, что я слышу, какъ движется вся эта огромная машина, зодчій и вѣчный машинистъ которой — Богъ. На осяхъ кружатся планеты и солнце, все идетъ по своему пути и шумитъ.

Весь міръ шумитъ. А Онъ, вѣчный зодчій и машинистъ, слушаетъ и радуется. Подумай только, панъ клоницкій органистъ, Матвей-Тимоѳеѣй Дзенгелевскій, герба Ци-корія, какой это долженъ быть огромный и чудесный шумъ. Ты думаешь — какъ вѣтряная мельница у Якова изъ Зардзавицы, нѣтъ, это — какъ тысяча, какъ миллионъ такихъ мельницъ. Хо-хо! Какъ все волны Атлантическаго океана и все вѣтры Сахары, вмѣстѣ взяты. Слушай только...

— Слушаю, отецъ настоятель.

— Слышишь?

— Слышу, какъ вѣтеръ шелеститъ въ саду.

— А этого шума міра, этой страшной машины не слышишь?

— Съ позволенія сказать, добрѣйшій отецъ настоятель, нѣтъ.

Ксендзъ Петръ помолчалъ съ минуту, а потомъ заговорилъ снова.

— Открой, панъ органистъ, окно съ сѣвера. Пусть здѣсь будетъ какъ можно больше запаха съ полей. Что бы тамъ ни было... можетъ быть, если Господь милосердный позволитъ, тамъ будетъ и великолѣпный свѣтъ, и ангельскіе хоры, и райское благоуханіе, и всякія чудеса, но вѣдь клоницкихъ полей тамъ не будетъ, не будетъ запаха моего приходскаго сада... Вѣчность велика, но собака и за пятьдесятъ лѣтъ не перескочитъ. Эти молодые вязы ты вели подпереть, а груши обвернуть на зиму соломой. Хо-хо!.. Не будетъ тамъ такого запаха! Панъ Дзенгелевскій, былъ я и въ

Святой Землѣ и въ Аравіи и въ итальянскихъ померанцевыхъ рощахъ, а такого запаха, какъ у меня, въ Заланахъ, да здѣсь въ Клоницахъ, не было нигдѣ.

Панъ Дзенгелевскій!

— Къ вашимъ услугамъ, отецъ настоятель.

— Что это, уже мѣсяць всходитъ?

— Какъ будто.

— Ясный онъ? А то мнѣ неловко повернуть голову въ ту сторону.

— Ясный.

— Слава Богу. Не хотѣлось бы умирать въ непогоду.

— Ой, что же это вы, отецъ настоятель...

— Тише, панъ Дзенгелевскій, органистъ, тише. Мѣсяць будетъ свѣтитъ душѣ, и пойдетъ она ясной дорогой, и хорошо, если пойдетъ она съ крыльца. Это почти тоже, что съ поля. У насъ въ роду мало кто умиралъ на кровати. Умирали въ полѣ; хорошо, что они всё умерли, а то кто знаетъ, что было бы съ ними; быть можетъ, то же, что и съ другими. Кому нужно благородное происхожденіе безъ благородства души? Да, панъ Дзенгелевскій.

— Слушаю, отецъ настоятель.

— Одѣнешь меня въ новую рясу, въ ту, на шелковой подкладкѣ, подпояшешь шелковымъ поясомъ и приколешь золотую булавку съ кораблемъ, одѣнешь новые, блестящіе сапоги, на шею—священническую цѣпь, на грудь надѣнешь мои военные ордена. Перстень оставь у меня на пальцѣ, пусть онъ идетъ вмѣстѣ со

мною... Осыпешь меня цвѣтами, да чтобъ было по-
больше богородицной травы, — она хорошо пахнетъ;
въ головахъ поставь нарциссы. А саблю мою, дорогой
панъ Дзенгелевскій, сломай, потому что я послѣдній въ
родѣ. Что же это ты хнычешь, панъ Дзенгелевскій?

— У - у - у... да вы, отецъ настоятель, сердце миѣ
надрываете.

— Или знаешь, что, панъ Дзенгелевскій? Жаль са-
блю ломать, лучше положи - ка ты миѣ ее потихоньку,
чтобы ксендзъ викарій не видѣлъ, въ складки рясы. Въ
рукахъ крестъ, какъ будто я только ксендзъ, а тамъ
подъ бокомъ сабля... Слышишь, какъ пахнетъ изъ мо-
его сада, панъ органистъ?

— Слы-ышу, отецъ настоятель.

— Тамъ въ конторкѣ завѣщаніе. Все въ порядкѣ.
Только ты, панъ Дзенгелевскій, всегда поливай цвѣты
въ горшкахъ и смотри за садомъ. Ничего не прода-
вать. Никого не выгонять. На все есть деньги, на
стариковъ и старухъ, на сиротъ и калѣкъ, на звѣ-
ринецъ, на Марцина и Заграя. Все должно оставаться
такъ, какъ было, пока не вымретъ или не вырастетъ
и не уйдетъ въ свѣтъ. У меня было одно сердце для
всего свѣта. Козлятъ безъ козы нужно жалѣть такъ
же, какъ маленькихъ дѣтей безъ матери. Богъ все
сотворилъ, все любитъ, обо всемъ заботится. Панъ
Дзенгелевскій!

— Что прикажете, отецъ настоятель?

— Буланыхъ послать пану Стржелецкому въ Топо-
лицы. Онъ будетъ беречь ихъ, — на нихъ ѣздилъ по-

слѣдній Залапскій. Мой дѣдушка, будучи немного подъ хмелькомъ, выстрѣломъ вышибъ изъ рукъ панны Броиславы Сбружемицкой серебряный кофейникъ, а потомъ упалъ къ ея ногамъ, и она была моею бабушкой. Отсюда мы и родственники. Буланыхъ отошли въ Тополицы, а сѣрыхъ ксендзу викарію на память, — онъ любить эту масть и только ихъ однихъ не боится. Стрѣлку пусть возьметъ поручикъ Котвичъ, это кавалерійская лошадь. Быть можетъ, Богъ дастъ, оба будутъ слушать не ту трубу, что теперь. Хо-хо! Трубку съ Маріей Антуанеттой и бронзовую чернильницу съ Наполеономъ тоже ксендзу викарію. Деньги съ моего имѣнія пойдутъ на воспитательный домъ, а тебѣ, панъ Дзенгелевскій, я записалъ въ завѣщаніи двухъ бычковъ, десять тысячъ и еще кое-какія мелочи, а сейчасъ вотъ тебѣ даю изъ рукъ въ руки табакерку съ рубиномъ на память о старомъ ксендзѣ.

— Уу-уу-уу, отецъ настоятель.

— Не становись ты передо мной на колѣни, не цѣлуй моихъ ногъ; фу, стыдно, мы вѣдь все равны. А даю я это тебѣ потому, что у меня всего больше, чѣмъ у тебя; такъ должно быть и баста. Да не реви такъ, панъ Дзенгелевскій, а то разбудишь людей... Нароботались за цѣлый день, имъ спать надо. Я тоже хоть полжизни, да потрудился, надо итти спать... Какъ странно... На слѣдующее утро, быть можетъ, уже не станетъ человѣка, а тутъ хоть бы одинъ листикъ упалъ съ лица, завялъ бы хоть одинъ стебелекъ травы... А вѣдь все сотворено однимъ Богомъ, существуетъ бла-

годаря ему... Суета суеть есть человекъ и только суета... Годъ, два будутъ помнить, а потомъ забудутъ. Пусть ихъ, только бы не забылъ Господь Милосердный. А остальное ничего!

Какъ живо вспоминается мнѣ сейчасъ, какъ я въ первый день своего приѣзда сюда ходилъ здѣсь по буковой аллеѣ въ саду... Эти буки были такими же, какъ сейчасъ, раскидистыми, шумящими. Пятьдесятъ лѣтъ, полвѣка... Мнѣ не хочется вѣрить, что эта ишеница будетъ такъ же расти, а вѣдь будетъ... Столько лѣтъ... Сколькихъ я крестилъ здѣсь, сколькихъ похоронилъ... О, какъ свѣтло!

Сквозь виноградные листья, которые уже обросли крыльцо, сталъ пробиваться лунный свѣтъ, тихій и серебристый; онъ повисалъ на листьяхъ и смотрѣлъ внизъ. Шумъ вѣтра, шелестя листьями, словно закрывалъ и открывалъ его вѣки.

Ксендзь смотрѣлъ нѣсколько минутъ вверхъ, а потомъ голова его упала на кресло, а у папа Дзенгелевскаго падали изъ глазъ на усы крупныя слезы, и онъ слышалъ, какъ старикъ шепталъ.

— Дѣлать нечего, дѣлать нечего, надо итти. Сегодня вечеромъ или завтра утромъ, а надо итти... Какъ смотреть на меня мѣсяць... какъ будто предвѣщаетъ мнѣ какой-то небесный свѣтъ. Но кто знаетъ?..

Никогда я не боялся ничего, сколько разъ я смотрѣлъ смерти въ глаза, а все-таки теперь какъ-то страшно... Боже, милостивъ буди ко мнѣ грѣшному, Боже, милостивъ буди ко мнѣ грѣшному... Mea culpa,

mea culpa, mea maxima culpa. А вѣдь на моей душѣ есть и кровь. Дорогой мой панъ Дзенгелевскій, какъ споютъ Requiescat in pace, прикажи ударить во все колокола... Помню, въ березнякѣ летитъ на меня драгунскій офицеръ, а я какъ хвачу его! Но это было въ дѣлѣ, панъ Дзенгелевскій... Поправь - ка фитиль въ лампадкѣ передъ Скорбящей Матерью... Такъ.

Потомъ ксендзъ Петръ закрылъ глаза и сталъ дремать, но органисту казалось, что голова старичка падаетъ все ниже и онъ дышитъ все слабѣй. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока панъ Дзенгелевскій не сталъ беспокоиться и хотѣлъ было уже встать, чтобъ позвать панну Цаниковичъ, какъ вдругъ часы двумя ударами пробили половину десятаго и въ дверяхъ, которыя вели изъ сѣней на крыльцо, показался маленькій Игнасъ Найденьшъ въ рубашкѣ и полотняныхъ штанишкахъ. Онъ подошелъ къ креслу ксендза Петра и легонько потянулъ его за рясу, говоря:

— Ваша милость. Пойдемъ! Экономка велѣла просить, чтобъ вы шли спать. Пойдемъ! Дайте руку! Потихоньку, а то вы старый. Ваша милость!

Но ксендзъ Петръ не пошевелился и не отвѣтилъ; Игнасъ поднялъ на пана Дзенгелевскаго свои большіе глаза и спросилъ:

— Панъ органистъ, что, ихъ милость умерли?

СФИНКСЪ.

Драматическая фантазія.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

МАТЬ.

АННА.

ЛЕОНЪ, слѣпой и глухонѣмой.

АРТУРЪ ВЕРЕНЪ.

КСЕНДЗЬ.

ПЕТРЪ, слуга.

Сцена представляет веранду на первом этажѣ, совсѣмъ открытую съ одной стороны, съ баллюстрадой изъ чернаго мрамора, съ бронзовыми вазами, въ которыхъ растутъ огромныя цвѣтушія орхидеи. Масса цвѣтовъ и кустарниковъ, особенно кактусовъ, олеандровъ и туй. Піанино, кушетки, кресла, столики. На одномъ изъ столиковъ большая лампа подъ прозрачнымъ зеленымъ абажуромъ. У этого столика на кушеткѣ сидитъ мать въ черномъ платьѣ, съ чернымъ кружевомъ на головѣ, въ ушахъ большіе брилліанты, на шеѣ маленькій серебряный крестикъ. На колѣняхъ работа. Сбоку на креслѣ Анна поддерживаетъ голову рукой, опирающейся на столикъ. Темная блондинка, на плечахъ раскинуты длинныя и густыя волосы, блѣдное лицо; легкое, простое, бѣлое платье, въ волосахъ блѣдныя лиліи и одна темная роза. У пояса маленькій букетъ горныхъ цвѣтовъ, фіолетовыхъ колокольчиковъ и голубыхъ тысячелистниковъ. Въ моментъ поднятія занавѣса съ веранды видно темное небо, съ полной луной въ туманѣ, которая освѣщаетъ берегъ озера, лѣсъ и за нимъ большія обрывистыя гранитныя скалы.

Анна словно про себя.

Странно — темно и тихо... Шелестятъ сухіе листья... Какъ окутана туманомъ луна...

Вдали громъ и протяжное эхо.

М а т ь.

Надвигается буря. Воздухъ, душный и тяжелый,—
давить.

А н н а.

Смотри, мама, какимъ страннымъ, зелено-оловян-
нымъ блескомъ отливаетъ сегодня мѣсяць. Какъ будто
онъ изъ заржавленной мѣди.

М а т ь.

Онъ часто бываетъ такимъ передъ бурей.

А н н а.

Я не знаю, почему, но я боюсь чего-то... Миѣ ка-
жется, словно надъ нашимъ домомъ кружится что-то
страшное...

М а т ь.

Ты изнервничалась. Слишкомъ много играешь.

А н н а черезъ минуту.

Сегодня въ сумерки я долго играла. Цвѣты сильно
благоухали, и было очерь тихо... Клавиши сами зву-
чали подъ моими пальцами... Какія-то странныя мело-
діи нависали надъ моей головой.

Вдали громъ.

М а т ь.

Буря близка.

А н н а.

Миѣ казалось, что мгла звуковъ висить и дрожить надо мной, волнуясь отъ моего дыханія. Было очень спокойно... Пауза. Потомъ я стала у окна. Мѣсяць блестяль въ озерѣ подъ окнами, словно серебряный. Стеклянная крыша оранжереи тоже отливала серебромъ въ его блескѣ... Какъ вдругъ зашумѣли деревья!..

М а т ь.

Поднимается вѣтеръ. Боюсь, что онъ сломаетъ молодья акаціи. Я велѣла снять подпорки.

А н н а.

Какая-то ночная птица порхнула мимо олеандровъ. Также и въ сумерки летали ночныя птицы въ темнотѣ надъ водой, быстро и тихо; я не двигалась съ мѣста, и онѣ, вѣрно, считали меня какой-нибудь вещью, пролетали иногда такъ близко, что чуть не касались крыльями цвѣтовъ въ моихъ волосахъ... Какая-то сонная задумчивость овладѣла мною...

М а т ь, лаская Анну по лицу.

Мечтательница ты моя.

А н н а.

Вдругъ миѣ показалось, что какая-то странная музыка выплываетъ изъ глухихъ волнъ озера. Въ этой музыкѣ было что-то маящее, какъ жизнь, мощное,

какъ смерть. Я чувствовала, что теряю сознание, падаю въ какую-то бездну... Миѣ грезился какой-то свѣтлый, солнечный міръ... какая-то сладкая, тихая, сонная гладь... А изъ водъ озера, въ глубинѣ, послысь протяжные звуки музыки, странные, упоительные... Миѣ казалось, что, кругъ за кругомъ, меня окутываетъ дрожащая мгла... Вдругъ страшная, острая боль произвела мое сердце...

М а т ь.

Странная греза.

А н н а.

Я очнулась. Моихъ волосъ касался пальцами Леонъ. На его лицо и на гипсовую голову Данте, что стоитъ около окна, падалъ блескъ мѣсяца. Блѣдное лицо Леона и эту мрачную голову покрывала мертвенная бѣлизна. Меня охватилъ ужасъ, такой необъятный ужасъ, что я не могла двинуться съ мѣста, вздохнуть. Впервые Леонъ показался миѣ такимъ страшнымъ. А онъ долго стоялъ возлѣ меня и втягивалъ воздухъ полуоткрытыми губами. И, стоя такъ, онъ проводилъ пальцами по моимъ волосамъ и цвѣтамъ, приколотымъ къ нимъ, а потомъ вынулъ одну лилію съ сильнымъ запахомъ.

М а т ь грустно.

Бѣдный мальчикъ...

А н н а.

Мама, вели вынести изъ моей комнаты этотъ бюстъ

Дайте. Есть что-то мрачное въ этой головѣ; передъ нею вереницами проходили души умершихъ.

М а т ь .

Это память послѣ твоего отца. И тебѣ не будетъ жаль?

А н н а .

Жаль... Задумывается, потомъ нервно. Что это? Слышишь, мама, этотъ странный трепеть деревьевъ? Вдали громъ. Развѣ такой трепеть пробѣгаетъ по деревьямъ передъ ударомъ грома?

М а т ь .

Это тебѣ кажется, мое дитя. Не было слышно ничего, кромѣ грома.

А н н а .

Нѣтъ, нѣтъ. Всѣ листья такъ ясно зашелестѣли въ саду.

М а т ь про себя.

Бѣдное дитя...

А н н а .

Я слышу, что ты шелчешь, мама. Въ эту минуту я, кажется, могла бы услышать шелестъ подводныхъ растений въ озерѣ...

Пауза.

М а т ь .

Далеко ходили вы съ Леономъ?

А н н а.

Къ вербамъ за мостикомъ.

М а т ь.

Онъ гулялъ съ удовольствіемъ?

А н н а.

Да. Я собрала ему большой букетъ пахучихъ лѣсныхъ цвѣтовъ, и это его, повидимому, очень радовало. Пауза. Не уходи, мама.

М а т ь.

Вѣдь ты видишь, что я не ухожу. Я не тронулась съ мѣста.

А н н а.

Миѣ казалось, ты хочешь уйти.

М а т ь.

Что съ тобой, Анна?

А н н а.

Я не знаю, не знаю... Временами вокругъ меня творится что-то странное... Пауза. Въ эту минуту миѣ кажется, что въ воздухѣ что-то дрожить быстро, быстро; я слышу словно какой-то сдавленный дрожащій звонъ...

Громъ ударяетъ гдѣ-то далеко...

М а т ь.

Отецъ настоятель, должно быть, зайдетъ на ночь, возвращаясь отъ Андрея. Буря, вѣрно, не пройдетъ мимо насъ. Пауза. Который теперь часъ можетъ быть.

А н н а.

Должно быть, около десяти.

М а т ь.

Что, Леонъ спитъ?

А н н а.

Я оставила его спящимъ въ креслѣ. Насилу смогла увести его съ веранды отъ этихъ орхидей. Онъ долго нюхалъ ихъ и нѣсколько разъ снималъ эту вазу. Указываетъ на вазу съ правой стороны отъ зрителей. Я боялась, что онъ уронитъ ее. Ваза такъ тяжела, что я едва могла поставить ее обратно.

Вздрагиваетъ вдругъ.

М а т ь.

Ты дрожишь? Что съ тобой, Анна?

А н н а.

Не знаю, что это. Какая-то тревога охватываетъ меня иногда, такъ вдругъ...

М а т ь.

Ребѣчество.

А н н а.

Ты, мама, однако, знаешь, что у меня иногда бывают странныя предчувствія...

Изъ дальнихъ дверей, по лѣвую руку отъ зрителей выходитъ Петръ, одѣтый въ черное платье, и несетъ на серебряномъ подносѣ визитную карточку.

П е т р ь, подавая карточку матери.

Какой-то господинъ пріѣхалъ верхомъ.

М а т ь, читая карточку.

Артуръ Веренъ.

А н н а живо.

Веренъ?

М а т ь.

Что говорить этотъ господинъ?

П е т р ь.

Онъ говоритъ, что заблудился въ чащѣ и просить позволенія переночевать въ домѣ.

М а т ь.

Проси! Петръ уходитъ.

А н н а.

Можетъ быть, какой-нибудь родственникъ Ричарда Верена?

М а т ь съ улыбкой.

Жаль, что не онъ самъ, правда?

Петръ вводитъ Артура. Артуръ одѣтъ въ темное платье, куртка застегнута до шеи, длинныя брюки, сапоги безъ шпоръ.

М а т ь.

Милости просимъ.

А р т у р ь.

Сердечно благодаренъ вамъ, а то я не совсѣмъ удачно упалъ вмѣстѣ съ лошадыю.

М а т ь.

Но ничего нѣтъ опаснаго?

А р т у р ь.

О, нѣтъ. Только я не могу свободно ходить!

М а т ь.

Садитесь, пожалуйста. Артуръ садится съ боку стола, возлѣ котораго сидятъ женщины. Скоро намъ подадутъ чай.

П е т р ь входитъ.

Папи, отецъ настоятель вернулся отъ Андрея.

М а т ь, вставая.

Простите. Нашъ настоятель возвращается отъ больного, за котораго я очень беспокоюсь. Выходить вмѣстѣ съ Анной.

А р т у р ь одинъ.

Эта блѣдная дѣвушка, словно сонъ, словно чудо...

Въ эту минуту изъ дверей по правую руку отъ зрителей показывается Леонъ въ довольно длинной, свободной темной блузѣ, въ темныхъ брюкахъ и мягкихъ черныхъ туфляхъ. Леонъ блѣдень, черты лица острыя, правильныя, на лицѣ темный юношескій пушокъ. Идетъ медленно, съ немного вытянутыми впередъ руками, къ колоннѣ съ вазой, по правую руку отъ зрителей. Натыкается на вазу, медленно снимаетъ ее и нюхаетъ орхидею съ видимымъ восхищеніемъ. Артуръ, изумленный, поднимается съ кресла. Входитъ Анна.

А н н а, быстро подходя къ Леону.

Мой братъ... Богъ лишилъ его всего, зрѣнія, слуха и голоса.

А р т у р ь.

Какое страшное несчастье!

А н н а черезъ минуту.

Страшное несчастье. Пауза. Анна ласково беретъ вазу изъ рукъ Леона и обращается къ Артуру. Пожалуйста, помогите мнѣ поставить эту вазу на прежнее мѣсто. Она очень тяжела.

Артуръ приближается, беретъ изъ рукъ Анны вазу и при этомъ становится рядомъ съ ней. Леонъ, который, вѣроятно, обоняніемъ узнаетъ присутствіе кого-то третьяго, выражаетъ беспокойство, хотя передъ этимъ, когда къ нему приближалась Анна, онъ выражалъ удовольствіе. Обводя руками кругомъ, онъ натыкается на плечи Артура и Анны, что, видимо, приводитъ его въ недоумѣніе. Въ это время Артуръ ставитъ вазу на ко-

лонну и немного отходить. Анна вынимает одну изъ линій, приколотыхъ къ ея волосамъ, и кладетъ ее въ руку Леона, который притягиваетъ ее къ себѣ и обнимаетъ одной рукой, а другой дѣлаетъ движеніе, словно хочетъ оттолкнуть кого-то. Вся эта сцена съ момента появленія Леона должна длиться не долго. Входятъ мать и ксендзь, сѣдой, немного сгорбленный, симпатичной наружности.

М а т ь.

Леонъ здѣсь? Онъ что-то безпокоенъ?

А н н а.

Его, повидимому, обезпокоило присутствіе господина Верена.

М а т ь.

Отведи его, и пусть его раздѣлать, если онъ захочетъ.

Въ это время ксендзь знакомится съ Артуромъ и разговариваетъ съ нимъ очевидно о Леонѣ, котораго Анна ведетъ къ дверямъ, откуда онъ вошелъ. Мать подходитъ къ нимъ. Леонъ, почувствовавъ это, притягиваетъ опять Анну къ себѣ, дѣлая свободной рукой движеніе, словно хочетъ оттолкнуть кого-то. Узнавъ прикосновеніемъ мать, обнаруживаетъ радость и позволяетъ Аннѣ вывести себя.

М а т ь Артуру.

Мой сынъ калѣка, какъ вы видите. Обоняніе—его единственное чувство. Господа, вы познакомились? Артуръ и ксендзь дѣлаютъ утвердительное движеніе. Леонъ съ нѣкотораго времени сталъ особенно раздражителенъ. Мнѣ кажется иногда, что онъ ревнуетъ Анну. Нѣсколько дней тому назадъ онъ такъ сильно толкнулъ

садовника, который хотѣлъ поцѣловать у нея руку, что парень чуть не упалъ.

К с е н д з ъ въ сторону.

Не пробуждаются ли въ немъ дремавшіе инстинкты? Это была бы страшная вещь...

М а т ь.

Что вы говорите, отецъ настоятель?

К с е н д з ъ.

Ничего. Я думаю, однако, что надо наблюдать за Леономъ.

М а т ь неспокойно.

А что?

К с е н д з ъ.

При такомъ организмѣ ничего нельзя знать на-вѣрное.

Анна возвращается.

А н н а.

Онъ сѣлъ спокойно въ кресло. Играетъ лиліей и, вѣроятно, скоро заснетъ.

М а т ь.

При немъ есть кто-нибудь?

А н н а.

Сейчасъ никого, но онъ уже совсѣмъ успокоился.

Ксендзу. Значить, старому Андрею лучше? Онъ не умреть?

Ксендзъ.

Если Господь захочетъ, дитя, если Господь захочетъ...

Анна.

Господь благъ. Я такъ молилась за Андрея.

Ксендзъ съ улыбкой.

Музыкой, какъ всегда?

Анна, словно оправдываясь.

Я не умѣю иначе. Но развѣ Богъ не слышитъ всякой молитвы.

Артуръ опирается на кресло.

Мать.

Почему вы не садитесь, господа? Вижу, что паденіе съ лошади даетъ себя немного чувствовать, панъ Веревъ.

Артуръ.

Правда, я немного чувствую это.

Ксендзъ.

Я зналъ Ричарда Верена. Вы очень его напоминаете чертами лица и фигурой.

Артуръ съ невольной гордостью.

Это былъ мой отецъ.

А н н а тихо.

А хъ!..

М а т ь.

Тѣмъ пріятнѣе видѣть мнѣ у себя сына такого великаго человѣка.

К с е н д з ь.

Это былъ мощный геній. Указывая на Анну. А это одна изъ его пламенныхъ поклонницъ. Артуръ склоняетъ передъ Анной голову. Играеть наизусть должно быть всѣ его произведенія.

Слышенъ далекій громъ.

А р т у р ь.

Что за чудное эхо.

А н н а.

А теперь такъ странно тихо...

А р т у р ь.

Такой далекій громъ великолѣпнень на океанѣ.

М а т ь.

Вы много путешествовали?

А р т у р ь.

На военномъ суднѣ, я вѣдь морской офицеръ.

К с е н д з ь.

Не на фрегатѣ ли „Альбатросъ“? Я вспоминаю,

что читалъ вашу фамилію среди тѣхъ, которые пробрались дальше всѣхъ во время послѣдней экспедиціи къ южному полюсу. Артуръ киваетъ утвердительно головой. Анна смотритъ на него съ видимымъ интересомъ. Это былъ безумный рискъ.

Артуръ съ нѣкоторымъ удалствомъ.

Смерть смотрѣла намъ иногда прямо въ глаза.

Ксендзъ.

Но зато вы должны были видѣть чудныя вещи.

Артуръ.

Необыкновенная, отецъ настоятель... Когда солнце освѣщало льды, казалось, океанъ пурпура и пламени заливааетъ міръ. Блескъ былъ ослѣпительный.

Анна мечтательно.

Мнѣ хотѣлось бы когда-нибудь видѣть пустынную полярную ширь въ блескѣ мѣсяца...

Ксендзъ.

Что касается меня, то я мечталъ не разъ о Востока. Мнѣ хотѣлось побывать въ Святой Землѣ у гроба Господня.

Артуръ.

Я былъ и тамъ.

А н н а какъ выше.

Я не могу представить себѣ Христа иначе, какъ стоящимъ въ сумерки въ длинной свободной ризѣ, надъ какими-то большими и тихими водами, когда на горизонтѣ всходятъ первая звѣзды, блѣдныя и тусклыя, съ склоненной на грудь головой, съ выраженіемъ безконечной печали на лицѣ. Вѣки опущены и полны скорби, горькая улыбка на устахъ... Онъ смотритъ въ воду, въ водную глубь... А вокругъ тихо и сонно.

Пауза.

К с е н д з ъ.

Что за чудо, должно быть, восточныя ночи!

А р т у р ъ.

Все небо прямо золотое отъ звѣздъ. По листьямъ пальмъ и кустовъ сливается потоками дрожащее сверканіе мѣсяца. На темныхъ водахъ лежатъ свѣтлыя пятна и струи блеска. Въ эту пору я любилъ плыть въ лодкѣ вдоль морскихъ береговъ.

А н н а.

Жаль, что теперь вѣтеръ, а то можно было бы поплавать сейчасъ по озеру, оно у насъ доходитъ до самаго дома; здѣсь масса цвѣтовъ у берега.

М а т ь.

Въ горахъ все чернѣетъ, должно быть тамъ ливень.

Ксендзъ.

Мнѣ кажется, что и рѣка зашумѣла сильнѣй.

Артуръ, прислушиваясь.

Да, вѣрно.

Ксендзъ.

Должно быть, будетъ большое наводненіе. Я ясно слышу шумъ прибывающихъ водъ.

Мать.

Какое, однако, счастье, что вы не попали въ трясины и чащи, блуждая въ темнотѣ.

Артуръ.

Счастливый случай вывелъ меня на дорогу къ усадьбѣ. Я ѣхалъ спокойно, но недалеко отсюда моя лошадь начала становиться на дыбы и вдругъ упала вмѣстѣ со мной.

Анна вдругъ, нервно.

Ахъ!

Мать.

Что съ тобой, мое дитя?

Анна тихо матери.

Мнѣ снова показалось, что въ саду задрожали деревья.

М а т ь.

Странныя вещи тебѣ мерещатся сегодня. Впрочемъ, вѣтеръ сильный.

А н н а, какъ выше.

О, нѣтъ, это не вѣтеръ... Я знаю, что это мнѣ только кажется, но это такъ страшно...

К с е н д з ъ, смотря внимательно на Анну.

Не надо поддаваться этимъ болѣзненнымъ ощущеніямъ.

А н н а, словно оправдываясь.

Они сами приходятъ ко мнѣ неожиданно, не знаю откуда.

А р т у р ъ, вставая и подходя къ Аннѣ.

Вы играете только чужое? Не правда ли? Нѣтъ?

А н н а.

Иногда, когда очень тихо и когда сильно пахнутъ цвѣты, я играю, что мнѣ придетъ въ голову.

А р т у р ъ.

Вотъ и теперь тихо и цвѣты пахнутъ.

А н н а.

Я должна быть для этого одна, совершенно одна...

Ксеидзъ.

Распустились ли уже тѣ лиліи, которыя я привезъ тебѣ изъ моего сада, дитя?

Анна.

Да. Онѣ удивительно блѣдны и пахнутъ необыкновенно сильно. Онѣ красивы, но такъ блѣдны и печальны.

Мать.

Лилія вообще не веселый цвѣтокъ.

Анна.

Онѣ пахнутъ такъ сильно, что Леонъ пришелъ сегодня отъ себя въ мою комнату, когда я приколола нѣсколько цвѣтковъ къ волосамъ.

Артуръ, смотря на голову Анны.

Эти?

Анна.

Да. Въ сумерки я долго смотрѣла на лиліи въ саду. Онѣ склонили головки къ землѣ, словно сонныя...

Ксеидзъ.

Мнѣ вспоминается одно мѣсто изъ оперы вашего отца „Христосъ“. Эта чудная арія.

Декламируетъ:

Лилія, сонно головки склоняя,
Безшумно роняютъ слезу за слезой...

Это прошла по нимъ Дѣва Святая,
Страхнувъ съ нихъ росинки своею стопой.
Молнія и сильный громъ.

М а т ь.

Буря надвигается. Не было бы только какого-нибудь несчастья!

К с е н д з ь.

Богъ милостивъ.

М а т ь.

Аминь.

Долгое молчаніе.

А н н а вполголоса, смотря на небо.
Какъ тамъ темно...
Яркая молнія и громъ очень близко. Всѣ вскакиваютъ.

М а т ь.

Боже! Это здѣсь гдѣ-то!..

К с е н д з ь.

Гдѣ-то около амбаровъ.

А р т у р ь.

Мнѣ показалось, что громъ ударилъ въ дерево.

А н н а.

Какъ свистить вѣтеръ по стеклянной крышѣ оранжереи.

М а т ь.

Надвинулась бѣшенная буря.

К с е н д з ь Артуру.

Слава Богу, что вы успѣли захватить къ намъ.

А н н а.

Какъ черно кругомъ...

Вбѣгаетъ Петръ въ замѣшательствѣ.

М а т ь.

Что случилось?

П е т р ь.

Молнія ударила въ старый амбаръ.

Всѣ вскакиваютъ.

М а т ь.

Анна, дай мнѣ накидку, скорѣй.

Анна выбѣгаетъ черезъ двери по лѣвую сторону отъ зрителей, ближе къ краю сцены.

К с е н д з ь.

Въ старый амбаръ — это и не особенно убыточно и не опасно.

М а т ь.

Да. Но надо захватить огонь; при такомъ встрѣсѣ можетъ легко перейти на другія постройки.

Анна возвращается съ накидкой.

Артуръ.

Въ какой это сторонѣ.

Мать, указывая.

Тамъ.

Артуръ.

Вѣтеръ дуетъ съ противоположной стороны, искры не будутъ долетать до дома.

Петръ уходитъ.

Мать.

Анна, ты останешься съ Леономъ. Пойдемте.

Анна въ испугѣ.

Я должна остаться одна?

Артуръ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ съ видимой болью въ ногѣ.

Мать.

Панъ Веренъ, вамъ трудно итти. Будьте любезны, останьтесь и позаботьтесь о моихъ дѣтяхъ.

Мать и ксендзь уходятъ. Продолжительная пауза.

Артуръ.

Я, дѣйствительно, чувствую, что не пригодился бы тамъ.

Анна.

А я одна страшно боялась бы здѣсь. Прислуга побѣжала къ амбару. Домъ пустъ, глухъ... Взгляну на Леона. Выходить.

А р т у р ъ одинъ.

Эта дѣвушка — словно сонъ, словно чудо... Все это кажется мнѣ какой-то грезой...

А н н а, возвращаясь.

Леонъ спитъ въ креслѣ съ тѣмъ цвѣткомъ въ рукѣ, который я ему дала. Идетъ къ балюстрадѣ и садится на перила подъ колонной съ вазой, ближе къ дверямъ, черезъ которыя входилъ Леонъ, спиной къ этимъ дверямъ. Артуръ подходитъ къ ней и опирается на балюстраду.

А р т у р ъ.

Значить, вашъ братъ калѣка отъ рожденія?

А н н а.

Да.

А р т у р ъ.

Странной тайной должна быть его душа.

А н н а.

Странной и великой тайной.

А р т у р ъ.

Онъ обнаруживаетъ впечатлительность при чемъ-нибудь?

А н н а.

Все, что пахнетъ и что пріятно при прикосновеніи, доставляетъ ему видимое удовольствіе. Но обоняніе

развито у него особенно сильно. Часто въ солнечные дни я вожу его въ поле, гдѣ пахнетъ скошеннымъ сѣномъ; я вижу, что онъ мнѣ благодаренъ.

А р т у р ь.

Вы занимаетесь съ нимъ больше всѣхъ?

А н н а.

Да, я. Иногда мы по цѣлымъ днямъ просиживаемъ на лугахъ. Деревенскія дѣти, которыя знаютъ, что Леонъ любитъ цвѣты, приносятъ ихъ ему цѣлыми пучками, а онъ играетъ съ ними и ласкаетъ личики и головки дѣтей. Онъ узнаетъ ихъ прикосновеніемъ руки и радуется знакомымъ. Но всего чаще онъ становится здѣсь на верандѣ и втягиваетъ въ себя холодный вѣтеръ, дующій съ горъ, и долго стоитъ такъ, неподвижный и блѣдный. А иногда протягиваетъ впередъ руки, словно хочетъ полетѣть куда-то въ пространство. Тогда у него удивительно измѣняется лицо; какая-то огромная печаль застилаетъ его. Какъ-то орелъ кружилъ здѣсь надъ водой, а онъ, нѣмой и слѣпой, стоялъ такъ съ протянутыми руками, словно жаловался этому орлу, что не можетъ парить въ безпредѣльномъ пространствѣ и видѣть.

А р т у р ь.

Онъ всегда ласковъ?

А н н а.

Теперь съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ раздражи-

теленъ, но вообще онъ очень спокоенъ. Лишь нѣсколько разъ я видѣла его въ гнѣвъ, и тогда онъ небезопасенъ, такъ какъ упадетъ въ неистовство. По такой гнѣвъ очень обезсиливаетъ его и продолжается недолго.

А р т у р ь .

Мое присутствіе, очевидно, раздражило его.

А н н а .

Онъ долженъ привыкнуть къ людямъ, а затѣмъ онъ не любитъ, когда кто-нибудь чужой находится возлѣ меня.

А р т у р ь .

Значитъ, онъ мыслить, и, Богъ знаетъ, какіе міры у него въ душѣ.

А н н а .

Богъ знаетъ, какіе міры... На небѣ показывается зарево, сначала небольшое. Ахъ! Смотрите! Пламя!

А р т у р ь .

Огонь, должно быть, охватилъ крышу. Зарево на этомъ черномъ небѣ напоминаетъ миѣ, какъ горѣло въ портѣ имущество одного купца, которое мы спасли.

А н н а .

Тамъ, навѣрное, вы не были такъ бездѣтельны, какъ теперь поневолѣ.

А р т у р ь .

О, мы всѣ работали тамъ, сколько силъ хватало.

Анна.

А вы спасли кому-нибудь жизнь?

Артуръ съ улыбкой.

Только собакъ, за которой никто не хотѣлъ идти.

Анна.

Въ огонь?

Артуръ съ нѣкоторымъ увлеченіемъ.

Да, тамъ все было красно отъ огня.

Анна невольно протягиваетъ къ Артуру руку съ упрекомъ во взглядѣ. Артуръ хочетъ поднести руку Анны къ губамъ, потомъ колеблется и выпускаетъ ее. Молчаніе.

Анна, стараясь скрыть замѣшательство и обратить вниманіе Артура на что-нибудь другое.

Горы маячатъ въ блескѣ. Онѣ кажутся такими огромными. Слышите? Стропила и балки трещать.

Артуръ, прислушиваясь.

У васъ слухъ тоньше, чѣмъ у меня.

Анна.

Съ деревьевъ срываются перепуганныя ночныя птицы и шелестятъ крыльями.

Артуръ.

Голуби кружатъ надъ домомъ.

А н н а съ безпокойствомъ.

Слышите? Словно какой-то шопоть и хрусть вѣтвей, ломающихся въ чащѣ... Огонь разбудилъ и испугалъ оленей...

Раздается отдаленный, полный звукъ большого колокола.

А р т у р ъ.

Какъ мраченъ звукъ этого колокола.

А н н а.

Страшно мраченъ. Пауза. Вы спокойны?

А р т у р ъ.

Совершенно. Зачѣмъ же мнѣ беспокоиться? Во всякомъ случаѣ пожаръ не грозитъ ни дому, ни постройкамъ.

А н н а.

Да, пожаръ не грозитъ ничему... Этотъ колоколь страшно мраченъ...

Пауза.

А р т у р ъ хочетъ отвлечь вниманіе
Анны.

Онъ звучитъ, какъ въ послѣдней, предсмертной симфоніи моего отца.

А н н а

Вашего отца? Какъ странно, однако, что судьба привела васъ сюда.

А р т у р ь взволнованно съ улыбкой.

На счастье или несчастье?

А н н а печально.

Счастья такъ мало на землѣ, такъ поразительно мало... Какъ вы похожи сейчасъ на отца. Въ моей комнатѣ надъ роялемъ виситъ его портретъ. Я люблю смотрѣть на него. Вашъ отецъ мой идеаль, съ улыбкой, мой первая любовь.

А р т у р ь взволнованно.

Быть можетъ, благодаря этому и я буду вамъ не такъ чуждъ?

А н н а съ невольной искренностью.

О, да! Обрываетъ и, смутившись, продолжаетъ. Вы не знаете нашихъ горъ? Онѣ очень дики и угрюмы.

А р т у р ь.

Я здѣсь всего нѣсколько дней и въ первый разъ.

Минута молчанія.

А н н а.

Зарево такое ясное и багровое. А тамъ, въ глубинѣ, такъ темно.

А р т у р ь.

Вѣтеръ стихаетъ понемногу, и мѣсяцъ начинаетъ просвѣчивать сквозь тучи.

Пауза.

А н н а медленно, мечтательно.

Не знаю почему, мнѣ вспоминается сейчасъ одно тихое июльское воскресное утро въ деревнѣ... Я сидѣла у окна; передъ окнами были клумбы цвѣтущихъ розъ и бѣлыхъ нарциссовъ и ярко-зеленая трава... Маленькія птички прыгали по газонамъ, и мотыльки порхали кругомъ... Небо было такое ясное, чистое, голубое, полное солнца... Помню, что весь день былъ потомъ необыкновенно ясенъ и ласковъ. Тише Это было давно, и не знаю, почему мнѣ грезится это сейчасъ...

А р т у р ъ.

Мысль челоѣка кружить неожиданными зигзагами, словно ласточка надъ водой.

Пауза.

А н н а нервно.

Слышите? Гончія воютъ въ усадьбѣ. Должно быть, замѣтили огонь. Какъ онѣ злоѣще воютъ...

А р т у р ъ.

Словно чуютъ въ воздухѣ смерть.

А н н а лихорадочно.

Смерть!.. Это страшное слово... Не хорошо, что вы произнесли его!

А р т у р ъ съ удивленіемъ.

Вѣдь его говорятъ такъ часто.

А н н а какъ выше.

Бываютъ минуты, когда этого слова нельзя говорить.

А р т у р ь съ улыбкой.

Но вѣдь часъ духовъ еще не наступилъ.

А н н а, минуто глядя на Артура.

Вы смѣтаетесь, — а развѣ вы знаете, что происходитъ здѣсь, вокругъ насъ? Я не знаю почему, но въ эту минуту не надо было произносить этого слова.

А р т у р ь серьезно.

Но вы такъ поблѣднѣли...

А н н а какъ бы про себя.

Въ этомъ трепетѣ деревьевъ, который пробѣжалъ сейчасъ черезъ садъ, въ этомъ стонѣ колокола было слышно это страшное слово.

Далекій громъ.

А р т у р ь, стараясь отвлечь вниманіе Анны.

Вѣроятно, скоро вернется ваша мать съ отцомъ настоятелемъ.

А н н а.

Съ отцомъ настоятелемъ? Правда, онъ ѣздилъ навѣстить умирающаго, но тамъ не засталъ смерти и вернулся сюда. Черезъ минуту. Вы спокойны?

Артуръ.

Да.

Анна.

Совсѣмъ спокойны?

Артуръ.

Совсѣмъ спокоенъ.

Анна.

И нигдѣ ничего нѣтъ?

Артуръ.

Нѣтъ.

Анна.

Не смѣйтесь надо мной, я сегодня такъ странно настроена... Уже нѣсколько часовъ меня мучаютъ неясныя предчувствія чего-то недобраго... Какъ тихо теперь...

Артуръ.

Мнѣ кажется, что можно услышать свои мысли...

Анна.

Тсс!.. Ужи проснулись въ трясинахъ, подняли головы и шипятъ — слышите?

Артуръ.

Нѣтъ.

А н н а.

Какіе-то странные отголоски... Не будемъ говорить объ этомъ. Мнѣ холодно.

Артуръ оглядывается и видитъ на креслѣ черный шерстяной платокъ, затканый серебряными нитками, который и подаетъ Аннѣ.

А р т у р ъ.

Вотъ какой-то платокъ. Набрасываетъ платокъ на плечи Анны. Хорошо? Последнее слово говорить нѣсколько взволнованно.

А н н а.

Хорошо, благодарю васъ. Черезъ минуту. Почему дрожалъ вашъ голосъ?

А р т у р ъ, смутившись.

Когда?

А н н а.

Минуту тому назадъ, когда вы помогали мнѣ набросить платокъ.

А р т у р ъ.

Вамъ это показалось — мой голосъ совсѣмъ не дрожалъ, я говорилъ, какъ всегда...

А н н а.

Голосъ вашъ дрожалъ... Смотритъ внимательно на Артура. Вы боитесь чего-то такъ же, какъ и я, только скрываете передо мною тревогу...

А р т у р ь съ улыбкой.

Хорошъ былъ бы морской офицеръ! Да чего же мнѣ бояться?

А н н а лихорадочно.

Я не знаю, но здѣсь есть что-то такое, что вы должны чувствовать такъ же, какъ я.

А р т у р ь.

Мои нервы закалились во время морскихъ урагановъ и бурь.

А н н а.

Я завидую вамъ... Ахъ, только бы прошла эта ночь! Черезъ минуту съ возрастающимъ безпокойствомъ. Страшно взглянуть въ эту черную бездну. Вы не боитесь, а развѣ вы знаете, развѣ вы можете знать, что происходитъ въ эту минуту около насъ? Люди говорятъ, что здѣсь пусто, а тамъ указываетъ на небо есть Богъ... А мнѣ кажется, что вся эта черная бездна полна чего-то непонятнаго, чего-то зловѣщаго, ужаснаго... Вдругъ обрываетъ.

А р т у р ь.

Что съ вами? Почему вы вдругъ замолчали?

А н н а, понижая голосъ.

Тсс!.. Слышите? Я боюсь взглянуть... Словно что-то идетъ по саду, не касаясь ни деревьевъ, ни цвѣтовъ. Деревья наклоняютъ вѣтви, а цвѣты гнутся къ

землѣ. Даже ручей журчитъ тише, и вѣтеръ убѣгаетъ...
Ахъ!

А р т у р ъ.

Что вы...

А н н а лихорадочно.

Слышите? Слышите? Словно что-то ползеть съ тихимъ шелестомъ по влажной стеклянной крышѣ оранжереи... все ближе, все ближе... Нѣтъ! Это выше моихъ силъ!.. Закрываетъ глаза.

А р т у р ъ.

Право, вы...

А н н а.

Не смотрите, не смотрите!..

Въ эту минуту въ дверяхъ останавливается Леонъ, котораго ни Артуръ, ни Анна не видятъ. Онъ стоитъ съ минуту, потомъ подвигается тихо къ говорящимъ и останавливается въ нѣсколькихъ шагахъ. Видно, что онъ чувствуетъ что-то, приводящее его въ безпокойство.

А н н а.

Тамъ въ темнотѣ свѣтятъ большіе, круглые, кровавые, искрящіеся глаза... Боже!.. Шатается. Артуръ поддерживаетъ ее рукой.

А н н а черезъ минуту, слабымъ голосомъ.

Пустите меня!.. Артуръ пускаетъ Анну, которая прислоняется къ колоннѣ. Платокъ сползаетъ съ ея плечъ.

А р т у р ъ.

Послушайте...

А н н а, стараясь успокоиться.

Я испугала васъ — испугала... Я такой ребенокъ...

А р т у р ь.

Я, дѣйствительно, испугался. Вы такъ поблѣднѣли.

А н н а.

Это ничего... Въ эту минуту вы удивительно напомнили мнѣ портретъ вашего отца. Вы скоро уѣзжаете?

А р т у р ь, скрывая волненіе.

Да, я долженъ ѣхать.

А н н а.

И куда?

А р т у р ь.

Пойду скитаться дальше по широкому, глухому океану.

А н н а.

Тамъ грустно, должно быть. О чемъ вы думаете на этихъ огромныхъ водахъ?

А р т у р ь.

До сихъ поръ я думалъ о томъ, что пережилъ и что еще можетъ встрѣтить меня когда-нибудь... Иногда мнѣ бывало грустно, какъ всѣмъ морякамъ.

А н н а.

Вѣдь вы можете вернуться, когда захотите.

Артуръ.

Я не вернусь уже никогда, через минуту развѣ... через минуту, но этого не будетъ. Через минуту, дѣлая усилие, чтобы улыбнуться. Тамъ впрочемъ бываетъ такъ весело. Оксанъ шумить, моряки поютъ, а когда ночью улегаются сонныя волны и тишина сходитъ на корабль, мысли летятъ въ безпредѣльную пустоту, словно чайки или морскіе орлы...

Анна.

И ни о чемъ больше вы не думаете, только о томъ, что пережили или что еще можетъ вамъ встрѣтиться въ жизни?

Артуръ черезъ минуту.

Теперь у меня прибавится еще одно чувство.

Анна, колеблясь.

Какое?

Артуръ послѣ нѣкоторой борьбы съ собой.

Тоска. Молчаніе.

Анна, вынимая изъ волосъ лилію и подавая ее Артуру.

Пусть этотъ цвѣтокъ напоминаетъ вамъ нашъ домъ, когда вы будете далеко... Только это скоро вянуцій цвѣтокъ... Артуръ задерживаетъ руку Анны въ своей и смотритъ ей въ глаза, словно спрашивая, можетъ ли онъ поцѣловать эту руку. Анна невольно опускаетъ глаза, Артуръ робко цѣлуетъ ее.

А р т у р ь.

Я сохраню его до смерти.

А н н а со слабой улыбкой.

Моей или своей? Такія существа, какъ я, живутъ недолго. Когда вы гдѣ-нибудь на океанѣ узнаете о моей смерти, то, прошу васъ, бросьте этотъ цвѣтокъ въ воду и смотрите, какъ онъ будетъ тонуть... Черезъ минуту. Я — ребенокъ; правда? Черезъ минуту. Какъ тихо...

А р т у р ь.

Вѣтеръ утихъ, и зарево гаснетъ.

А н н а, вслушиваясь.

Тсс!.. Слушайте! Миѣ кажется, какъ будто большая волна звуковъ разливается медленно вокругъ, кругъ за кругомъ, дальше и дальше... Плыветъ, плыветъ куда-то къ синему, далекому краю моря... И опьяняетъ меня и обезсиливаетъ... Что-то манящее, какъ жизнь, мощное, какъ смерть, въ этой странной музыкѣ... Вы слышите?

А р т у р ь, сильно взволнованный.

Я слышу ваши слова, а они для меня музыка, манящая, какъ жизнь, мощная, какъ смерть...

А н н а.

Что-то странное происходитъ со мной. Мгла засти-

лаетъ мой глаза, силы покидаютъ меня... Я сейчасъ—
какъ дитя, заблудившееся въ чащѣ въ бурную ночь...

А р т у р ь.

Но я съ вами.

А н н а шатается, словно близка къ
обмороку.

Я—какъ эти лиліи, что растутъ подъ мовми окна-
ми, слабыя, среди бурь...

А р т у р ь.

Но я съ вами.

А н н а.

Я—какъ эти ласточки, которыя ослабѣли, проле-
тая надъ океаномъ, а земля далеко...

А р т у р ь, приближаясь къ ней.

Но я съ вами.

А н н а.

Тсс!.. Не говорите ничего. Волна плыветъ, зву-
чить все сильнѣй и сильнѣй и окружаетъ меня всю,
кругъ за кругомъ... Странная музыка... Чары ея за-
туманиваютъ мысли... Шатается, Артуръ тихо обнимаетъ ее.
Миѣ вспоминается опять это ласковое небо и это сол-
нечное утро... Кажется миѣ, что какіе-то голубые ту-
маны развѣялись вокругъ, нѣжно звуча. Вы видите?

А р т у р ь.

Вижу только васъ, а эти голубые туманы—это мы-
сли мои.

Анна.

Все превращается въ лазурь и пѣсню... Странный сонъ.

Артуръ страстнымъ шопотомъ.

Не сонъ! Не сонъ! Это моя любовь говорить вамъ такъ, это моя любовь окружаетъ васъ волною звуковъ и голубыми туманами...

Анна, невольно склоняясь къ Артуру.

Миѣ грезится какой-то ясный, полный солнца свѣтъ... какая-то тихая, нѣжная, сонная бездна.. Падаетъ на руки Артура, который отступаетъ немного назадъ къ Леону. За это время Леонъ подвинулся уже къ самой колоннѣ, такъ близко, что его отдѣляетъ только одинъ шагъ отъ Артура и Анны. Вдругъ Анна вырывается изъ объятій Артура, восклицая съ испугомъ. Ахъ! Деревья задрожали! Деревья дрожать! Въ эту минуту Леонъ попадаетъ вытянутыми руками на головы Артура и Анны, которые въ испугѣ быстро отворачиваются. Леонъ хватаетъ Артура правой рукой за плечо, а лѣвой срываетъ съ колонны вазу съ орхидеями и ударяетъ ею въ голову Артура. Артуръ со стономъ падаетъ на землю. Леонъ, тяжело дыша, обезсиленный, опирается плечами о колонну. Анна, до этого остолбенѣвшая, подходитъ къ Артуру, вдрагиваетъ вдругъ и, закрывая глаза, пронзительно кричитъ. Трупъ! А! А! А!

Корабль-призракъ.

Драматическая фантазія.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Марія.

Андрей.

Ксендзъ Ансельмъ, ихъ дядя.

Незнакомецъ.

Берегъ океана на западѣ. Печальная, увядающая растительность осени. Голыя, обрывистыя скалы и пустой песокъ, куда вытащены рыбачьи лодки. Туманный день; солнце опускается къ океану. Нѣсколько чаекъ кружатъ надъ водой. Андрей, семнадцатилѣтній юноша-рыбакъ, лежитъ навзничъ на песокъ съ закрытыми глазами. Марія съ ксендзомъ сидятъ невдалекѣ на обломкѣ скалы, поросшемъ мхомъ. Марія одѣта просто, въ темное платье съ широкимъ бѣлымъ полотнянымъ воротникомъ на плечахъ; она шатенка съ синими глазами, съ длиннымъ матовымъ лицомъ и вишневыми губами. Ксендзъ старый и сѣдой.

Ксендзъ.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ Герардъ вернулся поскорѣе, я такъ давно не видалъ его.

Марія.

Вотъ уже двѣ недѣли, дядя, какъ вернулись послѣдніе корабли. Я боюсь, не случилось ли съ нимъ какое-нибудь несчастье. Тамъ были большіе, неожиданные морозы. Такъ рассказываютъ тѣ, которые вернулись.

Ксендзъ.

Странно мнѣ здѣсь. Я здѣсь только нѣсколько часовъ, не былъ здѣсь столько лѣтъ, жилъ въ чужой

странѣ, а кажется, что и никогда не покидалъ этихъ скалъ, словно все, что осталось за мной, было какимъ-то сномъ.

Марія.

Ты останешься съ нами, дядя, правда?

Ксендзъ.

Останусь, дитя. Я уже слишкомъ старъ, чтобы служить въ миссіи. Пусть молодежь замѣнитъ меня, а я останусь здѣсь, чтобы сложить кости на нашемъ кладбищѣ, гдѣ лежатъ всѣ наши.

Марія.

Кромѣ тѣхъ, которые лежатъ въ океанѣ.

Ксендзъ.

Да, кромѣ тѣхъ, которые лежатъ въ океанѣ. Вѣчный покой имъ... Лѣтъ пять уже прошло, какъ умерла ваша мать?

Марія.

Да, дядя, и съ—со смерти отца.

Ксендзъ.

Бѣдныя сироты... Ну, да что тамъ тосковать? Что случилось, того не вернешь... Теперь намъ будетъ здѣсь хорошо; только бы Герардъ вернулся. Уговорю его, чтобы онъ бросилъ этотъ страшный промыселъ китолова. Зачѣмъ постоянно подвергать жизнь опасно-

сти, если можно жить иначе. Я рисковалъ жизнью среди дикарей въ Африкѣ, но это было на святой службѣ, для спасенія ихъ душъ. А здѣсь... Развѣ Герардъ не можетъ заняться чѣмъ-нибудь другимъ? Смотри-ка, какъ красивы эти липы и клены. Сто разъ предпочитаю наши простыя деревья всѣмъ африканскимъ пальмамъ. Вотъ, погоди, я разобью здѣсь себѣ садикъ и посажу артишоки и яблоньки. Во всякомъ случаѣ, въ вашемъ саду найдется мѣсто для садика? У моихъ родителей, а вашихъ дѣдовъ, всегда былъ прекрасный яблочный садъ. Да, и женю Герарда; тебя, Марія, хорошо выдамъ замужъ...

А н д р е й, вскакивая вдругъ.

Ахъ! ахъ!

М а р і я, вставая съ камня.

Что съ тобой? Что съ тобой?

К с е н д з ъ.

Чего ты кричишь? Что съ тобой?

А н д р е й.

Тамъ на океанѣ... корабль...

К с е н д з ъ.

Корабль? Гдѣ? А если бы и такъ, такъ что же? Покажи, гдѣ? Можетъ быть, это возвращается Герардъ; чего ты такъ испугался? Или это тебѣ привидѣлось? Гдѣ? Покажи! Можетъ быть, это Герардъ... Я ничего не вижу...

Марія.

Да, можетъ быть, это они возвращаются. Гдѣ ты видѣлъ корабль? Въ какой сторонѣ?

Андрей.

Сейчасъ я не вижу ничего, но минуту тому назадъ я видѣлъ его тамъ, на сѣверѣ. Странно, куда онъ дѣвался...

Ксендзъ.

Куда же могъ онъ дѣваться, если ты его видѣлъ.

Марія.

Океанъ совершенно пустъ.

Ксендзъ.

И чего ты такъ испугался? Чего крикнулъ такъ и сорвался съ мѣста, словно увидѣлъ дракона?

Андрей.

Ахъ, дядя, я до сихъ поръ не могу притти въ себя. Не знаю, былъ ли это сонъ или видѣніе. Кажется, я не спалъ.

Марія.

Твои глаза были закрыты.

Андрей.

Да, но мнѣ кажется, однако, что я не спалъ. Я думалъ о Герардѣ, о Сильвестрѣ, что живетъ подъ

лѣсомъ, и о старомъ Геронимѣ, объ обоихъ Рубыхъ и обо
всѣхъ, кто поплылъ съ нашимъ братомъ на промыселъ.
Быть можетъ, я задремалъ, не знаю, но только какъ
же это, когда я видѣлъ океанъ такъ же хорошо, какъ
вижу сейчасъ, а на океанѣ увидалъ вдругъ, тамъ къ
сѣверу, корабль, весь покрытый снѣгомъ и замерзшій.
Верхняя палуба, мачты, снасти и паруса — все сплош-
ной снѣгъ и ледъ, страшной бѣлизны.

Ксендзъ.

И этого ты такъ испугался? Вскочилъ, какъ ошпа-
ренный.

Марія.

И такъ поблѣднѣлъ? Да ты и сейчасъ блѣденъ.

Андрей.

Потому что того, что я увидѣлъ, я не могу по-
нять. Вокругъ этого корабля былъ замерзшій океанъ,
какъ сплошная бѣлая пустыня, а потомъ начиналась
вода и шла прямо сюда, къ намъ, до берега, такъ,
какъ есть. Вдругъ съ палубы сошли два человѣка и
пошли сюда къ берегу по льду и снѣгу. Я видѣлъ,
какъ они становились все больше, но не могъ узнать,
кто они. Затѣмъ, когда ледъ кончился и началась вода,
одинъ изъ нихъ остановился у края льда, словно бо-
ялся итти дальше; а другой пошелъ по водѣ, какъ по
твердой землѣ. Тогда меня охватилъ ужасъ, я сорвал-
ся съ мѣста и въ ту же минуту узналъ ихъ: тотъ, ко-
торый шелъ по океану, былъ Герардъ, а тотъ, кото-

рый остановился на краю льда, это былъ... смотритъ на Марию неувѣреннымъ взглядомъ и кончаетъ тише Кароль...
Пауза.

Ксендзъ.

Это снилось тебѣ, но это странный сонъ...

Андрей.

Вѣроятно, это снилось миѣ, дядя Ансельмъ, но я никогда еще ничего не видалъ во снѣ такъ ясно. Въ ту минуту, когда я вскопчилъ, я видѣлъ лица Герарда и Кароля, несмотря на разстояніе, такъ хорошо, какъ ваши: они были мертвенно блѣдны, словно трупы.

Марія.

Странный сонъ... Дядя Ансельмъ, а если это не былъ сонъ...

Ксендзъ.

А что же бы это могло быть?

Марія.

Я не знаю, не знаю, но боюсь теперь за нихъ больше, чѣмъ до сихъ поръ... Не хочу думать... У насъ у океана происходятъ удивительныя вещи. Почти никто изъ нашихъ не погибаетъ тамъ далеко безъ того, чтобы не дать сюда знать о себѣ. Ты давно здѣсь не былъ, дядя Ансельмъ, ты забылъ объ этомъ. А все-таки ты долженъ помнить, что когда тонулъ нашъ дѣдушка, разбившись гдѣ-то о скалу въ ночную бурю,

бабушка увидѣла вдругъ въ окнѣ двѣ руки со скорченными пальцами, какъ у челоуѣка, который тонетъ. Не разъ покойница мама рассказывала мнѣ объ этомъ.

А н д р е й.

Да, а когда Яковъ Гормонъ долженъ былъ погибнуть на океанѣ, три ночи подъ рядъ его мать слышала его голосъ, словно онъ стоналъ гдѣ-то подъ землей; она сейчасъ же дала на обѣдню за его душу, потому что знала, что онъ не вернется. И онъ не вернулся, и никто до сегодняшняго дня не знаетъ, что съ нимъ случилось, хотя уже прошло три года. Я еще ходилъ въ школу.

К с е н д з ъ съ безпокойствомъ.

Правда, что я столько лѣтъ просидѣлъ тамъ въ своей африканской миссиі, не видавъ родины. Ты думаешь, значить, это что-нибудь недоброе? Да нѣтъ, нѣтъ, глупости, это темнымъ людямъ кажется Богъ знаетъ что... Сколько лѣтъ было тебѣ, Марія, когда я уѣзжалъ отсюда? Сколько тебѣ теперь?

М а р і я.

Двадцать, дядя.

К с е н д з ъ.

Значить, тогда тебѣ былъ годъ, потому что это было девятнадцать лѣтъ тому назадъ. Герарду было уже пять лѣтъ. Я очень любилъ этого милаго, красиваго ребенка; онъ былъ очень похожъ на нашу мать.

Андрей родился уже послѣ моего отъѣзда въ миссію. Проворный мальчикъ, хоть и мечтатель. Онъ немного напоминаетъ отца. То время, когда я былъ здѣсь въ послѣдній разъ, кажется мнѣ такимъ далекимъ. Я еще не былъ такъ старъ, какъ теперь. У меня еще не было ни одного сѣдого волоса. Мнѣ было сорокъ два года, я уѣзжалъ въ Африку. А кто этотъ Кароль, о которомъ вы говорили?

А н д р е й.

Это другъ нашего Герарда, сынъ стараго Вавржинца, что живетъ надъ скалой.

К с е н д з ъ.

Сынъ Вавржинца, что живетъ надъ скалой?.. Ахъ, да, да, припоминаю. У него былъ шрамъ черезъ все лицо отъ удара англійской сабли. Живъ онъ еще? Должно быть, онъ очень старъ. Онъ былъ значительно старше меня.

А н д р е й.

Онъ умеръ семь лѣтъ тому назадъ.

М а р і я.

Вернется ли Герардъ? Уже двѣ недѣли мы ждемъ напрасно... И то, что ты видѣлъ, предсказываетъ недоброе, недоброе... Закрываетъ лицо.

К с е н д з ъ.

Не печалься, дитя мое, все можетъ быть еще хо-

рошо. Завтра я отслужу обѣдню за счастливое возвращеніе Герарда.

Марія, понижая голосъ.

И Кароля, дядя.

Ксендзъ.

Я отслужу обѣдню за всѣхъ, кто остался еще на океанѣ, но въ особенности за Герарда.

Марія, какъ выше.

И Кароля, дядя, пожалуйста...

Ксендзъ.

Хорошо. Можетъ быть, это твой женихъ. Я не знаю еще, что дѣлается тутъ у васъ. Вы должны мнѣ все рассказать. Пауза.

Андрей.

Надвигается вѣтеръ.

Ксендзъ.

Становится холодно, пойдите домой.

Марія.

О, нѣтъ, нѣтъ, останемся здѣсь, у океана. Будемъ ждать.

Ксендзъ.

Ждать мы можемъ и дома такъ же хорошо, какъ здѣсь.

Марія.

Да, но здѣсь мы ближе къ нимъ...

Входитъ незнакомецъ, морякъ, съ узломъ на плечахъ, повидимому, путешественникъ.

Незнакомецъ.

Добрый вечеръ.

Ксендзъ.

Здравствуйте. Откуда идете?

Незнакомецъ.

Издалека. Возвращаюсь домой.

Ксендзъ.

По одеждѣ вижу, что вы морякъ, рыболовъ.

Незнакомецъ.

Да, отецъ. Возвращаюсь съ промысла, съ сѣвера.

Марія.

Неужели? Не видѣли ли вы тамъ, на сѣверѣ, корабля?

Незнакомецъ.

Какого, барышня?

Марія.

Онъ называется „Южный крестъ“. Онъ тамъ былъ на ловлѣ китовъ. Не встрѣчали ли вы его?

Незнакомецъ.

Не помню, можетъ быть, и встрѣчалъ да вѣдь тамъ столько промелькнетъ передъ тобой кораблей. Всѣ уже вернулись назадъ, потому что тамъ страшныя бури и морозы.

Марія лихорадочно.

Но одинъ не возвращался. Вы его видѣли? Правда!

Незнакомецъ удивленно.

Откуда вы, барышня, знаете о томъ, что я видѣлъ? Правда, одинъ не возвращался. Мы видѣли его издали, его затерло льдами. Его уже не вытащить никто до будущаго года. А за это время льды сомнутъ и раздавятъ его. Да развѣ это первый... Мы сами всякіе виды видали.

Марія скорбнымъ шопотомъ.

Это былъ „Южный крестъ“...

Незнакомецъ.

Мнѣ еще далеко надо итти. Да хранитъ васъ Богъ!

Снимаетъ шапку и уходитъ.

Ксендзъ.

Счастливаго пути.

Марія.

Дядя, дядя, это былъ „Южный крестъ“, корабль Герарда.

Ксендзъ.

Никто не можетъ знать этого, мое дитя. Какой бы это ни былъ корабль, надо помолиться за души несчастныхъ погибшихъ. А былъ ли это корабль твоего брата, этого не можетъ знать никто. Этотъ человекъ не сказалъ вѣдь, какой это былъ корабль. Я увѣренъ, что Герардъ вернется. Можетъ быть, бури немного отогнали ихъ отъ материка.

Марія.

Ахъ, дядя Ансельмъ, дядя Ансельмъ... они уже не вернутся, ни Герардъ, ни мой бѣдный Кароль... Къ Андрею. Значить, ты видѣлъ, что онъ остановился тамъ, на краю льдовъ, словно боялся итти по водѣ сюда, къ берегу?

Андрей.

Кароль? Да! Такъ мнѣ показалось.

Марія.

Дядя Ансельмъ, а умирающіе прощаютъ?

Ксендзъ.

Обыкновенно даже самыя большія обиды. Но зачѣмъ ты объ этомъ спрашиваешь?

Марія.

Потому что я очень обидѣла Кароля, очень... Шопотомъ. Онъ любилъ меня, дядя Ансельмъ.

Ксендзъ.

А... и былъ твоимъ женихомъ?

Марія.

Да...

Пауза.

Ксендзъ.

И что же случилось? Можетъ быть, ты хочешь, чтобы Андрей ушелъ.

Марія.

Онъ знаетъ все. Мы съ Каролемъ дали слово другъ другу, и я поклялась ему въ вѣрности. Онъ поѣхалъ на промысель; это было въ прошломъ году. Поѣхали оба съ Герардомъ. За это время... Закрываетъ глаза.

Ксендзъ ласково.

Говори смѣло, дитя, говори все, если это облегчитъ тебя. Какъ на исповѣди.

Марія черезъ минуту.

Это было безуміе, дьявольское наважденіе. Я любила Кароля такъ, какъ люблю его сейчасъ, живого или мертваго. Любила его, а однако... нечистая сила опутала меня... Долгое время его уже не было дома. Я поддалась... Тотъ видѣлъ, что я не люблю его, не любила никогда, что я была безъ памяти, что я ненавижу его; потомъ онъ попустилъ въ иностранный военный флотъ, и я не знаю, что съ нимъ случилось...

Черезъ минуту. Потомъ... Герардъ и Кароль вернулись съ промысла — я призналась Каролю во всемъ...

Пауза.

Ксендзь.

Бѣдное дитя!

Марія.

Лучше бы онъ убилъ меня!.. Онъ не сказалъ ничего, только поблѣднѣлъ, какъ трупъ, и смотрѣлъ неподвижно въ землю. Что онъ думалъ? Я не могла разгадать; не знаю, какъ долго стояли мы другъ противъ друга, не двигаясь съ мѣста, минуты ли, цѣлые часы или вѣка... Онъ не сказалъ мнѣ ни слова и ушелъ. Когда Герардъ пришелъ вечеромъ домой, я видѣла, что онъ знаетъ обо всемъ; онъ былъ смертельно печаленъ и избѣгалъ моего взгляда, онъ не спросилъ меня ни о чемъ, не сдѣлалъ ни одного упрека... Должно быть, Кароль принудилъ его къ этому. На слѣдующее утро Кароль исчезъ куда-то и не возвращался долгіе мѣсяцы. Гдѣ былъ онъ? Не знаю. Боюсь думать, что онъ ходилъ мстить. Все это время Герардъ мало говорилъ со мною и всегда о постороннихъ вещахъ. Онъ былъ очень печаленъ, а я думала, что сойду съ ума... Когда пришло время новой поѣздки, Герардъ приготовился къ ней, какъ всегда. Утромъ, когда долженъ былъ отплыть его корабль, Кароль явился вдругъ въ нашъ домъ. Первые слова его были: „Братъ, пришло время, ѣдемъ“. Они взглянули другъ на друга. Герардъ поблѣднѣлъ немного и

ничего не сказалъ. Потомъ Кароль сказалъ мнѣ:— „Вижу, что ты не любила меня, Марія!“— и вышелъ. Это были его первыя и послѣднія слова ко мнѣ. Я хотѣла что-то сказать, но ноги подкосились подо мной, въ глазахъ потемнѣло, и я потеряла сознание. Когда я пришла въ себя, Кароля уже не было. Герардъ держалъ на колѣняхъ мою голову. Онъ приподнял меня, прижался губами къ моему лбу и прошепталъ:— „Моя дорогая, моя бѣдная Марія“. Больше онъ не могъ говорить: что-то сдавило ему горло, и изъ его глазъ на мое лицо упали двѣ крупныя слезы. Обрываетъ, подавляя плачь, который душитъ ее.

К с е н д з ъ.

Бѣдное дитя!

М а р і я, черезъ минуту.

Потомъ онъ оставилъ меня, чтобы выйти... Все уже было готово въ лодкѣ, которая должна была отвезти его на корабль. Я сама приготовила ему все, какъ всегда... Онъ печально улыбнулся въ дверяхъ, послалъ мнѣ рукой поцѣлуй и сказалъ:— „Будь здорова“. Я упала на скамейку безъ чувствъ. Когда я выбѣжала изъ дому, лодка везла уже ихъ обоихъ на корабль. Герардъ еще разъ, снявъ шапку, поклонился мнѣ; а Кароль сидѣлъ у руля съ опущенной на грудь головой и смотрѣлъ въ воду... И они уплыли...

Пауза.

К с е н д з ъ.

Если, сохрани Богъ, они погибли, помолимся за

ихъ души. Говорить вполголоса, Андрей повторяетъ за нимъ
Дай имъ, Господи, вѣчный покой; пусть свѣтитъ имъ
вѣчный свѣтъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Пауза. Темнѣетъ.

А н д р е й.

Тучи заволокли небо. Поднимается вѣтеръ.

М а р і я.

И подумать, что они лежатъ тамъ мертвые, по-
среди льдовъ, на океанѣ... Они не могли перенести
страданія... знаю, что они просили Бога о смерти...
не могли жить съ моимъ позоромъ... и со своей скорбью
въ душѣ... Они такъ любили меня.: Герардъ простилъ
меня, словно чувствуя, что, если не простить теперь,
то не проститъ уже никогда... Но Кароль, Кароль...
Дядя, если онъ умеръ съ гнѣвомъ въ сердцѣ противъ
меня, онъ придетъ мстить теперь... Вѣдь я клялась
ему въ вѣрности, клялась прахомъ нашихъ родителей,
кровью Распятого, спасеніемъ души...

К с е н д з ъ.

Страшная клятва.

М а р і я.

Онъ не требовалъ отъ меня такой клятвы, я сама
дала ему ее... Адъ имѣетъ теперь право на меня... и
онъ... Дядя, мнѣ страшно...

К с е н д з ъ.

Успокойся, мое дитя...

Марія все болѣе и болѣе лихо-
радочно.

Почему же душа Герарда шла сюда, а душа Кароля осталась тамъ, на краю льдовъ? Потому что Герардъ простилъ меня, а Кароль нѣтъ... Герардъ шелъ сюда попрощаться съ нами, посмотрѣть на насъ въ послѣдній разъ оттуда, съ океана... Но Кароль... Дядя, дядя Ансельмъ, мнѣ страшно...

Ксендзъ.

Что ты, дитя... И братъ твой и Кароль, можетъ быть, живы, да еще, навѣрное, живы. Они вернутся, Кароль проститъ тебя, и все пойдетъ хорошо. Я уговорю его простить тебя. Увидишь, онъ проститъ тебя. Не бойся.

Марія.

Ахъ!

Ксендзъ.

Что это? Что съ тобой?

Марія, протягивая къ океану руки, почти безсознательно.

Тамъ, видите?... Вдали показывается корабль-призракъ съ бѣлыми, покрытыми снѣгомъ парусами и мачтами, котораго не видятъ ни ксендзъ, ни Андрей. Корабль! Корабль! „Южный крестъ“!

Андрей въ ужасѣ.

Марія!

Ксендзь.

Гдѣ? Что? Что ты говоришь? Марія, успокойся...

Марія.

О, Христось! Они такъ любили меня! Почему же ты не хочешь простить меня, какъ простилъ братъ?.. Почему же ты не хочешь прійти сюда, къ нашему костелу, какъ пришелъ онъ?.. Кароль!.. Кароль!.. Я твоя!.. О!.. Падаетъ безъ чувствъ.

Андрей, становясь передъ ней на колѣни.

Марія!..

Ксендзь.

Отнесемъ ее домой.

Корабль-призракъ исчезаетъ.

ФЛОРЕНТІЙСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

Меня просили во время отсутствія Маріана Гавалевича¹⁾, который уѣхалъ въ Римъ, написать «письмо съ Краковскаго Предмѣстья»²⁾. Во-первыхъ, я не живу на Краковскомъ Предмѣстьѣ, а, во-вторыхъ, насколько я знаю эти еженедѣльные письма, гг. Гавалевичъ и Рабскій³⁾ затрогиваютъ въ нихъ прежде всего, если и не исключительно, варшавскую жизнь. Но я былъ когда-то въ извѣстномъ во Флоренціи салонѣ *m-me de Sirenne*, и мнѣ пришло въ голову, не описать ли, вмѣсто «письма съ Краковскаго Предмѣстья», одинъ изъ ея флорентійскихъ вечеровъ, въ родѣ знаменитыхъ «Флорентійскихъ Вечеровъ» г. Клячки!

У *M-me de Sirenne* собирается вся Флоренція. Тамъ бывають всѣ мѣстные жители, которые себя уважають,

1) Современный беллотристъ, сотрудникъ газеты „*Kurier Warszawski*“.

2) Одна изъ лучшихъ улицъ Варшавы.

3) Тоже сотрудникъ „*Варш. Кур.*“.

и тѣ проѣзжіе, которые хотятъ, чтобы ихъ уважали. Что касается меня, то меня ввели туда двое моихъ знакомыхъ, Тенжель, сынъ мужика, скульпторъ-самоучка, теперь уже очень извѣстный, и гр. Морскій, музыкантъ. Салоны великолѣпны. Говорятъ, что во Флоренціи въ спальняхъ иногда водятся клоны, но зато салоны великолѣпны.

M-me de Sirenne женщина богатая, у нея около 100 тысячъ франковъ годового дохода, но такъ какъ ея пріятельница M-me Goldblum, у которой 300 тысячъ дохода, тратитъ 60, а 240 ежегодно откладываетъ, то m-me de Sirenne тратитъ всѣ 100 тысячъ и ничего не откладываетъ. Зато она тратитъ иногда 20 или 30 тысячъ изъ капитала.

M-me de Sirenne отличается необыкновеннымъ тактомъ, прекраснымъ воспитаніемъ; она женщина очень лобезная и сама знакомитъ своихъ гостей. Я самъ видѣлъ какъ г-ну Obyvatelli изъ-подъ Пармы, который пришелъ въ салонъ черезъ полчаса послѣ Тенжеля, она представила Тенжеля, а графу Imposanti da Idi-O'Tom, который вошелъ въ салонъ черезъ полчаса послѣ г-на Obyvatelli, она представила г-на Obyvatelli. Тенжель пробормоталъ при этомъ по итальянски «dura»; я не настолько знаю итальянскій языкъ, чтобы понять, что это значитъ, — вѣроятно, выраженіе признательности. А г-нъ Obyvatelli былъ счастливъ. Я замѣтилъ лишь, что что графъ Imposanti da Idi-O'Tom, который, насколько мнѣ извѣстно, воспитывался не у насъ въ Варшавѣ, былъ немного удивленъ.

Минуту спустя я услышалъ слѣдующую фразу :

— Ахъ! Я долженъ васъ поздравить, m-r Belcanto! Самъ маркизъ Buonoaletrazzi di Nievinazzo¹⁾ былъ на вашемъ концертѣ! — говорилъ извѣстному тенору Belcanto г-нъ Исаакъ Фейнперфумъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ.

— Что это, какой-нибудь извѣстный музыкантъ, этотъ маркизъ? — наивно спросилъ я Морскаго.

— Нѣтъ, но это очень извѣстный баринъ.

Belcanto взглянулъ на Морскаго, Морскій на Belcanto, и оба расхохотались. Г-нъ Исаакъ Фейнперфумъ покраснѣлъ, — говорятъ, что способность часто краснѣть присуща интеллигентнымъ натурамъ, — и, повернувшись, подошелъ къ богатой m-me Varsovini, которая только что сѣла съ необыкновенной граціей и такой эластичностью, словно сѣла на гутаперчу.

Будучи совсѣмъ чужимъ въ этомъ обществѣ, я обрадовался, когда нашелъ свободное мѣсто въ углу, подъ цвѣтами. Тамъ о чемъ-то живо спорили.

— Какъ же! — говорила m-me Lublini, жена хи-

*) Въ этой сатирѣ, которая мѣстомъ дѣйствія имѣетъ не Флоренцію, конечно, а Варшаву, даже въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ, написанныхъ по-итальянски, звучатъ польскія слова, которыя даютъ „краткую характеристику дѣйствующихъ лицъ“. Напримѣръ, фамилія Buonoaletrazzi di Nievinazzo напоминаетъ польскую фразу: traci, nie wie na co (тратить, не зная, на что), указывая на мотовство. Я буду здѣсь комментировать фамилія, непонятныя для русскаго читателя, оставляя понятныя, въ родѣ Idi-o-Tom (идіотъ), безъ объясненія, чтобы не испещрять страницъ примѣчаніями. *Примѣч. перевод.*

ругра изъ Болоньи. — Мнѣ это рассказала жена адвоката di Radomio! Paletini самымъ скандальнымъ образомъ нарисовалъ m-ше Vega Datura. Онъ отомстилъ ей за то, что она отказала ему въ котильонѣ въ купеческомъ собраніи.

Рядомъ сидѣли два молодыхъ человѣка какъ я узналъ послѣ, двоюродные братья Posaggoni²⁾).

— Скандаль! — крикнулъ одинъ.

— Грязь! — закричалъ другой.

Я узналъ, что разговоръ шелъ о картинѣ, представляющей голую женщину.

— Да, вѣдь, нельзя узнать; лица не видно, — забылъ кто-то.

— А волосы?

— У m-ше Vega темные, а здѣсь свѣтлые.

— А ростъ?

— M-ше Vega низкаго роста, а женщина на картинѣ высокаго.

— А талія?

— M-ше Vega худая, а та женщина полная.

— А...?!

— А этого ужъ я не знаю.

— А я вамъ говорю и прекрасно знаю, что это Vega Datura и что онъ ее нарисовалъ изъ мести.

— За то, что она отказала ему въ котильонѣ въ купеческомъ собраніи?

— Да!

*) Posaggoni — posaggoni (гонится за приданымъ).

— Да вѣдь онъ тамъ не былъ.

— Какъ не былъ?

— Балъ въ купеческомъ собраніи былъ 17-го февраля, а Paletini былъ тогда со мной въ деревнѣ, въ Ломбардіи. Далѣе, онъ, если хотите, совсѣмъ не знаетъ m-lle Vera Datura.

— А вы откуда знаете?

— Когда мы должны были быть на вечерѣ у Coutini di Scasovia и я перечислялъ ему, кто тамъ будетъ, онъ спросилъ, услышавъ фамилію m-lle Datura, кто она такая.

— Когда же это было?

— Седьмого марта.

— Значитъ это было...

— Даже послѣ того, какъ картина была выставлена.

— Ну, что бы вы тамъ ни говорили, а я навѣрно знаю, что Paletini нарисовалъ m-lle Datura голой изъ мести за то, что она отказала ему въ котильонѣ, въ купеческомъ собраніи.

— Скандаль! — крикнулъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— Грязь! — крикнулъ другой.

Присутствовавшій здѣсь критикъ, Bonifacio Cretunio, обѣщалъ m-m Lublini, что онъ «такъ подрѣжетъ ножки Paletini, что тотъ уже не встанетъ».

— Даю вамъ слово и благодарю за сообщеніе, — произнесъ онъ.

— Скандаль! Грязь! — повторяли два молодыхъ человека.

— Кто эти господа, что такъ громко возмущаются? — спросилъ я сосѣда.

— Да такъ, ничего, — одинъ все ѣздитъ на резиновыхъ шинахъ. Даже смѣются, что они любители гутаперчи. — Тутъ онъ взглянулъ въ сторону богатой и эластично сидящей Varsovinі. — Я даже не знаю, на что онъ живетъ, такъ какъ у него ничего нѣтъ и онъ ничего не дѣлаетъ. А второй... такъ, что-то нелѣпое!.. Написалъ анонимное письмо, что кто-то, кто долженъ былъ жениться на богатой дѣвушкѣ, страдаетъ эпилепсіей или чѣмъ-то еще. Оказалось, что тотъ не страдаетъ эпилепсіей, но тѣмъ не менѣе бракъ разстроился. Дѣвушка съ отчаянія ушла въ монастырь, а женихъ пропалъ гдѣ-то безъ вѣсти. Такъ, глупость, пустякъ! Зачѣмъ кому-то надо было жениться на богатой?

Разговоръ въ флорентійскомъ салонѣ интересовалъ меня. И я подошелъ къ другой группѣ.

Докторъ Salatin, французъ, разговаривалъ съ нѣсколькими дамами. Говорили о флорентійской знаменитости, докторѣ Буркхардѣ.

— Что за діагнозь — кричала одна изъ дамъ. — Какъ онъ выстукиваетъ!

— Что же ему дѣлать, когда онъ глохнетъ! — пробормоталъ д-ръ Salatin низкимъ басомъ.

— Глохнетъ?.. Я не слышала...

Д-ръ Salatin открылъ альбомъ и погрузился въ него съ глубокомысленнымъ видомъ; это были виды Каира.

Дама, которая кричала, черезъ минуту обратилась къ своей сосѣдкѣ:

— Гм, ты слышала, что говоритъ д-ръ Salatin? Буркхардъ глохнетъ!

— Да неужели?! — воскликнула вторая дама.

Вскорѣ распространился, какъ я узналъ послѣ, слухъ, что Буркхардъ глохнетъ и что все его выстукиваніе теперь — вранье. Впрочемъ, давно уже стали замѣчать, что онъ путается при діагнозѣ. Да, несомнѣнно, когда-то онъ былъ превосходнымъ діагностомъ; такъ, года три-четыре тому назадъ... Хотя...

— Бѣдный человѣкъ! — вздохнула одна дама.

— Несчастное созданье! — прибавила другая.

Докторъ Salatin вскорѣ получилъ приглашеніе лечить въ женскомъ пансіонѣ m-me Timann.

— Это честный человѣкъ. Не скрывай, что Буркхардъ глохнетъ. Надо его поддержать...

А д-ръ Salatin думалъ о томъ, какъ много правды въ изреченіи: если ты скажешь вечеромъ, что кто-нибудь зарѣзалъ свою мать, будь увѣренъ, если даже утромъ выяснится, что это неправда, то все-таки кое-что отъ этого да останется.

Въ другомъ салонѣ шелъ оживленный разговоръ по поводу только что вышедшаго романа.

— Его нельзя положить на столъ порядочной дѣвушкѣ! — кричала одна дама.

— Развѣ литература существуетъ загѣмъ, чтобы открывать наши темныя стороны?! — кричала другая дама.

— Никакого уваженія къ традиціямъ! — кричалъ одинъ пожилой господинъ.

— Ничего святого! — кричалъ другой пожилой господинъ.

— Но каждый вѣдь можетъ писать, какъ ему правится, лишь бы только онъ писалъ хорошо и былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что пишетъ, — замѣтилъ кто-то несмѣло.

— Можетъ быть, гдѣ-нибудь это и такъ, но не у насъ, слава Богу! — обидѣлась одна дама.

— У насъ, слава Богу, до этого еще не дошло! — обидѣлась другая дама.

— Вы напишете объ этомъ въ журналѣ, m-g Bonifacio? — обратилась первая дама къ г-ну Bonifacio Cretynio.

— Хо, хо! Я ему задамъ!

— Что же это за книга, помилуйте, чтобы ее нельзя было положить на столъ порядочной дѣвушкѣ! — говорилъ одинъ пожилой господинъ.

Мы прошли съ Морскимъ немного дальше.

— Вы хорошо провели время на послѣднемъ раутѣ въ ратушѣ? — спросилъ Морскій у хорошенькой барышни, какъ я узналъ послѣ, сестры г-на Obyvatelli изъ-подъ Пармы.

— О, превосходно! Былъ Стась Колонна, Ясь Орсини, Зигмусъ Русполи, кто же еще? Приѣхалъ такъ же Пись Монмерси изъ Парижа. Онъ былъ въ превосходномъ настроеніи.

— Какъ странно, — сказалъ мнѣ Морскій, — я никогда не слышалъ, чтобы эти князья говорили когда-нибудь объ этой барышнѣ: Мизя Obyvatelli; они всегда

говорятъ Obyvatelli, или m-lle Obyvatelli, или эта Obyvatelli.

— Кто эта дама, съ такимъ аристократическимъ профилемъ, которая обмахивается вѣеромъ съ гравированной короной? — спросилъ я у Морскаго.

— Это княгиня Victoria della Grazia изъ Венеціи. Она извѣстна въ этомъ обществѣ, какъ очень интеллигентная особа. Пойдемъ, послушаемъ, о чемъ она говоритъ.

— Я не терплю индивидуальности. Индивидуальность меня мучитъ. Культурные народы не должны имѣть индивидуальности. Индивидуальность — бѣдствіе для общества, — говорила княгиня Викторія своей сѣдкѣ.

— Вы позволите, княгиня, — Paletini, — представилъ ей кто-то художника Paletini.

— А! Очень пріятно, слышала! — произнесла княгиня Викторія, любезно поднимаясь съ мѣста и подавая руку. — Вы теперь много пишете?

— Нѣтъ, теперь немного.

— Да, да. Жаль. Вы учились въ Мюнхенѣ.

— Нѣтъ, въ Парижѣ.

— Вы предпочитаете Парижъ Мюнхену?

— Да.

— А-а. Говорятъ, что это нѣмецкія Афины. Вы не находите?

— Отчего же, княгиня!

— Да, да. Вы теперь будете много писать?

— Увижу, еще не знаю. Если будетъ желаніе.

- А-а! У васъ все зависитъ отъ фантаз'и, — правда?
- Какъ всегда у художниковъ.
- Да, да. Вы много путешествовали?
- Довольно много.
- Вы предпочитаете итальянскую или фламандскую школу?
- Итальянскую, княгиня.
- Вы музыкальны?
- Я очень люблю музыку, но не знатокъ ея.
- А-а!
- Вы позволите, княгиня, — *m-r de Plume*, литераторъ.
- А, очень пріятно, слышала! — произнесла княгиня Викторія, любезно поднимаясь съ мѣста и протягивая руку. — Вы много теперь пишете?
- Печатаю теперь повѣсть въ *Congie di Napoli*.
- А-а, правда, читала. Вы много путешествовали?
- Я нигдѣ не былъ, княгиня.
- Да, да. Вы должны много путешествовать. Путешествія имѣютъ образовательное значеніе.
- Какъ только я буду въ состояніи, уѣду.
- А-а! Вы должны ѣхать въ Парижъ. Это столица міра.
- Туда я и соберусь, какъ только буду въ состояніи.
- Да, да, это необходимо. Вы предпочитаете англійскую или французскую литературу?
- Итальянскую, княгиня.
- А-а, прекрасно, прекрасно. Вы музыкальны?

Въ эту минуту къ ней нагнулся Морскій и съ необыкновеннымъ изяществомъ спросилъ :

— Княгиня, какіе пирожки вы больше любите, со сметаной или съ сыромъ ?

Княгиня повернулась къ своей сосѣдкѣ.

— Ахъ, я должна вамъ сказать, *m-me Bourgeoise*, что пишетъ нашъ дорогой патеръ *Louolini* изъ Парижа. Тамъ нашли способъ взвѣшиванія, при помощи магнетизма, духовнаго содержанія человѣка. У моей двоюродной сестры *Doga di Mainco-Guova* на шестьдесятъ процентовъ духовности приходится сорокъ процентовъ тѣлесныхъ инстинктовъ. Отецъ *Louolini* ручается ей, что при нѣкоторомъ усилии она можетъ дойти до 68, даже до 75% духовности. Вѣдь вѣра дѣлаетъ все.

— Ахъ! восхитительно! Я обязательно свѣшаюсь, какъ только приѣду въ Парижъ, — воскликнула *m-me Bourgeoise*.

— Но не думайте, что это такіе вѣсы, которые употребляютъ для взвѣшиванія телятины, — процѣдила сквозь зубы княгиня, прищуривая глаза. — Это магнетическіе, духовные вѣсы.

— Восхитительно! Конечно, я не думала иначе!

— Да, да. Я дамъ вамъ рекомендательное письмо къ патеру *Louolini*.

— *Merci*.

— Вы позволите, княгиня, — *m-r Rainino*, музыкантъ.

— Какъ же, знаю, слышала. Очень пріятно, — произнесла княгиня Викторія, любезно приподнимаясь и

протягивая руку. — Вы учились въ Лейпцигѣ или въ Парижѣ?

— Въ Парижѣ, княгиня.

— Вы предпочитаете Парижъ Лейпцигу?

— О, мнѣ кажется, что Парижъ стоитъ гораздо выше.

— Да, да. Вы много путешествовали?

— Я знаю Европу и часть Африки.

— А-а! Путешествія имѣютъ образовательное значеніе. Артисты должны много путешествовать. Вы предпочитаете итальянскую или нѣмецкую школу?

— Нѣмецкую.

— Вы любите поэзію?

Дальше я не могъ слушать, такъ какъ въ эту минуту ко мнѣ подошелъ Морскій съ моимъ знакомымъ, г-номъ Вильгельмомъ Куфке.

— Что съ вашей женой, отчего она такъ блѣдна? — спросилъ Морскій у Куфке.

— И, ничего, небольшое желудочное *qui pro quo*, больше ничего.

Морскій широко открылъ глаза, а потомъ серьезно спросилъ:

— Небольшая желудочная абсолюція? А?

— Вотъ, вотъ, именно. Небольшая абсолюція. Попросту, макароны на прованскомъ маслѣ.

— А что же Италія? Чудный край, правда?

— О, графъ! Тутъ лишь можно понять, что только

въ странѣ апельсиновъ и лимоновъ могли быть Данте и Микель Анжело.

Морскій снова широко открылъ глаза и снова удивился, а г-нъ Куфке продолжалъ:

— Теперь мы поѣдемъ на Корсику. Съ нами поѣдетъ также м-г Генрихъ.

— Тоже такое маленькое *qui pro quo*? А?

Г-нъ Куфке посмотрѣлъ на Морскаго непонимающими глазами.

— Ага! — пробормоталъ онъ нерѣшительно.

— *Hannibal ante portas*?

Г-нъ Куфке немного замаялся и стоялъ передъ Морскимъ въ смущеніи; но я замѣтилъ, что вниманіе Морскаго, также и мое, обратила въ эту минуту на себя красивая дама, г-жа Ирена Куфке. Она дѣлала какія-то странныя движенія вѣтромъ. Коснулась имъ сначала правой щеки, потомъ провела имъ по губамъ, потомъ дотронулась до лѣвой щеки, слегка ударивъ три раза. Я замѣтилъ, что стоявшій *vis-à-vis* въ дверяхъ м-г Генрихъ чуть замѣтно улыбнулся и прижмурилъ глазъ.

— Не согласитесь ли вы, графъ, ѣхать съ нами завтра въ Фіезоле? — спросилъ Куфке. — Будутъ одни мужчины, жена остается дома. Мы ѣдемъ завтра въ три, я и двое моихъ земляковъ.

— М-г Генрихъ тоже ѣдетъ?

— Нѣтъ, кажется, нѣтъ.

Въ эту минуту меня представили какой-то польской семьѣ: онъ, она и дочь, очень красивая дѣвушка, въ

глазахъ которой можно было прочесть: «люблю, когда мужчина» *)...

— Г-нъ Х. — г-нъ Кукелло.

— Вы литераторъ, что ли? — зашѣлъ г-нъ Кукелло.

— Литераторъ.

— Вы такъ специально занимаетесь литературой?

У васъ есть состояніе?

— Специально.

Г-нъ Кукелло обратился къ дочери и сказалъ:

— Дезя, сердце, пойдѣмъ.

— Я бы осталась, палочка.

— Пойдемъ, Дезя, сердце, — зашѣла г-жа Кукелло.

— Вы позволите, г-нъ Тенжель, — представилъ Мор-

скій.

— Скульпторъ, что ли?

— Да-съ.

— Вы специально занимаетесь скульптурой? У васъ есть состояніе?

— Есть, но пока оно въ глинѣ, въ моей мастерской.

— А? какъ? Дезя, душка, пойдѣмъ.

— Ахъ, палочка! Я тоже занимаюсь скульптурой, —

останемся.

— Пойдемъ, Дезя, сердце, — зашѣла г-жа Кукелло.

Въ эту минуту у Дези спала съ плечъ пелерина. Я протянулъ руку, чтобы ее поправить, какъ вдругъ

*) Тетмайеръ переименовываетъ свое собственное стихотвореніе: „lubie, kiedy dziewczyna w lubieznym usciskie“... (я люблю когда дѣвушка въ страстныхъ объятыхъ...).

у меня передъ глазами блеснули красные локти. m-me Кукелло, и двѣ руки въ перчаткахъ вырвали у меня изъ рукъ пелерину m-me Цези. Ахъ, Боже, Боже. Не даромъ же я авторъ «Европы и вола» и еще нѣсколькихъ мелочей...

— Отчего вы не были вчера на лекціи Праги?—спросила мимоходомъ m-me de Sirene у m-me Bourgeoise.

— Служанка перепутала и приготовила Кизѣ ванну не въ восемь, какъ я велѣла, а въ шесть. Жаль было воды. Кизя уже мѣсяць не купалась.

Между тѣмъ г. Obuvatelli говорилъ m-me Кизѣ Bourgeoise.

— У васъ сегодня чудные цвѣты, совсѣмъ какъ искусственные.

— О, настоящіе тоже бываютъ очень красивы.

— Несомнѣнно, но искусство и культура...

— Ахъ, да, культура и искусство...

— Вы что предпочитаете, искусство или природу?

— Искусство въ природѣ и природу въ искусствѣ.

— Ахъ, да, я то же самое.

— Какіе цвѣты вы больше всего любите?

— А вы?

— Туберозы.

— Я тоже.

— Въ туберозѣ очень много изящества.

— Обворожительно говорить, — объявила m-me Bourgeoise своей подругѣ.

— Какая интеллигентная дѣвушка! — сказалъ Obuvatelli своему пріятелю.

Въ эту минуту передъ моими глазами плавной, волнистой походкой проплыла затаенная m-lle Pretensya Affectani съ выдающимся бюстомъ, говоря впередъ по-французски, назадъ по-англійски и никогда по-итальянски. Я старался, какъ могъ, вообразить, что это особа съ необыкновенно изысканными манерами, изъ хорошей фамилии и изъ лучшаго общества.

— Я демократка и не стыжусь этого! — слышался въ другой сторонѣ рѣзкій дискантъ m-lle Дезидеріи Svass *), бухгалтерши изъ частнаго торговаго дома. M-lle Svass было около 45 лѣтъ, на ней—фіолетовое платье, въ ней—страшное презрѣніе къ зубной щеткѣ и къ «Семьѣ Полапецкихъ» (которую она читала въ переводѣ). Передъ ней преклонялись всѣ тѣ, которые такъ любили человѣчество, что ненавидѣли почти каждаго отдѣльнаго человѣка за то, что онъ не любитъ человѣчества такъ, какъ они.

— Книжка, которая не является евангеліемъ завтрашняго дня, не стоитъ того, чтобы ее читать,! — продолжала рѣзать уши m-lle Дезидерія. — Не правда ли, учитель?

Учитель, который также былъ полонъ страшнаго презрѣнія къ «Семьѣ Полапецкихъ», къ «Огнемъ и мечомъ» и ко всякимъ щеткамъ вообще, не отвѣтилъ ничего, а сначала обгрызъ одинъ ноготь, потомъ другой.

*) Kvas — по-польски кислота.

— Поидемте, я васъ представляю очень хорошенькой барышнѣ, — сказалъ мнѣ Морскій.

Барышня какъ разъ была занята разговоромъ; она едва кивнула мнѣ головой, подала кончики пальцевъ и продолжала:

— Кто же, какъ не женщины? Развѣ не для женщинъ люди трудятся, думаютъ, живутъ? Что же такое мужчина, какъ не добавленіе къ женщинамъ?

Два студента флорентійскаго университета сладко улыбались, пожирая глазами пухленькія формы барышни, третій стоялъ въ раздумьѣ.

— Вы не согласны, г-нъ Стефанъ?

— Ахъ, помилуйте! Хотя бы потому, что вы это говорите.

— И вы, г-нъ Кароль?

И я тоже!

— А вы, г-нъ Эдвардъ?

— Я вѣдь всегда говорю, — отвѣтилъ задумавшійся студентъ, — что передовымъ человекомъ является только тотъ, кто признаетъ преимущество женщины и въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніи.

— Ваши стихи, г-нъ Кароль, мнѣ очень понравились, — говорила барышня.

— Какъ я счастливъ!

— Я прошу васъ, г-нъ Стефанъ, быть завтра на лекціи.

— Ну, конечно! Ваша просьба — священный законъ.

— Принесите мнѣ «Les demivièrges», г-нъ Эдвардъ.

— Хорошо.

— Г-нъ Кароль, вы выработали уже уставъ «флорентійской дѣвократіи»?

— Да.

— Вы не забыли написать эпитафію: «высшее существо на землѣ—флорентійская дѣвушка»?

— Нѣтъ. Я написалъ это красными чернилами.

Барышня соблаговолила слегка улыбнуться; у студента отъ радости глаза выскочили изъ обрѣтъ.

— Вы члены знаменитой «флорентійской дѣвократіи», господа? — спросилъ Тенжель.

Студенты вызывающе взглянули на Тенжеля.

— А я думалъ, — продолжалъ Тенжель, — что если Флоренція отъ чего-нибудь тупѣетъ, такъ именно отъ этого.

Студенты покраснѣли отъ негодованія, барышня метнула глазами молнію на Тенжеля, а задумчивый студентъ улыбнулся съ величайшимъ «презрѣніемъ къ идиоту».

— Подумайте, господа, въ то время, какъ сотни вашихъ товарищей работаютъ, чувствуютъ, думаютъ, вы и вамъ подобныя видятъ міръ только въ фартукѣ m-lle Амаліи, въ чулочкахъ m-lle Франи, въ улыбкѣ m-lle Гени или въ юбкѣ m-lle Лели. Вѣдь у васъ фартучкомъ затккрыты и мозгъ и сердце. Я согласенъ и самъ прекрасно знаю, какою силою является женщина, но такое дольновластное владычество первой попавшейся курицы, какое можно встрѣтить во Флоренціи, гдѣ эта курица судить о мірѣ и критикуетъ людей, до колѣнъ которыхъ недостаетъ ея пустая голова, — это небыва-

лая вещь, это чисто флорентійское открытіе. Олухи вы, господа, и юбочники, а результатъ всего этого тотъ, что первая попавшаяся гимназистка или что-нибудь въ этомъ родѣ изволить признавать или не признавать такихъ вещей, которымъ она должна быть рада уже потому, что можетъ къ нимъ прикоснуться. Нигдѣ на свѣтѣ первая попавшаяся курица не позволить себѣ держать себя въ присутствіи серьезныхъ людей и серьезныхъ вопросовъ такъ, какъ здѣсь, — благодаря вамъ.

Я думалъ, что будетъ скандалъ, какъ вдругъ, на счастье, къ намъ подошла графиня Dobrocini di Goudza-Portemonetta *) со второю, младшею, m-me Bourgeoise, въ траурѣ.

— Не угодно ли, господа, пожертвовать что-нибудь на нашу богадѣльню для нашихъ калѣкъ, — спросила графиня. — Фасоль страшно вздорожала, да и бобы повысились въ цѣнѣ. Несчастные умрутъ съ голоду.

M-me Bourgeoise протянула руку съ тарелочкой.

Вдругъ я услышалъ за собой голосъ m-me di Radomio.

— Знаете, эта Bourgeoise, она въ траурѣ по мужѣ. Онъ былъ бургомистромъ въ Анконѣ.

Когда онъ испустилъ послѣдній вздохъ, m-me Bourgeoise упала на руки своего старшаго сына и крикнула лакею: «Викентій, бѣги въ магистратъ, чтобы тамъ сейчасъ же вывѣсили черный флагъ!»

*) По-польски dobro ezyni z cudzej portmonety — благодарствуетъ изъ чужого кармана.

Мнѣ надо было быть еще на одномъ раутѣ, и я долженъ былъ уйти, не присмотрѣвшись даже къ четвертой части общества въ салонѣ m-me de Sirene.

Ночь была тиха, небо полно звѣздъ, а воздухъ и розовые кусты благоухали. Съ рѣки Арно доносился шумъ. Сладко было идти мимо садовъ флорентійскихъ виллъ.

На небѣ во всей полнотѣ своего блеска стоялъ Орионъ, звѣздная лира. Громадная колесница съ дышломъ, уходящимъ въ безконечность, казалась, задремала въ своемъ вѣчномъ неустаннымъ движеніи. Вся Флоренція была полна страннаго, необъятнаго очарованія весенней ночи. Изъ окна доносилось гвѣніе:

Кубокъ волшебный — тѣло твое,
Жизнь въ немъ искрится, кипитъ какъ вино,
Трижды, о, трижды счастливъ тотъ,
Кто изъ такого кубка пьетъ.
Море бездонное — тѣло твое,
Тонуть глаза въ глубинахъ его, —
Жемчугъ, кораллы ихъ тянутъ къ себѣ,
Жемчугъ, кораллы играютъ на днѣ.

Дальше я не слушалъ, такъ какъ меня ужасно заинтересовала фраза, произнесенная на моемъ родномъ языкѣ:

— Но помилуйте, вѣдь владѣлецъ аптечнаго склада—это одно, а аптекарь—это совершенно другое...

ВЪ КАРПАТАХЪ

Zakorane.

Если бъ у человѣка, чортъ возьми, были крылья! Какъ хотѣлось бы мнѣ полетѣть отсюда къ итальянскому морю! Потому что здѣсь все красиво, все прелестно: во время легкихъ оттепелей, напримѣръ, на снѣгу лежатъ большія золотыя пятна и, кажется, что гдѣ-то за Гевонтомъ растетъ какой-то исполинскій лѣсъ съ золотыми листьями, которые вѣтеръ сорвалъ и разметалъ по снѣгу, — но все это холодно, печально и мертво.

Когда я смотрю на эту голубую снѣжную равнину, отливающую такой массой свѣта и блеска, что больно глазамъ, мнѣ всегда вспоминается море, такое же свѣтлое, блестящее, но теплое, живое, подвижное.

Помню разсвѣтъ на морѣ. Я жилъ тогда въ Неаполѣ, на Riviera di Chiaja, гдѣ по ночамъ за моимъ окномъ сверкалъ Везувій и откуда открывается видъ на весь заливъ, Sant Angelo и на Капри — навѣрное, одинъ изъ самыхъ красивыхъ видовъ на свѣтѣ! Вотъ откуда-то я и видѣлъ восходъ солнца на морѣ.

Оно всходило изъ-за горъ, которыя въ утренней зарѣ казались голубыми, бѣлесоватыми туманами. Изъ-за края земли вставали желтыя, оранжевыя и золотисто-красныя сіянія. Нѣсколько выше, съ востока — странно далекое небо въ мягкихъ, прозрачныхъ, зеленовато-золотистыхъ тонахъ отливало лазурью, свѣтя въ глубинѣ купола одной серебряной звѣздой, подобно гвоздю съ креста Христова. Такъ продолжалось съ минутою, а потомъ сіянія поднялись немного и, не измѣняя цвѣта, стали переливаться огнемъ. Они пламенили все больше, и, наконецъ, блескъ огня проникъ ихъ насквозь и залилъ ихъ собою.

А на море, которое было до сихъ поръ совсѣмъ бѣлымъ, словно покрытое молочнымъ снѣгомъ, упалъ какой-то серебристый иней, и оно стало двигаться. Бѣлая мгла спустилась къ подножьямъ горъ, которыя стали покрываться розами и пурпуромъ, оставаясь у вершешекъ голубыми и лучистыми. Только разъ видѣлъ я такую игру утреннихъ красокъ въ горахъ.

Вдругъ на море упала и заискрилась полоса золотого свѣта, словно пролетѣли кони Посейдона, высѣкая изъ волнъ искры своими копытами и оставивъ за собой золотую дорогу. Въ одну минуту разорвалась вдругъ снѣжная равнина, и изъ голубой воды брызнулъ блескъ, словно подъ водой жили чудовищныя дельфины, выбрасывающіе изъ ноздрей лучистые потоки. На море стали падать теперь золотыя, красныя, голубовато-пунцовыя стрѣлы, копья, огромныя щиты и исполненскіе луки, которые во мгновение ока превра-

щались въ лабиринтъ разноцвѣтныхъ, огромныхъ лентъ, въ такой вихрь свѣта, что казалось, будто тысячи радугъ, упавшихъ на море подъ тяжестью своихъ цвѣтовъ, сплелись, какъ играющіе ужи.

Изъ-за горъ, словно отъ плывущихъ кораблей, разошлось по небу зарево, и стали выбѣгать лучистыя облака, похожія на оторванные, горящіе паруса, унесенные вѣтромъ.

Наконецъ, взошло солнце, огромное, лучезарное солнце, которое видѣло обнаженную Діану и купало въ своемъ свѣтѣ чудныя тѣла нимфъ ея свиты, солнце, подъ которымъ Шелли являлись призраки изъ тумановъ, кристалла и лазури, солнце...

Графиня van Loos Graffen, моя сосѣдка, у которой было окно съ такимъ же видомъ и такой же балкончикъ передъ нимъ, какъ у меня, вышла и показала солнцу свой красивый, скучающій и усталый профиль. Я сошелъ съ крыльца. Очутившись на улицѣ, я повернулъ въ сторону Позилиппо. Въ Неаполѣ, кромѣ всѣхъ красотъ и достопримѣчательностей, кромѣ калуанской Венеры, Помпей и Байскаго залива, есть еще одна красивая и замѣчательная вещь — это прямой телеграфный столбъ, прямой въ моральномъ смыслѣ, потому что въ дѣйствительности онъ — кривой, навѣрно, единственный на свѣтѣ поэтичный столбъ съ бѣлыми колпачками.

Онъ стоитъ надъ моремъ, на вершинѣ какихъ-то огромныхъ руинъ, у дороги къ Позилиппо.

У его подножія вьется плющъ и растутъ какіе-то

печальные, словно измученные солнцемъ цвѣты; вокругъ мертвая пустыня, щебень и плѣсень. Внизу серебристо-пьяное, шумящее море; надъ нимъ голубое, прозрачное небо — тихая и ясная лазурь. Брошенный высоко въ пространство, этотъ столбъ полонъ такой меланхоли и поэзіи, что имъ можно залюбоваться...

Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ бродить въ солнечный день надъ моремъ. Тамъ можно было бы бродить цѣлый мѣсяцъ, и это не было бы празднымъ времяпрепровожденіемъ, а огромнымъ отдыхомъ мысли и импульсомъ воображенія.

Море для духа то же, что та небесная пища, которой, по словамъ Катерины Эмерихъ, питаются, не вкушая ея, Христосъ и ангелы: небесная пища сама входитъ въ нихъ; такъ и въ бездѣятельный духъ входитъ съ моря какое-то освѣщеніе, возрожденіе силъ. Каждаго австрійскаго подданнаго надо было бы посылать на счетъ государства хоть на двѣ недѣли въ годъ къ Средиземному морю; у насъ было бы больше мира въ душѣ и гармоніи въ мысляхъ.

Никогда не видалъ я такой водной лазури, какъ на пути къ Капри. Море было такъ спокойно, что, казалось, пароходъ разсѣкаетъ безконечную зеркальную поверхность; не было ни одного случая морской болѣзни, только какія-то двѣ старушки спали, раскрывъ рты, какъ вынутые изъ сѣти карпы. Къ счастью, корабль подплылъ къ Сорренто и остановился; приступъ зѣвоты прошелъ, а пока начался новый, мы стояли уже подъ знаменитымъ лазурнымъ гротомъ. Къ самому борту

парохода подбѣгаетъ нѣсколько десятковъ узкихъ лодокъ; съ палубы бросаютъ лѣсенки. Начинаютъ сходить: по двое въ каждую лодку. На пароходѣ была одна очень красивая американка, но съ матерью... Плыдемъ къ черному отверстию грота; входъ такъ низокъ, что приходится лечь другъ около друга... Американка около своей матери... Проплыли; можемъ сѣсть на скамейки.

Всѣ мы въ небѣ, скорѣй, на небѣ: вокругъ насъ, подъ нами — лазурь, лазурь, такая ясная, прозрачная и яркая, что все, что погружается въ нее, — весла, лодки, наши собственные пальцы, — становится голубымъ. Солнце освѣщаетъ фосфорическимъ свѣтомъ воду, тысячи искръ разгораются въ ней, гаснутъ и снова зажигаются; надъ нами черный глухой сводъ скалы; отверстие грота, чѣмъ больше плывешь вглубь, кажется все меньше. Невѣроятно, чтобы черезъ него можно было выбраться. Невольно становится страшно на этой лучистой лазури.

Возвращаемся на пароходъ, причаливаемъ къ Капри, — мѣсто, въ которомъ таетъ душа, «на ангельскихъ крыльяхъ паритъ».

Я внизъ сбѣжалъ къ подножью скалъ,
Быль тихій часъ разсвѣта,
И былъ такъ полнъ шумъ свѣтлыхъ волнъ
И ласки и привѣта...

Никогда не забуду этой прозрачной волны на развалинахъ купальни Тиверіа. Сколько бѣлыхъ тѣлъ купалось здѣсь въ такой же тихій часъ, а изумленный По-

сейдонъ, опираясь на золотой трезубецъ, смотрѣлъ съ своей колесницы въ бездну морскую и удивлялся, не зная, женщины ли земли такъ прекрасны, Афродита ли со свитой, или цвѣты и розовыя облака, волею Зевеса превращенные въ женщинъ. А онѣ бѣлѣли въ лазурной водѣ, бросая вѣнки изъ розъ, и ихъ золотые волосы, сверкали въ солнечномъ блескѣ.

Красивый, скучающій и усталый профиль графини van Loos Graffen показался изъ-за стѣны развалившейся купальни Тиверія; пора было вернуться на пароходъ.

Въ Неаполѣ надъ моремъ со стороны города къ Балмъ тянется паркъ, называемый villa Nazionale, если я вѣрно написалъ по-итальянски.

Я любилъ гулять тамъ, особенно вечеромъ. Везувій, который хорошо виденъ оттуда и который днемъ курится столбомъ синяго дыма, ночью выбрасываетъ изъ себя огромныя кисти краснаго пламени*); фонари бросаютъ на воду длинныя полосы свѣта, вдали, въ порту блестятъ огни, а вокругъ береговъ кружатъ дымящіяся сіяшія. Иногда они кружатъ десятками, безъ шелеста, безъ плеска волнъ. Это рыбаки на своихъ маленькихъ лодочкахъ. Обыкновенно ихъ двое, иногда трое въ каждой. Одинъ спереди подбрасываетъ смолистую лучину въ огонь, надъ которымъ на палкѣ виситъ большой желѣзный котелъ, другой легко подталкиваетъ лодку весломъ,, и оба внимательно смотрятъ въ воду. Если они замѣтятъ рыбу, лодка останавливается, одинъ изъ рыба-

*) Въ 1895 г. Везувій былъ очень неспокоенъ.

ковъ беретъ желѣзную острогу на длинной палкѣ и прокалываетъ бѣдняжку, а потомъ достаетъ ее изъ воды, снимаетъ съ остроги и прячетъ во что-нибудь на днѣ лодки — въ ведро, ящикъ или горшокъ, а то, быть можетъ, просто бросаетъ на дно лодки, потому что тамъ не особенно церемонятся съ рыбой. И плывутъ дальше. Остановились опять. Подымается фантастическая фигура въ лохмотьяхъ, огонь бросаетъ на нее и на море странный свѣтъ и странныя тѣни, острога погружается въ воду и возвращается съ добычей. Эти огненные лодки, скользящія вдоль Santa Lucia и Via Sarracino, очень красивы; но неприятно смотрѣть на нихъ, какъ и на всякую охоту, въ особенности на водѣ.

Можно вволю насмотрѣться на самыхъ разнообразныхъ морскихъ обитателей въ знаменитомъ неаполитанскомъ акваріумѣ. Что за фантастичность въ породахъ рыбъ, что за варіаціи въ раковинахъ, что за причудливость въ породахъ раковъ, полиповъ и прочихъ морскихъ обитателей: это выше человѣческаго представленія. Точно также превосходитъ человѣческое пониманіе неслыханное, необычайное, поразительное разнообразіе красокъ, въ которыя наряжены эти водные жители. А чего только не вытворяютъ эти шельмы! Напримеръ, есть какія-то рыбы, которыя похожи на пузырь и плаваютъ, вбирая въ себя воду и выбрасывая ее обратно, благодаря чему и двигаются. Есть очень красиво татуированныя рыбы, которыхъ можно принять за совъ. Онѣ сидятъ въ щеляхъ между камнями,

которыя выложены для нихъ бассейны, и съ виду совсѣмъ похожи на совъ.

Тамъ можно засмотрѣться, въ особенности, если кто впечатлителенъ. Нѣтъ болѣе красиваго мѣста для скитанья, какъ Неаполь; съ одной стороны Балъ, Мертвое море, Елисейскія поля, Мизенскій мысъ, по другую — Помпея, Везувій, Салерно, Сорренто.

Можете ли вы понять, что за чары въ этомъ словѣ: скитаться.

Ахъ, безъ-устали скитаться
Отъ зари до темной ночи,
Съ темной ночи до зари.

Я позволю себѣ нѣсколько измѣнить слова Желиховской*). Да, скитаться, скитаться всю жизнь! Можно ли найти болѣе достойное занятіе для человѣка, стоящаго выше предрассудка «обязанностей» или для человѣка, которому не хотять дать никакого занятія, потому что онъ скитается.

А если рѣло не можетъ скитаться всегда, пусть скитается духъ! Какъ тотъ корабль французскаго поэта, который пролетѣлъ всѣ пламенные и свѣтлыя моря, пусть духъ человѣческій пролетаетъ безконечныя моря воображенія. Положимъ, правда, это то же, что выиграть на домашней рулеткѣ en plein 180 бобовъ на пять...

Жаль, выиграны всего лишь бобы...

Не знаю почему панъ Тадеушъ изъ «Пана Тадеуша» съ соплицовско-литовскимъ жаромъ нападаетъ на ки-

) Импровизація.

парисы, сравнивая ихъ съ нѣмецкими лакеями въ придворномъ траурѣ. Это такое красивое дерево, что по красотѣ съ нимъ могутъ сравниться развѣ пихты у Попрадскаго озера. Когда съ Monto Pincio я посмотрѣлъ вдаль, мнѣ казалось, что я это вижу во снѣ, что Беклинъ нарисовалъ и эти печальные кипарисы, исполненные такой огромной меланхоли, и эти задумавшіеся дуга, и эти волнистые холмы и это мрачное, синее, прорѣзанное красными облаками небо, полное бурь, какъ левъ — гнѣва, на которомъ въ пространствѣ висѣлъ огромный лоскутъ радуги, вырванный изъ свода, исчезнувшаго въ хаосѣ сѣрыхъ облаковъ, истрепанный, какъ цвѣтное, окровавленное знамя, которое вѣтеръ оторвалъ отъ древка и разметалъ по воздуху. А вдали раскаты грома, словно душечные выстрѣлы. Блеснула молнія. А тамъ вѣчный городъ, куполь святого Петра и авентинскія развалины и тихое, прозрачное, серебристо-голубое небо.

Моя душа потонула въ этой картинѣ. Мнѣ хотѣлось взять этотъ міръ и вдохнуть его въ себя, какъ тогда, когда съ вершины одной горы въ Талтрахъ я увидѣлъ всю безбрежность пространства, утопавшаго въ серебристо-сѣдой необъятной мглѣ, словно раскрылось какое то громадное море и легло на скалахъ, спокойное, неподвижное, сонное; высоко во мглѣ матовый кругъ солнца безъ лучей; гдѣ-то вдали, словно сонъ, низкая равнина, выплывающая изъ-за тумана, покрытая золотой рожью и темными лѣсами; кругомъ въ большой, оторванной отъ всего, абсолютной пу-

стынѣ торчащія кое-гдѣ сѣрыя вершины, похожія на скалистые острова надъ моремъ. Затѣмъ въ небесной мглѣ прорѣзалось наискось солнце и бросало съ одного края пучокъ пламени. Серебристо-сѣрое пространство подернулось блескомъ, какъ золотой паутиной, вершины зарозовѣли легко и воздушно и стали казаться чѣмъ-то дрожащимъ, колышущимся въ пустотѣ. Въ одномъ мѣстѣ мгла просвѣтлѣла: показались темныя, срѣзанныя, отвѣсныя стѣны, тоже воздушныя, дрожащія; онѣ шли куда-то внизъ, въ бездну. Потомъ въ другомъ мѣстѣ вѣтеръ свернулъ мглу въ клубки, сбиль ее и открылъ въ ней бездонную челюсть, посреди которой черезъ нѣсколько мгновений замаячила гдѣ-то страшно низко темная поверхность пруда и стоящія надъ нимъ, словно призраки, деревья... Потомъ все успокоилось и снова заволклось серебристо-сѣдой мглою воо­кругъ торчащихъ надъ ней вершинъ; а высоко во мглѣ матовый кругъ солнца безъ лучей...

Бываетъ идеальная красота въ природѣ, въ искусствѣ, иногда въ душѣ человѣческой... Иногда въ одномъ маленькомъ женскомъ сердцѣ или въ воображеніи человѣка, который любитъ это сердце...

Кипарисы на Monte Pincio и тѣ, которые я видѣлъ оттуда, останутся навѣки въ моей памяти. Я понимаю, что можно влюбиться въ Римъ, что онъ можетъ стать второй родиной. Также памятны мнѣ кипарисы на англійскомъ кладбищѣ, гдѣ среди бѣлыхъ мраморныхъ плитъ есть одна съ бронзовой арфой сбоку и вырѣзанной надписью: *Cog cordium* (сердце сердце). Это мо-

гила поэта поэтовъ, Шелли. На плитѣ лежало нѣсколько увядшихъ анютиныхъ глазокъ и фіалокъ.

Человѣкъ носить въ себѣ странный сентиментализмъ: сначала мнѣ захотѣлось взять нѣсколько увядшихъ цвѣтовъ, а потомъ я подумалъ, что все-таки эти анютины глазки и фіалки собственность памяти того, кто положилъ ихъ сюда и помнить о нихъ — и я ихъ не взялъ.

Нигдѣ такъ не прекрасны кипарисы, какъ на той замѣчательной картинѣ Бэклипа, которая называется «Островомъ мертвыхъ».

A rgoros, относительно живописи. Я встрѣтился въ Римѣ съ Александромъ Г., съ которымъ я имѣю честь быть знакомымъ. (Г., правда, не принадлежитъ къ жокей-клубу, онъ не сынъ графини, — онъ только большой художникъ). Онъ ходилъ, какъ и въ Краковѣ, въ высокихъ сапогахъ, въ пелеринѣ, въ *finocchi*, шлъ марсалу и, сидя въ красивой римской тавернѣ, ругалъ филистерство Варшавы, расплывчатость нѣкоторыхъ варшавскихъ литераторовъ и расплывчатость нѣкоторыхъ мѣстныхъ и иногородныхъ, но любимыхъ Варшавой, такъ называемыхъ художниковъ.

Изъ уваженія къ его широкой славѣ и къ старшему, чѣмъ мой, возрасту, я не смѣлъ спорить. Онъ говорилъ также о томъ, что въ Италіи интеллигентные и культурные люди цѣнятъ человѣка не по тому, какъ онъ одѣтъ, а по тому, чего онъ стоитъ. Благодаря тому же уваженію къ нему, я не смѣлъ вставить: «совсѣмъ, какъ у насъ, сударь!»

Наконецъ, онъ говорилъ о томъ, что ни здѣсь, ни въ Германіи, ни во Франціи художникъ или поэтъ не служитъ показной куклой, показной мебелью, которая въ дѣйствительности никому не нужна, ни *bête poire*, котораго бранить каждый осель только потому, что самъ не доросъ до его пояса. То же уваженіе къ нему не позволило сказать мнѣ: «совсѣмъ, какъ у насъ, сударь!»

Бродя по ватиканскимъ галлереймъ, гдѣ глаза слѣпнуть отъ мрамора, я думалъ: «Что, если бъ такіе недюжинные таланты, какъ Левандовскій, Лаизка, могли бы пріѣзжать сюда каждый годъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Это было бы для нихъ тѣмъ же, что чтеніе Шекспира для современнаго драматурга или изученіе Бетховена для композитора, и даже гораздо больше. Шекспиръ, если бы онъ жилъ теперь, долженъ былъ бы писать иначе; Бетховенъ тоже навѣрно не былъ бы совсѣмъ такимъ, какъ есть; а если бъ творецъ книдской Афродиты всталъ изъ гроба, развѣ онъ изваялъ бы ее иначе? Развѣ онъ не могъ бы сказать всѣмъ, безъ исключенія, новѣйшимъ скульпторамъ, сколько бы ихъ ни было: «Учитесь у меня, потому что мнѣ у васъ нечему учиться». Эти греческіе скульпторы удивительны. Они, какъ природа, прекраснѣй которой не можетъ быть ничего. Имъ подобенъ одинъ Гомеръ, «Иліада» котораго скоро появится у насъ въ новомъ переводѣ Люціана Риделя, который, говорятъ, очень хвалитъ Сенкевичъ.

Правда, что міръ былъ другимъ. Когда мужчины

были подобны Тезею, вступавшему въ борьбу съ быкомъ, а женщины—Венерѣ Милосской,—могли существовать и Гомеръ и Пракситель.

Не знаю почему, когда смотрю сегодня на этотъ голубой, холодный и мертвый снѣгъ, мнѣ грезится Италия. Кажется, будто я слышу колокола св. Петра, изъ которыхъ, какъ грезится мнѣ, при каждомъ ударѣ взлетаетъ надъ городомъ исполинскій ангелъ съ пламеннымъ мечомъ и бронзовымъ щитомъ, пока цѣлая туча такихъ ангеловъ не наполнитъ эхо; мнѣ кажется, что, когда я открою и закрою глаза, то увижу снова золотыя померанцевыя рощи, пальмы съ ржавой, сожженной солнцемъ зеленью и неаполитанскій солнечный и лазурный день.

И мнѣ такъ хочется снѣга и холода, какъ собакамъ палки.

ИЗЪ DESENZANO.

Я надъ Lago di Garda; смотрю на горы, которыя все больше и больше исчезаютъ въ зловѣщихъ сизыхъ и розовато-синихъ облакахъ, и слушаю, какъ гдѣ-то вдали шумитъ буря по ломбардскимъ равнинамъ. Передо мной вода, тихая, огромная, почти морской заливъ. Вечеръ...

Колоколь мѣрно къ вечерней молитвѣ
Всѣхъ своимъ звономъ сзываетъ...
Да славится имя Пречистой Маріи,
Да славится имя Христа.

И голосъ ихъ плыветъ куда-то по водѣ, словно колыхается на изогнутыхъ волнахъ все дальше, все дальше...

Колоколь мѣрно сзываетъ къ молитвѣ,
Звонъ его таетъ въ вечерней тиши.

Дорога была чудесная. Тирольскіе луга переливались цвѣтами; зеленые, красные, желтые и голубые краски наполняютъ ихъ какой-то музыкой цвѣтовъ, печальной и задумчивой, въ особенности, если все это играетъ ще-

редъ глазами минуту и исчезаетъ вмѣстѣ съ ходомъ поѣзда. Надъ лугами исполинскія горы, дикія, обрывистыя, полныя пропастей, заваленныя снѣгомъ, струящіяся рѣками водопадовъ, покрытыя широкими лѣсами и огромными лугами. Получается то же впечатлѣніе, какъ во время моего путешествія по Швейцаріи: что Татры—миніатюры горъ и что Альпы много красивѣе ихъ, благодаря своей импонирующей колоссальности.

Гдѣ-то прошла буря. Становится холоднѣй, и волны шелестятъ и журчатъ у берега. Надъ водой парятъ ласточки. Становится все тише. Итальянскія дѣти перестали кричать и играть на прибрежныхъ камняхъ; прачки забрали свои скамейки и бѣлье и пошли домой. Становится все тише и тише—все грустнѣй и грустнѣй; ахъ, грусть бездонная, безбрежная, безграничная...

Пробѣгаетъ холодный вѣтеръ, и какой-то розоватый, металлическій блескъ застилаетъ съ запада озеро, у котораго цвѣтъ одной огромной слезы.

Колоколь мѣрно сзываетъ къ молитвѣ...

Да славится имя Пречистой Маріи,

Да славится имя Христа.

Я приплылъ сегодня сюда на пароходѣ изъ Riv'ы. Голыя, красноватая скалы, узкій входъ озера между грядами утесовъ, со всѣхъ сторонъ горы, огромныя и безконечно-пустынныя. Все это дѣлаетъ Riv'у, несмотря на ея южное мѣстоположеніе, угрюмой. Горы иногда слишкомъ тяжелы даже для насъ, горцевъ по происхожденію. Душѣ нужна иногда широта пространства и воздуха, гдѣ она могла бы скитаться и убѣгать отъ себя

самой; иногда нужна эта ласковая зелень, въ чащахъ которой она могла бы укрыться отъ себя самой; иногда нужна эта тихая вода, у которой цвѣтъ одной огромной слезы. *Vogue la galère! Vogue la galère!..*

Въ это время женится масса нѣмцевъ и проводить свои медовые мѣсяцы въ Альпахъ и Италіи. Я встрѣчалъ эти пары въ вагонахъ въ Тиролѣ, встрѣтилъ въ Riv'ѣ, встрѣчалъ на пароходѣ и встрѣчаю здѣсь, въ этомъ маленькомъ итальянскомъ мѣстечкѣ. Всѣ они удивительно ординарны, безцеремонны и неинтересны; не говорю уже о томъ, что рѣдко кто изъ нѣмцевъ не ѣстъ рыбу ножомъ. Они до того не стѣняются, что гдѣ-то, около Franzensfeste, я былъ увѣренъ, что буду свидѣтелемъ сцены, о которой любятъ мечтать молодыя и старыя дѣвы. Они прижимались другъ къ другу, и онъ, цѣлуя ее, что-то шепталъ ей. Быть можетъ онъ говорилъ ей на языкѣ Гейне: «Ты моя, ты мой единственный свѣтъ, моя нѣжная любовь, моя страсть, моя жизнь; я люблю тебя сердцемъ, люблю умомъ, люблю кровью моего сердца, ты для меня — все!?» Ей Богу, я не сочиняю: среди поцѣлуевъ, когда они прижимались другъ къ другу, этотъ нѣмецъ спросилъ свою нѣмку: «*Du, was hast Du dem Kellner gegeben?*» А она ему среди поцѣлуевъ: «*Dreizig Kreuzer, Schatz*»... Если онъ выпускалъ ее изъ своихъ рукъ, то только затѣмъ, чтобы взять въ нихъ Бедекера и прочесть ей, сколько метровъ длины имѣетъ какой-нибудь туннель и какъ называется такая-то гора. Она слушала и спрашивала, не голоденъ ли онъ. Вѣроятно, имъ больше не о чемъ

было говорить, потому что, если они не стѣснялись ни въ чемъ остальномъ, то зачѣмъ же имъ было стѣсняться въ разговорахъ? Если это удовлетворяетъ его, тѣмъ лучше для него; если это удовлетворяетъ ее, тѣмъ лучше для нея... *Wahlverwandschaft* — прежде всего. Курица и утка или индѣйка поймутъ другъ друга легко, но райская птица и соколъ — никогда...

Снова гдѣ-то далеко пробилъ колоколь. Буря прошла мимо, кругомъ тихо и ласково... Какая-то необыкновенная меланхолія сходитъ на міръ. Въ такое время — какъ это у Словацкаго? — если сердца должны забыть что-нибудь, они забудутъ... Такъ ли?

Читатель если ты еще не женатъ и женишься на дѣвушкѣ молодой, красивой и доброй, пріѣзжай сюда въ *Desenzano*. Вы будете бродить по рощамъ надъ водой, которая кажется частью неба, сонная, необычайно спокойная и тихая... Будете бродить здѣсь, ты будешь срывать розы и давать ей, а она будетъ прикалывать ихъ къ груди съ тихой, ангельской улыбкой... Слишкомъ грустно, если во всемъ мірѣ некому дать ни одной розы... Вѣдь самъ Господь сказалъ: «Не хорошо быть человѣку одному». Я знаю еще одно слово, не такое великое, но печальное, какъ смерть... Будете бродить надъ озеромъ, прижимаясь въ объятіяхъ другъ къ другу, она склонитъ головку на твое плечо; или сядете въ лодку и поплывете по этой хрустальной дремотѣ водъ, по этой прозрачной, золотистой лазури озера. Она будетъ съ тобой, твоя возлюбленная, милая, такъ близко, «съ сильно бьющимся сердцемъ и

бриллиантами въ глазахъ»... Понемногу, понемногу насъ охватитъ какая-то нѣга. Весла выпадутъ у тебя изъ рукъ, а она, словно невольна, склонится къ тебѣ, упадетъ на грудь и шепнетъ: «Люблю». А ты скажешь ей тогда: «Вотъ мое сердце, какъ усталая птица; оно въ твоихъ рукахъ. Возьми его все, все, дѣлай съ нимъ, что хочешь».

Бывають разныя женскія души, но есть и такія, какъ звѣзды.

Можетъ быть, ты будешь, читатель, сидѣть со своей возлюбленной на этой самой верандѣ Hôtel da due colombe въ увитой плющомъ бесѣдкѣ, въ которой я пишу сейчасъ. Вы будете одни, потому что здѣсь пусто. Вспомнишь меня, посовѣтовавшаго тебѣ приѣхать сюда, и, если знаешь мои стихи, быть можетъ тебѣ вспомнится моя прелюдія.

Говори, говори... Вѣдь никто насъ не слышитъ...

Какъ цвѣты въ теплое сумракѣ лѣтней зари,

Всѣ слова твои лаской и нѣгою дышать...

Говори, говори...

Говори, говори... О такомъ разговорѣ

Тасковалъ я года. И въ дрожащей груди

Что-то рвется, клокочетъ, бушуетъ, какъ море...

Говори, говори.

Бываютъ такія минуты, какъ минуты смерти, когда все вспоминается такъ живо, такъ ясно, когда слышишь шелестъ дыханія и платья, который ты слышалъ когда-то давно-давно, быть можетъ, цѣлые года тому назадъ, когда кажется, что чувствуешь въ своей рукѣ

руку, которая, быть можетъ, цѣлые года тому назадъ касалась ея... Отгоняй отъ себя такія минуты, другъ, и *carpe diem*, пользуйся днемъ, какъ совѣтуетъ римскій поэтъ. *Vogue la galère!*..

Въ озеро врѣзается каменный мысъ, на концѣ котораго только что зажгли свѣтъ въ каменномъ маякѣ порта, — порта, потому что это озеро занимаетъ пространство около 500 километровъ въ окружности и около 60 въ длину. Черезъ него надо плыть въ теченіе 4-хъ часовъ изъ Riv'ы въ Desenzano. Помню одинъ свѣтовой эффектъ въ дорогѣ. Вода около корабля была настолько лазурной, что почти напоминала мнѣ знаменитый лазурный гротъ въ скалѣ Капрійскаго островка; затѣмъ она постепенно переходила въ небесно-стальной цвѣтъ, и около береговъ казалось, что коричневато-золотистая пыль изогнутой радугой повисла на водѣ, вдоль горъ, которыя врѣзались въ нее. На горахъ — голубовато-сѣрые туманы и большія, бѣлыя въ неподвижныхъ клубахъ облака; подъ ними вершины въ сводахъ и аркахъ и густые пласты снѣга, играющіе на солнцѣ. За ними озеро и скалы, изрѣзанныя и изломанныя, исчезающія гдѣ-то вдали; по берегамъ, въ горахъ тамъ и сямъ бѣленькіе домики и лимонные сады среди бѣлыхъ каменныхъ оградъ.

По озеру въ сумерки безшумно скользитъ лодка, словно сонъ. Право, здѣсь очень «поэтично». Это слово звучитъ такъ странно, но въ эту минуту оно кажется мнѣ самымъ лучшимъ опредѣленіемъ того, что я вижу. И я пишу щипъ это здѣсь, на этой верандѣ отеля *da due*

colombe надъ Lago di Garda въ увитой площомъ, похожей на саркофагъ бесѣдкѣ, съ массой воды во-кругъ, съ маякомъ порта сбоку, съ колоколами, которые звонятъ здѣсь постоянно, съ громами, роко-чущими время отъ времени гдѣ-то за мной въ безколечной дали, — я буду читателямъ казаться поэтичнымъ. Правда?

„Mit schwarzen Segeln segelt mein Schiff
Wohl über das wilde Meer“.

На черныхъ крыльяхъ парусъ мой
По дикому морю плыветь...

Минуту тому назадъ получалось впечатлѣніе, словно какое-то морское чудовище подымается съ совсѣмъ уже темнаго озера. Пароходъ, котораго не было ни видно, ни слышно и который, очевидно, приходитъ такъ поздно изъ Riv'ы, началъ давать сигналы, но звукъ вышелъ изъ котла не сразу, изъ этой вечерней тишины вдругъ раздался какой-то чудовищный стонъ, въ воздухѣ пробилось что-то давящее, страшное, исполинское. Словно какой-нибудь колоссальный гиппопотамъ съ кроваво-красными глазами и кроваво-красной зіяющей пастью, что-то страшное, идущее разрушать, пожирать и топить. Теперь слышно, какъ шумятъ колеса и виденъ свѣтъ — корабль причалилъ къ берегу. Въ воздухѣ становится душно: тихая молнія быстро и злобѣще блеснула надъ Lago di Garda.

А тамъ у насъ въ эту пору въ польской деревнѣ?.. Собаки лаютъ возлѣ избъ, гдѣ-то на лугахъ заиграли на свирѣляхъ парни, гдѣ-то затянули пѣсеню дѣвушки,

возвращаясь съ поля. Рожь пахнетъ и шумитъ, въ лугахъ пахнетъ сѣно, пахнутъ яблочныя и вишневые сады. Гдѣ-то въ лѣсу отзовется филинъ, или сова зашелеститъ надъ головой, въ пруду закричатъ лягушки, и сверчки засверчатъ однообразно и тоскливо.

Проходятъ дѣти и поютъ тонкими голосами. Гдѣ-то играютъ на гармоніи или на скринкѣ, или сельскій писарь, тоскующій по помѣщицкѣй горничной, затянетъ:

Хоть и молодъ я, хоть и силенъ я,
Моя панночка,
По твоей винѣ схоронять меня
Въ землю-матушку.
По твоей винѣ не видать весны
Добру молодцу,
Безсердечная и жестокая
Моя панночка.

Такъ печально поетъ панъ писарь, тоскующій по помѣщицкѣй горничной, и бродитъ въ блескѣ мѣсяца гдѣ-то тамъ, между крестьянскими заборами, тамъ, у насъ...

Быть можетъ, онъ смѣшонъ, но подумайте, что я, такъ далеко отъ него, въ какомъ-то итальянскомъ Desenzano, и что дѣйствительно «mit schwarzen Segeln segelt mein Schiff wohl über das wilde Meer».

ИЗЪ-ПОДЪ «ЖЕЛѢЗНЫХЪ ВОРОТЪ» и «ЖЕЛѢЗНОЙ БРАМЫ».

Рѣдко кому, вѣроятно, приходилось быть въ пятницу одной недѣли надъ Щирбскимъ озеромъ въ Татрахъ, а въ понедѣльникъ другой недѣли въ Оршовѣ надъ Дунаемъ; но съ человѣкомъ случается иногда то же, что со щукой, въ хребетъ которой впилаь отломившаяся отъ древка острога: съ желѣзомъ въ тѣлѣ она бросается то на середину пруда, то подплываетъ къ берегу, пока, наконецъ, гдѣ-нибудь не издохнетъ.

Надъ адриатической лазурью, на венеціанскихъ лагунахъ я затосковалъ по плакучей соснѣ и по запахѣ пихты и, хоть не сразу, а добрался до нихъ.

Все отроги Карпатъ или, вѣрнѣе, Татръ съ венгерской стороны кажутся несравненно романтичнѣе нашихъ новотатрскихъ окрестностей: горы больше; дикія и скалистыя, онѣ полны красивыхъ ущелій и обрывовъ, а могущественные роды Leuzhaz'овъ (угасли въ 1835 году), Thurz'овъ (угасли въ XVI вѣкѣ), Pall'овъ и

Erdod'овъ разбросали тамъ свои замки, часто огромные и роскошные, иногда небольшія орлиныя гнѣзда, прилѣпившіяся къ гранитному утесу. Окрестности Вага кажутся отсюда немного похожими на верхнерейпское побережье, а по мнѣнію другихъ, ничего общаго съ нимъ не имѣютъ.

Все эти замки превратились въ развалины и нѣкоторые до того обветшали и обросли мохомъ, что ихъ трудно иногда отличить отъ скалъ, на которыхъ они стоятъ. Дороги къ нимъ заросли, и пустота царитъ тамъ. Все они носятъ въ себѣ меланхолію мертвой вещи.

На станцію Чорба надъ Щирбскимъ озеромъ я приѣхалъ утромъ на слѣдующій день послѣ открытія тамъ зубчатой желѣзной дороги, которая проведена отъ станціи къ самому озеру. Въ гору по ней приходится ѣхать около $\frac{3}{4}$ часа, а съ горы дорога продолжается $\frac{1}{2}$ часа. Для туристовъ эта дорога — большое удобство, а кромѣ того, она очень красива. Ѣдешь расчищеннымъ лѣсомъ, дорога идетъ зигзагами, а горы то по очереди показываются надъ деревьями, то исчезаютъ. Отъ Кривани до самой вершины Кончистой съ торчащимъ за ней краемъ Герляха и спускомъ Славковской вершины открываются передъ глазами Татры: Короткая, Острая, Солисто, Щирбская высь, Башни, Дьяволъ, Чубринъ, Менгушовецкія вершины, Рыси, Высокая, Уступы, Желѣзныя Ворота громоздятся здѣсь широкой стѣной надъ Фуркотной, Мельничной и Менгушовецкой долинами. Я приѣхалъ въ Щирбы вечеромъ; ночь была лунная.

Большой мѣсяцъ выплылъ откуда-то изъ-за Кончи-стой и струился стекляннымъ, матовымъ свѣтомъ. Гончія собаки, бѣгавшія по берегу, залаяли вдали; гдѣ-то въ Мельницѣ отозвалось эхо. Гдѣ-то въ глубинѣ горъ загремѣлъ громъ. Получалось впечатлѣніе, что цѣлая стая гончихъ затыкала на вершинахъ, словно какой-то Ruebezahl Татръ, или какъ тамъ называется эхо охотничье привидѣніе, при лаѣ собакъ и громѣ выстрѣловъ началъ во мглѣ охоту. Голосъ несся въ темное пространство туда, туда, куда-то кверху.

Выдры плескались подъ моимъ окномъ, ловя въ озерѣ рыбъ и, хрустя, грызли кости, и куницы шмыгали между кустами.

Словацкимъ горамъ, Липтовой и другимъ, придаютъ много мрачности совы, кричація въ лѣсахъ; въ Татрахъ я почти не слыхалъ ихъ. Иногда только отзовется какая-нибудь сова, и то рѣдко. Изрѣдка тихо, какъ вампиръ, пролетитъ филинъ и исчезнетъ въ темнотѣ.

На слѣдующее утро, несмотря на то, что дождь лилъ, какъ изъ ведра, я пошелъ къ Попрадскому озеру. Запахли плакучія сосны, запахли пихты, зашумѣлъ потокъ и вѣтеръ...

Что-то подымаетъ вверхъ, словно на плечахъ вырастаютъ крылья... Первый разъ я былъ здѣсь одинъ. Сколько разъ сходили мы сюда съ нашихъ горъ, изъ Закопанаго, шумной, веселой толпой, а теперь я былъ одинъ, явился сюда съ чужой, далекой стороны. Раньше все казалось мнѣ здѣсь такимъ далекимъ, чужимъ, а теперь я чувствую себя здѣсь, какъ и всюду. Раньше

что-то тянуло насъ съ этихъ горныхъ обрывовъ, а теперь я ко всему такъ равнодушенъ. Человѣкъ, какъ путникъ Бодлэра, плыветъ и плыветъ. Миѣ вспоминаются какіе-то стихи на эту тему.

Когда я здѣсь, въ этомъ сосновомъ лѣсу, сидя на камнѣ, среди потоковъ, сталъ вспоминать, какъ спустились мы когда-то сверху въ эту долину при звучныхъ горныхъ пѣсняхъ съ шумнымъ, молодымъ весельемъ въ душѣ, я почувствовалъ такую тоску и одиночество, что вечеромъ же сѣлъ на поѣздъ и изъ-подъ Желѣзныхъ Воротъ надъ Попрадскимъ озеромъ поѣхалъ къ Желѣзной Брамѣ на Дунаѣ. Съ человѣкомъ происходитъ иногда то же, что со щукой, въ хребетъ которой впилась отломившаяся отъ древка острога: она бросается въ глубину и опять подилываетъ къ берегу, пока, наконецъ, не издохнетъ.

Признаюсь, я вѣроятно забылъ, а, быть можетъ, этого и нѣтъ въ географіи, но я представлялъ себѣ Желѣзную Брамѣ совсѣмъ иначе, чѣмъ она въ дѣйствительности. Я думалъ, что это торчащія, раздробленные камни, черезъ которые прорывается Дунай. Правда, они и въ дѣйствительности раздроблены, но скалы гдѣ-то въ глубинѣ подъ водой и задерживаютъ движеніе кораблей только во время мелководья.

Къ Желѣзной Брамѣ, которая находится уже на сербской территоріи или, скорѣй на границѣ австро-венгерской, румынской и сербской территорій, подплываютъ въ длинной лодкѣ съ двумя гребцами и рулевымъ. Гребцы и рулевой—турки. Настоящіе турки съ

придунайскаго острова Ada-Kale, что значитъ по-турецки островъ-крѣпость.

Этотъ островъ, заселенный исключительно чисто-кровными турками, которыхъ насчитываютъ тамъ около 600 человекъ, свободенъ отъ податей, таможенныхъ пошлинъ и военной службы, не принадлежитъ никакому государству и управляется самостоятельно.

Мнѣ кажется, что просто во время вѣнскаго конгресса въ 1815 году о немъ забыли и не причислили его ни къ какому государству. Можетъ быть, я ошибаюсь, но сейчасъ у меня нѣтъ подъ руками исторіи или путеводителя Бедекера.

Этотъ островъ замѣчателенъ развалинами крѣпости, которыя занимаютъ его буквально весь. О подобныхъ размѣрахъ крѣпости и толщинѣ каменныхъ стѣнъ я не имѣлъ понятія. Не знаю, сколько десятковъ тысячъ войскъ можно было помѣстить въ ней, но думаю, что въ ея подземныхъ и надземныхъ казематахъ могло помѣститься еще столько же плѣнниковъ. Крѣпость, окруженная водой, при своей колоссальности и прочности, должна была быть въ свое время неприступной; быть можетъ, тогда ея владѣлецъ господствовалъ надъ значительной частью Дуная и его гористыми берегами, гдѣ теперь стоятъ *vis-à-vis* сербскій и австрійскій часовые, симпатизируя другъ къ другу ни больше и ни меньше, какъ кокосъ обезьянѣ. Ada-Kale, кромѣ того, — турецкій базаръ. Думаю, что все, чего не купишь въ Константинополѣ или въ Дамаскѣ, какъ негодную вещь, покупаешь здѣсь, потому что она — турецкая. Есть ту-

рецькіе, вышитые шелкомъ и золотомъ обои, турецкія папирасы, турецкіе сорбеты, турецкій кофе—есть и турчанки. Онѣ носятъ, какъ и надъ Босфоромъ, широкія шаровары и закрываютъ лица.

Есть ли здѣсь у кого-нибудь гаремъ, не знаю; знаю, что мечеть есть, потому что я былъ въ ней. Это убогій, деревянный шалашъ съ надписями изъ алькорана на стѣнахъ, съ башней, съ которой муэдзинъ кричитъ три раза въ день, сзывая вѣрныхъ на молитву.

Насколько здѣшніе турки, остатокъ эпохи турецкаго владычества въ Венгріи, сохранили свой типъ, мнѣ трудно судить, потому что вблизи я видѣлъ только одного турка, который былъ крупье въ Монте-Карло. (Да проститъ его Богъ, а я не могу). Въ общемъ, это сильные и красивые люди. Они говорятъ по-немѣцки, по-сербски и, разумѣется, по-турецки.

Трое такихъ грязныхъ, обтрепанныхъ оборванцевъ съ мѣдно-смуглыми лицами везли меня по Дунаю къ «Желѣзной Bramѣ». День былъ такъ жарокъ, что, казалось, Дунай кипитъ. Вдругъ что-то завизжало въ глубинѣ: вода забурлила такъ, какъ будто какое-то чудовище поднялось со дна. Ну, думаю себѣ, что за чортъ, какая тутъ страшная рыба скандалитъ? Если ей вздумается ударить хвостомъ лодку, турки пойдутъ въ рай, на лоно гурій, а ко мнѣ можно будетъ при-мѣнить Байроновскаго Гяура:

А тебя, невѣрный, черный ангелъ смерти
Разорветъ на части острою косою.

Рулевой, онъ же капитанъ корабля и чичероне, объясняетъ, однако, мнѣ, что это первая «Желѣзная Брама». Такъ, значить, вотъ оно что—и только-то всего!

Эту «Желѣзную Браму» или подводныя скалы надо объѣзжать очень умѣло, потому что разбиться о нихъ или опрокинуться очень легко, а ихъ тамъ масса, въ особенности по правому берегу Дуная.

Сама настоящая «Желѣзная Брама» уже раздроблена динамитомъ, и теперь *) огромныя машины, похожія издали на военные корабли, вынимаютъ изъ русла разбитыя камни. Работы, которыя ведутся венгерскими инженерами, продолжаются уже лѣтъ пять. Уже выложенъ камнями каналъ въ два километра длиной, по которому корабли смогутъ плыть къ морю и обратно во всякое время, независимо отъ высоты воды. Эти работы, стоящія массу миллионѡвъ, имѣютъ огромное значеніе для торговли.

Возвращеніе къ Эршову не такъ пріятно, какъ дорога къ Брамаѣ по теченію, потому что два гребца должны выйти изъ лодки и тащиться по берегу для того, чтобы тянуть лодку на веревкѣ, все равно какъ у насъ на Вислѣ лошади тащутъ барки; только рулевой остается на мѣстѣ и длиннымъ шестомъ править лодкой. Это длится нѣсколько часовъ, люди устаютъ, а путешественникъ чувствуетъ себя скрученнымъ этой веревкой, тѣмъ болѣе, что именно на водѣ чувствуешь

*) Я писалъ это лѣтомъ въ 1896 году; съ этого времени работы уже давно кончены.

Прим. автора.

обыкновенно больше свободы, чѣмъ на сушѣ. Переправа съ сербскаго берега въ Эршовъ съ распущеннымъ парусомъ и съ обоими гребцами въ лодкѣ—настоящій отдыхъ.

Берегъ Дуная становится холмистымъ съ обѣихъ сторонъ и покрытъ здѣсь зелеными лѣсами и рощами. Картина мягкая, солнечная. Здѣсь растутъ серебристая итальянская верба и масса экзотическихъ растений и цвѣтовъ.

Румынскія красавицы съ черными, блестящими глазами часто встрѣчаются здѣсь въ своихъ фантастическихъ пестрыхъ нарядахъ. Впрочемъ, во всей Венгріи пестрота одежды растетъ по мѣрѣ приближенія къ югу. Въ особенности поразили меня женскіе цвѣтные передники, спущенные спереди ниже колѣнъ, а сзади—ниже икръ, широко разрѣзанные съ боковъ, а также цвѣтныя шерстяныя тесемки на бѣлыхъ рубахахъ, тоже спущенныя къ землѣ спереди и сзади. Славянскіе типы встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу; встрѣчалъ я и нашихъ галиційскихъ горцевъ и живущихъ за горами, толпами возвращающихся съ работъ изъ Венгріи. Кромѣ всего, они отличаются еще своимъ крайне бѣднымъ видомъ. Я никогда не видалъ людей, которые выглядели бы бѣднѣе, развѣ только въ окрестностяхъ Неаполя.

Если пришлось разъ другой повидать свѣтъ, то потомъ въ памяти получается какая-то мозаика изъ разныхъ долинъ и горъ, степей и полей, озеръ и рѣкъ, садовъ и виноградниковъ, замковъ и городовъ; хорошо пе-

релетѣть мыслью назадъ—что же, если съ человѣкомъ происходитъ иногда то же, что со щукой, въ хребетъ которой впилаь отломившаяся отъ древка острога. Въ такую минуту, пока не издохнешь, всюду одинаково «грустно и одиноко».

АРНОЛЬДЪ БЭКЛИНЪ.

Она живетъ передъ нами, — великая, нагая, предвѣчная. Живетъ передъ нами въ своемъ величїи, грозная, чудовищная, таинственная, очаровательная и страшная. Подобная исполинской богинѣ, которая въ одной рукѣ держитъ щитъ и смертоносныя стрѣлы, а въ другой — бокаль вина и цвѣты; подобная исполинской богинѣ съ бровями изъ молній и устами ребенка — живетъ она передъ нами.

Боги шли чередою и падали въ прахъ,
Время идетъ и смѣняются вѣры.
Она же вѣчна, какъ страхъ, голодь, зависть,
Какъ они — первобытна,
Какъ они — побѣдоносна,
Надъ всѣмъ царящая, непобѣдимая,
Ничѣмъ и нигдѣ. Какъ они — первобытная,
Дикая мощь Природы.

Межъ дикихъ, безумныхъ, обрывистыхъ скалъ струится потокъ, — тихій, свѣтлый ключъ; межъ утесовъ, нагроможденныхъ подъ небо, межъ закутанныхъ тучами

скаль струится тихій и свѣтлый потокъ, какъ соловьиная пѣсня.

Вотъ тамъ въ лѣсу, въ бору бездонно-темномъ, среди тумана вѣтвей, среди мятели перепутанныхъ и чудовищно-вывороченныхъ корней, среди хаоса и бури нагроможденныхъ пней: бѣлый цвѣтокъ, бѣлый цвѣтокъ ландыша, голубыя незабудки, таинственный зеленый папоротникъ надъ прозрачнымъ озеромъ, съ поросшими мхомъ берегами.

Таинственные, молчаливые, идиллическіе гроты на веселыхъ, пушистыхъ и волнообразныхъ горахъ; обвитыя плещомъ, зіяющія головокружительными безднами, безумныя пропасти, подобныя блуждающимъ ураганамъ, подобныя страшнымъ морскимъ чудовищамъ о восьми рукахъ, изъ которыхъ каждая несетъ гибель и смерть. Страхъ, смерть и гибель ждуть въ этой безднѣ; страхъ, смерть и гибель, подобныя восьмирукой гадинѣ, лютому морскому чудовищу. И на листочки плеща, которымъ обвить входъ, солнечные лучи садятся, какъ золотые мотыльки...

Мутнымъ наводненіемъ разлилась рѣка въ своемъ половодьи; на старинныхъ развалинахъ вырастаетъ сочная яблоня; въ степи, опустошенной пожаромъ, выросли хлѣба; землетрясеніе разрушило цѣлые города, а погасшіе вулканы порождаютъ виноградъ и сладкія маслины.

Исполинской богинѣ съ лукомъ и стрѣлами въ одной рукѣ, съ бокаломъ вина въ другой, — подобна дивная,

чудотворная, неразгаданная, непостижимая Мать-Природа.

Въ тростникѣ заигралъ Панъ. Божокъ Панъ. Любить посвистывать онъ тамъ, гдѣ пасутся стада, — божокъ съ козлиными ногами и козлиными рожками на головѣ. Влюблены, должно быть, въ любовь существа, которыя никогда не покидаютъ розовыхъ рощъ, не бѣгутъ шума эгейскихъ волнъ, не бѣгутъ изъ лѣсныхъ гротовъ, блуждаютъ среди лѣсныхъ чащъ, въ темныхъ аллеяхъ кустарника, подъ балдахиномъ изъ плюща и вьющихся растений. Когда въ тростникѣ играетъ божокъ Панъ, божокъ съ козлиными ногами и козлиными рожками на головѣ, фавны, нимфы, сатиры и наяды слушаютъ и пляшутъ.

А тамъ — слышенъ топотъ огромныхъ центавровъ, циклопы громоздятъ чудовищныя стѣны, гиганты и титаны, съ силою лавы, хлынувшей изъ кратеровъ вулкана, поднимаютъ свои руки противъ неба, противъ бога, его властелина, противъ боговъ моря и подземнаго царства, противъ боговъ красоты и безмятежнаго спокойствія... Земля, небо, моря, тучи становятся богами, живутъ, принимаютъ формы, подобныя человѣческимъ формамъ. И вотъ онъ, этотъ дивный міръ: ручьи приняли видъ тихихъ, бѣлыхъ, задумчивыхъ дѣвушекъ; каждая роца — храмъ, въ которомъ живетъ божество; въ каждомъ гротѣ звенитъ пѣсня нимфъ подземныхъ, въ каждомъ вихрѣ мчится богъ, богъ возить по небу солнце — вездѣ боги. Вотъ тотъ дивный міръ,

міръ, гдѣ все полно чудесъ, прекраснѣйшій сонъ о Природѣ.

Исполницкая богиня только разъ улыбнулась такой свѣтозарной, золотистой улыбкой, только разъ вѣка озарились такой золотистой, ясной и тихой улыбкой; — какъ эхо пастушьей свирѣли въ горахъ, какъ эхо отъ скалы къ скалѣ, отъ тысячелѣтія къ тысячелѣтію перешло воспоминаніе объ этой улыбкѣ, живетъ ея очарованье... Мистическая поэзія природы только разъ воплотилась въ такую великую, чудную пѣсню. Улыбка Красоты, одинъ лишь разъ ниспосланной съ неба на землю, только разъ озарила рожденный землею греческій народъ; озарила собою всю его жизнь. Красота озарила радости и страданья, печаль и веселье грековъ, красота озарила трагедію и комедію человѣческой жизни, воображеніе и чувство. Все начало принимать несравненныя формы. Красота стала душой человѣческой, человѣкъ не могъ уже ни радоваться, ни страдать въ иной формѣ. Красота выросла въ его грудь. Появились сказанія, которыя окружаютъ какимъ-то очарованьемъ самыя страшныя трагедія, подобно лунной ночи, серебрящей поле битвы, — которыя наполняютъ очарованьемъ веселые солнечные полдни, когда жнецы поютъ въ полѣ, подобно павлину съ радужными перьями, который дѣлаетъ очаровательными клумбы розъ, когда проходитъ по нимъ во всей красѣ своихъ перьевъ.

Зло и добро — легенда, которую передаютъ другъ другу люди, легенда, которая послѣ ихъ смерти на-

висла надъ ними, какъ облако дыма надъ потухшимъ костромъ; сказанія, которыя поплыли отъ нихъ въ свѣтъ, какъ плыветъ лѣсной запахъ на крыльяхъ вѣтра; какъ къ далекимъ, высокимъ хребтамъ Татръ плыветъ пѣсня, которую дѣвушка затянула гдѣ-то въ долинѣ. На свѣтъ остался греческій, божественный миѳъ.

И вотъ появился человекъ, глазамъ котораго открылась Природа, побѣдоносная, дивная, чудотворная, непонятная Природа, открылся греческій миѳъ, — открылся во всей своей правдѣ, во всемъ своемъ величїи своей правды. Слово двѣ богини открылись его глазамъ: исполнская Мать, которая переворачиваетъ моря и валитъ горы, и ея прекраснѣйшая дочь.

Арнольдъ Бэклинъ. Я буду говорить о немъ, какъ о чудномъ пилигримѣ, пришлецѣ изъ какого-то неземного міра, — который три тысячи лѣтъ тому назадъ подслушивалъ пѣсни лѣсного Пана, которому море явственно открывало явленія, какія снились лишь поэтамъ; какъ о человекѣ, который все видѣлъ, все зналъ, для котораго ничто не было сонной мечтой, но все самое странное, дивное, сказочное — было реальной дѣйствительностью, тѣломъ.

Это не поэтъ-живописецъ, который творитъ, — это ясновидецъ; это не картины, не произведенія искусства, — это откровенія. Въ этомъ сила, въ этомъ могущество Бэклина. Неукротимая мощь его творчества, — она, какъ неукротимая мощь тропического солнца; его картины не написаны, — онѣ вспыхиваютъ на полотнѣ; его кисть не кладетъ красокъ, — она, какъ огненный

бичъ, мгновенно вызываетъ потоки свѣта; его душа не компонируетъ, — она разрывается, какъ дымящаяся граната. Ни Микель Анджело, ни Рубенсу, ни Бетховену, ни Вагнеру, ни Мицкевичу, ни Байрону — Бэклинь не уступаетъ въ напряженности творческой силы; онъ такой же могучій, пылкій, великій и божественный творецъ, какъ они.

Представьте себѣ огромный, южный садъ съ деревьями, уходящими въ небеса, съ водопадами, шумящими, какъ море, съ цвѣтами, висящими надъ головою, представьте, что все это полно красокъ, которыя гремятъ, запаха, который заливаешь все, какъ наводненіе, формъ, которыя отуманиваютъ, какъ пожаръ; садъ, среди котораго возвышается задумчивый, мистическій странный каменный Сфинксъ...

Его кисть — это языкъ Словацкаго: изъ самыхъ нѣжныхъ тоновъ онъ переходитъ къ грому; исполинскія видѣнія, бѣшеную борьбу, чудовищный хаосъ возсоздаетъ онъ такъ же геніально, какъ весну съ ея цвѣтами, молчанье пустоты, прелесть грезы... Перо, которое сумѣло написать «Въ Швейцаріи», «Антелли», «Короля Духа», «Балладину», «Бэатриче Ченчи», «Гимнъ при заходѣ солнца», — вотъ кисть Бэклина. Прибавьте, что этотъ человѣкъ способенъ на глубину эхилловскаго трагизма, на жизнерадостность и безоблачность Одиссея, при мистицизмѣ и аллегоричности средневѣковыхъ монаховъ: и передъ вашими глазами встанетъ единственный въ своемъ родѣ феноменъ — Арнольдъ Бэклинь, одинъ изъ величайшихъ живописцевъ міра.

Но вѣдь живешь ты, живешь, о святая природа?..
Прежде рѣкъ берега, съ коврами изъ пуху цвѣтного,
Были отчизною нимфъ...
Пастухъ, что гналь стадо
Лѣсомъ таинственнымъ, полнымъ тѣней ненадежныхъ,
Къ берегу рѣчки, — слышаль ученыя пѣсни
Фавна лѣсного... Въ немъ страхъ просыпался,
Когда на поверхности водъ онъ видѣль дрожащiе круги, —
Боялся онъ, какъ бы глазамъ недостойнымъ и смертнымъ
Вдругъ не пришлось увидѣть
Олимпiйской охотницы обликъ, когда въ изнуреньи,
Снявши хитонъ, она сходить въ прохладное поле,
Чтобы съ груди своей бѣлой и плечъ бѣлоснѣжныхъ
Смыть кровавую пыль отъ охоты...
Жили когда-то цвѣты и растенья,
Жили когда-то лѣса... А о томъ,
Что есть человѣкъ на землѣ, зналь лишь только
Вѣтеръ холодный, да тучки на небѣ,
И свѣточъ титана, горящiй на небѣ высокому...

Вотъ что говорила древняя легенда итальянскому поэту Леонарди, пробуждая въ немъ отголоски «прежнихъ вѣрованiй». Но для Баклина это вчера стало сегодня, а легенда стала свѣжей, современной исторiей; онъ какъ бы вѣрить, что рѣкъ берега съ коврами изъ пуху цвѣтного — отчизна нимфъ, что пастухъ слышитъ звуки далекой пѣсни фавна лѣсного, что горныя пронаети стоновъ людскихъ и жалобъ полны...

Творчество Баклина на прѣстранствѣ болѣе чѣмъ трехсотъ картинъ обнимаетъ собою самыя разнообразныя мiры искусства. Я даже не знаю, есть ли живописецъ, который могъ бы поспорить съ Баклиномъ въ разнообразiи всевозможныхъ сюжетовъ. Шекспиръ, беря

за образецъ то, что давалъ ему міръ, созданный Богомъ, создалъ свой міръ такъ, что какое-нибудь божество могло бы создать міръ по твореніямъ Шекспира. Такъ и Бэклинь. Язычество и христіанство, романтизмъ и классицизмъ, идеализмъ и реализмъ, мифологія, германскія саги, символизмъ, древніе вѣка, средніе, современная эпоха, правда и вымыселъ, — все это онъ обнялъ. Леонардо да Винчи съ разнообразіемъ своихъ дарованій не былъ разностороннѣе Бэклина-живописца.

Наиболѣе великъ, славенъ, извѣстенъ и наиболѣе заслуживаетъ удивленія Бэклинь-живописецъ сказочнаго міра, который дѣйствительно слушалъ пѣсни лѣснаго фавна, для котораго «жила еще святая природа», который какой-то волшебной властью могъ видѣть невидимое, знать все мистическое, которому какая-то непонятная сила отворила настежь врата тайнъ Природы, — побѣдоносной Природы, когда она кажется улыбающимся ребенкомъ и грознымъ божествомъ. Когда она подобна богинѣ, у которой въ одной рукѣ лукъ и смертоносныя стрѣлы — а въ другой бокаль вина и цвѣты.

Старый центавръ, у котораго стерлось копыто, пришелъ къ деревенскому кузнецу за совѣтомъ. Что за выраженіе у этого чудовища! Онъ вѣроятно былъ между своими паренъ «на славу» и навѣрно «заболѣлъ въ первый разъ въ жизни». И какъ онъ могъ заболѣть, такой здоровякъ? На лицѣ у него и забота, и безпокойство, и удивленіе, и грусть, и страхъ. Передъ центавромъ у кузницы стоитъ кузнецъ и съ видомъ знатока смотритъ

на колыто. Немного поодаль сбоку три фигуры изъ итальянскаго простонародья: мать съ ребенкомъ на рукахъ, царевъ и дѣвушка.

Разсказывалъ мнѣ старикъ Валя (теперь уже покойникъ), что въ его молодые годы жилъ горецъ-разбойникъ Галайда, такого роста, что всѣ высокіе люди доставали ему только подъ-мышки. Словомъ, великанъ.

Вотъ вообразите себѣ, что такой Галайда выгѣзъ изъ горныхъ ущелій и появился на базарной площади Новаго Торга, гдѣ въ то время должны были переходить изъ усть въ уста чудные разказы о бандитахъ изъ Подгалья и гдѣ они должны были казаться чѣмъ-то особенно интереснымъ, удивительнымъ, немного страшнымъ, изъ ряда вонъ выходящимъ, но въ то же время чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ и даже роднымъ. И вотъ изъ тѣхъ, кто проходилъ бы мимо этого Галайды-великана, одинъ бы остановился, другой бы разинулъ ротъ, какъ это дѣлаетъ средняя фигура на картинѣ, — но никто бы не убѣгалъ отъ Галайды, какъ это сдѣлали бы сегодня жители Ловича или Ново-Минска или же современные греки и итальянцы передъ центавромъ. Вообразите себѣ лица новоторжанъ, къ которымъ 60 лѣтъ тому назадъ прибылъ изъ Подгалья великанъ-разбойникъ купить, на примѣръ, пороху или кожи на салоги, и тогда вы будете имѣть передъ собой лица крестьянъ, проходящихъ мимо кузницы.

Въ этой картинѣ — всѣ характерныя черты Бэклина: она фантастична и реальна, она — игра воображенья,

основанная на правдѣ, богатая пластичной психологіей фигуръ, въ ней есть фабула, которую вы всегда найдете у Бэклина (несмотря на это, его картины не «литературны», какъ этого боятся сторонники безсмысленнаго копированія природы); она — плодъ композиціи. Эта картина превосходный примѣръ того, какъ можно прочувствовать и сжитья со своимъ твореніемъ. И дѣйствительно она, какъ и всѣ прочія картины Бэклина, производитъ такое впечатлѣніе, словно авторъ видѣлъ и наблюдалъ все то, что писалъ — и центавра, и кузнеца у кузницы, и тѣхъ крестьянъ сбоку. И онъ ихъ дѣйствительно видѣлъ, наблюдалъ въ своемъ воображеніи, «очами души». Онъ ихъ знаетъ; эти люди, этотъ центавръ — это онъ самъ, Бэклинъ, это частицы его духа, который онъ, конечно, знаетъ. А вѣдь только тотъ художникъ великъ, который даетъ намъ въ своихъ твореніяхъ свою собственную душу. Гёте былъ такъ же Фаустомъ, какъ Вагнеромъ, Гретхенъ, Мефистофелемъ и Фрошемъ; Мицкевичъ былъ такъ же Конрадомъ, какъ и Сколубой.

Художникъ долженъ быть въ то же время и своимъ собственнымъ твореніемъ; правдивость — это первое условіе порядочнаго человѣка и порядочнаго художника, правда должна быть краеугольнымъ камнемъ добродѣтели и искусства.

У Байрона воздушные гени Альвъ гораздо правдивѣе, чѣмъ у перваго попавшагося романиста его люди, потому что правда и искренность въ искусствѣ не зависятъ отъ темы, а лишь отъ способности прочувство-

вать свое собственное воображеніе, а послѣднее опять-таки зависитъ отъ творческой способности.

Геніемъ можетъ быть только геній, школы же искусства, музыкальныя академіи и университеты разсѣяны по всѣмъ крупнымъ городамъ Европы.

Геній Бэклина расцвѣтаетъ въ Италіи.

Голубое море играетъ, ударяясь волнами о берега той земли, по которой катились волны артистическаго генія Греціи и по которой — чудится — ходить ногами закутанный таинственнымъ туманомъ сребро-стрѣльный Фебъ-Аполлонъ, повелитель девяти музъ, неся съ собою эхо рѣзца скульпторовъ и ритма греческой лирики; ударяетъ о землю, которой свѣтитъ вѣчно молодое, вѣчно живое, какъ солнце, вѣчно свѣжее и юное — искусство Возрожденія.

Языческая, эллинская душа Бэклина, единственнаго человѣка XX вѣка, которому присущи древне-языческія, безоблачно-ясныя понятія о жизни, которыя онъ воплощаетъ, — его душа раскрываетъ крылья. Словно орелъ, рожденный и вскормленный въ долину въ клеткѣ, вырвавшись на волю и улетѣвъ въ горы, — онъ почувствовалъ, гдѣ его родина.

Бэклинъ учится. Онъ становится фантастичнымъ, какъ пастухъ Аттики, и колористомъ, подобнымъ Тиціану. Фантазія Бэклина не питается, какъ фантазія Гёте, одной традиціей прежнихъ культуръ, традиціей, которая такъ удивительно возродилась въ самой себѣ.

Бэклинъ какъ бы извергаетъ изъ себя вещи совершенно новыя, и если картины и статуи, которыя онъ ви-

дѣлать въ Италіи, позволяли ему создать свой собственный міръ мифологическаго съ одной стороны, то съ другой — онѣ создали изъ него того удивительнаго колориста, о которомъ Виткевичъ говоритъ, что трудно найти ему равнаго въ прежнемъ и новомъ искусствѣ, — до того онъ является исключительно выдающимся; что онъ, «быть можетъ, лучшій изъ всѣхъ прежнихъ и современныхъ колористовъ».

Въ новой Пинакотекаѣ, въ Мюнхенѣ, на огромной стѣнѣ, среди множества картинъ виситъ извѣстное «Im Spiel der Wellen». Попробуйте отходить постепенно отъ стѣны.

По мѣрѣ того, какъ вы будете отходить, всѣ картины одна за другой станутъ тускнѣть, а темная лазурь моря «Im Spiel der Wellen» и краски тѣлъ, въ немъ плывущихъ, будутъ бросать на васъ косые лучи.

Колоритъ имѣетъ главное и рѣшающее значеніе въ живописи, такое же точно, какъ пластика въ скульптурѣ, — и всѣ характерныя черты гениальнаго колориста проглядываютъ въ картинахъ Бэклина.

Онъ транспонируетъ краски природы на наивысшій, доступный искусству, тонъ; гармонизируетъ его съ неподражаемымъ искусствомъ: онъ превращаетъ краски въ воздухъ, въ скалы, въ воду, — такъ что картины его производятъ впечатлѣніе живой природы, — и благодаря этому онъ — одинъ изъ величайшихъ артистовъ-художниковъ и не только XIX вѣка, — говоритъ Виткевичъ... Я, совершенный дилетантъ, старался дать, поскольку это мнѣ по силамъ, общее представленіе,

которое хочу иллюстрировать примѣрами изъ его же твореній; я сослался на Виткевича, чтобы придать нѣкоторый вѣсъ тому, что я пишу.

Говорить о всѣхъ картинахъ Бэклина невозможно; онѣ наполняютъ цѣлую галлерею, ихъ болѣе 300, а потому я постаралось выбрать изъ извѣстныхъ миѣ картинъ тѣ, которыя кажутся миѣ наиболѣе характерными и ярче всего иллюстрируютъ его творчество.

Какъ Природа, у которой глаза дѣвушки совмѣщаются со львиной силой рукъ, — такъ Бэклинъ со своей феноменальной, почти сверхчеловѣческой способностью пониманія ея, — попеременно то улыбается, то ударяетъ молотомъ въ мѣдный щитъ, то срываетъ цвѣточки, то валитъ глыбы съ откосовъ въ пропасти.

Вотъ исполинскимъ Прометеемъ онъ навалилъ цѣлую гору. Море, переходящее изъ пурпура въ почти черный цвѣтъ, ударяетъ объ эту гору своими волнами. Вѣтеръ клонитъ къ землѣ оливковыя деревья, которыя растутъ по склонамъ горы. Надъ титаномъ безумствуетъ страшная, мрачная буря, зловѣщая дикость которой необыкновенно грозно усиливаетъ блескъ солнечныхъ лучей, прорвавшихся сквозь тучи. Пейзажъ фантастиченъ: Шекспиръ живописи остался вѣрнымъ самому себѣ — онъ создалъ гору, какъ создалъ Прометея. Колоссальность такого творенія равносильна колоссальности Макбета: ни одинъ изъ поэтовъ — ни Эсхиль, ни Байронъ, ни Гёте, ни Шелли — лучше не продумали того, кто въ защиту правъ человека возсталъ противъ воли Зевса. Картина реветъ и воеетъ бу-

рей, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней такое небывалое могущество генія, что, по-моему, даже творческій экстазь Микель Анджело, когда онъ увидѣлъ передъ собой Моисея, не былъ большимъ, чѣмъ здѣсь.

У подножья горы, въ морѣ, Нереиды, тѣ же Юна, Пантея и Азія Шелли, встревоженные и грустные. Страшная трагедія человѣческой души, той огромной души, которая завалила собой цѣлый міръ и все же лежитъ неподвижно въ своихъ цѣляхъ. Вѣчная трагедія человѣческой мысли, человѣческой воли, самосознанья, дарованій, трагедія власти рока надъ всѣмъ человѣческимъ. Вѣчное страданье, вѣчная скорбь, вѣчная скала Кавказа, — и вѣчное изумленіе предъ этимъ величіемъ духа, предъ этимъ могуществомъ его, предъ этой непреклонной гордостью, предъ этимъ земнымъ богомъ, который называется человѣческимъ духомъ. Вѣчная, трагическая, самая трагическая борьба между человѣкомъ и властью рока, между тѣмъ, что бессильно, и тѣмъ, что всесильно, что создало міръ, создало человѣка, а вмѣстѣ и смерть, страданье и невѣдѣніе. Вѣчное величіе страданья — вѣчное: я страдаю, значитъ, я духъ.

Крошечныя, маленькія, скоропреходящія частички духовной природы человѣка, встревоженные и грустные, прижимаются къ той скалѣ, которая завалила собой безколѣчный, безвременный, разумный, чувствующій и мыслящій духъ человѣка. Смотрятъ на него съ изумленіемъ и ужасомъ. Не могутъ его понять, — онъ слишкомъ великъ для нихъ. Только слышны ихъ ры-

данья, рыданья этихъ Нереидъ, крошечныхъ, маленькихъ и скоропреходящихъ, плачущихъ надъ судьбой Титана.

А вотъ бородатый Фавнъ заложилъ козлиную ногу за ногу и прищелкиваетъ въ тактъ пальцами, отложивъ въ сторону ноты и флейту, удобно облокотясь на кочку, поросшую травой и цвѣтами, свищетъ и учитъ свистѣть дрозда, качающагося надъ нимъ на вѣткѣ; или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ дѣти танцуютъ раннею весною надъ потокомъ, дѣвушка забавляется цвѣтами шепчутся нѣжныя влюбленные парочки, Панъ играетъ на фордингѣ надъ прозрачнымъ прудомъ среди развалинъ коринтскихъ колоннъ съ капителями изъ листьевъ аканта; или вотъ — тотъ извѣстный «Панъ въ тростникѣ», въ Мюнхенской Пинакотецкѣ, предъ которымъ душа расплывается въ задумчивости и вся уходитъ въ красоту: спокойствіе, тишина, гармонія.

Сколько всего есть «идиллій», «вѣсенъ», «весеннихъ утръ», «пробужденій весны», «идеальныхъ весеннихъ пейзажей», — не знаю, но думаю, что о Баклинѣ можно сказать то, что сказалъ о Гѣте Великій Наполеонъ: *Voile un homme* — вотъ настоящій человекъ, вотъ настоящая человѣческая душа, въ величайшемъ ея напряженіи, — отъ безоблачнаго спокойствія черезъ цѣлую гамму чувствъ, впечатлѣній и мыслей, черезъ цѣлую жизнь до самаго страшнаго трагизма. А эта жизнь коротка, какъ сонъ. Итакъ смотрите: надъ ручьемъ по которому плыветъ цвѣтокъ, два голыхъ ребенка, занятые игрой съ цвѣткомъ; направо отъ нихъ,

съ цвѣтами въ рукѣ, полуобнаженная дѣвушка съ отчетливо обрисовывающимися формами, мечтательная, «созданная для поцѣлуевъ и объятій, для наслажденія и любви»; на-лѣво средневѣковый рыцарь въ цвѣтѣхъ лѣтъ, съ копьемъ и въ шишакѣ, ѣдетъ верхомъ въ мѣръ, — мужественный, сильный, увѣренный въ себѣ, отважный, созданный для подвиговъ властелинъ мѣра; на холмѣ, прямо надъ дѣтьми, скелетъ смерти ударяетъ отломленнымъ гдѣ-то суковатымъ кускомъ дерева въ затылокъ дряхлаго старика, сидящаго, сторбившись, на камняхъ.

Посреди картины мраморная ниша, гдѣ изъ усть сфинкса течетъ вода, льющаяся потомъ ручьемъ, а надъ нею, на мраморѣ, надпись: *Vita somnium breve*, — жизнь — короткій сонъ. Трава, цвѣты, деревья, мраморъ. День на весеннемъ лугу; дѣвушка посреди идиллическихъ деревьевъ, розъ и солнца; передъ рыцаремъ открытое пространство и надъ нимъ — строгія деревья; надъ старикомъ — тучи. Символь жизни. Въ этой картинѣ есть что-то неслыханно высокое; такое необыкновенное настроеніе даетъ голова сфинкса, изъ которой течетъ вода; чтобы это высказать — надо быть Бетховеномъ или Моцартомъ.

Вѣчность жизни шепчетъ въ этой струѣ воды, текущей изъ усть символа тайны, сфинкса, какая-то безконечная, бездонная, безбрежная, безначальная и безконечная, спокойная меланхолія.

Вотъ жизнь въ томъ видѣ, въ какомъ долженъ

быть понимать ее обыкновенный здоровый разумъ чело-
вѣка классической эпохи.

Въ жизни, если смотришь на нее съ высоты и ви-
дишь ее такою, какою она должна быть, — классиче-
ской, — есть только тайна начала и меланхолия смерти.
Откуда произошла жизнь? Куда она стремится? Ка-
кова ея цѣль? Изъ усть сфинкса течетъ струя вѣчной
воды...

Если бы жизнь была такою, какою она казалась
Бэклину, то она была бы счастливою, была бы сча-
стьемъ. Старецъ ждетъ смерти, но три поколѣнія передъ
старостью — счастливы. Жизнь на самомъ дѣлѣ не та-
кова, но о такой жизни нужно мечтать и къ такой стре-
миться.

И вотъ Бэклинь, фантастическій Бэклинь, стоитъ
передъ нами съ безумной фантазіей, какъ мудрый и
добрый учитель, какъ платоновскій мудрецъ, спокой-
койный, разумный и великій учитель жизни.

Есть гдѣ-то на морѣ, пустынномъ, безконечномъ,
нездѣшнемъ морѣ, вѣчно молчаливомъ и вѣчно спя-
щемъ, скалистый островъ, полный кинарисовъ; какой-то
геній вѣчности высѣкъ входъ, высѣкъ въ скалахъ жи-
лица, и туда-то, черезъ эти молчаливыя, вѣчно сонныя
воды, на длинной лодкѣ черный перевозчикъ перепра-
вляетъ души умершихъ.

Полиѣйшій покой, — можно смотрѣть цѣлую вѣч-
ность и не увидѣть на этомъ морѣ ни бѣлаго паруса,
ни веселой лодки. Только иногда въ тихой, нѣмой лод-
кѣ черный перевозчикъ привозитъ сюда человѣческую

душу, закрытую бѣлымъ саваномъ; склонивъ голову, съ накрестъ сложенными руками, покорная и нѣмая, плыветъ она въ молчаніи, смерти въ эту пристань, чтобы никогда не вернуться изъ этого мрака, изъ этого моря.

Есть что-то религиозное въ этой картинѣ, и никогда, безусловно никогда ни одинъ художникъ-пейзажистъ не давалъ такъ глубоко потрясающаго душу настроенія, не давалъ пейзажа, который будилъ бы такъ глубоко потрясающую душу мысль.

Такая смерть — не драма, не трагедія. Эта картина грустна, но въ этой грусти нѣтъ ничего раздирающаго душу: это идиллія смерти.

Великій язычникъ, наиболѣе эллинскій умъ XIX вѣка, можетъ быть, наиболѣе эллинскій со времени существованія самихъ грековъ, не написалъ по примѣру Микель Анджело или Рубенса послѣдняго суда, не воссоздалъ по примѣру Данте трехъ состояній христіанскаго «послѣ смерти», — онъ написалъ тишину, спокойную пристань, безъ дьяволовъ и ангельскихъ хоровъ, вѣчное, молчаливое отдохновеніе существъ, которыя жили такъ, какъ должны были жить, какъ ихъ принудила къ этому «побѣдоносная, надъ всѣмъ царящая сила Природы»...

Тамъ нѣтъ даже скорби греческихъ элизейскихъ тѣней. Духъ Ахиллеса не тосковалъ бы здѣсь о дневномъ свѣтѣ, хотя онъ царь въ царствѣ тѣней. Здѣсь забвеніе всего, что было жизнью. Вѣрная, тихая пристань; душа вѣчно утопаетъ въ безбрежности, созерцаетъ синеву моря и синеву облаковъ, однотонную, невозмутимую,

безмѣрную. Въ той трагедіи, какою является смерть, такое понятіе о ней — самое безоблачное изъ всѣхъ, какія появлялись въ душѣ чеолвѣка. Бэклинь со своей почти безумной фантазіей, являясь добрымъ и мудрымъ учителемъ въ изображеніи жизни, становится великимъ и мудрымъ (утѣшителемъ, изображая смерть. «Островъ смерти» успокаиваетъ и утѣшаетъ. Можетъ быть, тамъ и въ дѣйствительности такъ, значитъ тамъ хорошо. Люди улыбаются, точно мгла съ луговъ на озеро. Идутъ отдыхать.

Двадцать слишкомъ вѣковъ, разсѣявшихся, какъ дымъ отъ вѣтра. Какъ лось, идущій сквозь чащу къ полянѣ, не чувствуетъ вѣтвей, такъ великій швейцарскій художникъ возвращается назадъ сквозь христіанскую эпоху въ глубь времени греческой мифологіи, въ самую существенную глубь ея, безъ усилія и труда. И вотъ возникаетъ цѣлый рядъ шедевровъ: фавны, нифмы, тритоны, центавры, паяды, морскія чудовища и морскіе призраки; величайшая фантазія въ этой области, быть можетъ, наибольшая изъ всѣхъ, какія только существовали со времени созданія мифовъ.

Вотъ бородатый Панъ, божество вѣчнаго безпокойства, испугалъ глупаго аркадскаго пастуха, убѣгающаго сломя голову вмѣстѣ съ козами въ горное ущелье; другой Панъ въ тростникѣ играетъ на свирѣли воздуху, голубому небу, водному тростнику, жабамъ и себѣ, — одинъ изъ шедевровъ Бэклина, который представляетъ собою цѣлую эпоху въ его жизни. До этого времени Бэклина не знали, его не признавали, онъ умиралъ съ го-

лоду вмѣстѣ со своей чудной римлянкой. Критика старалась его зарѣзать, критика *sui generis*, которая такъ же спѣшитъ «рѣзать», пѣть панегирики, или писать пасквили, какъ ничтожны и глупы тѣ головы, которыя ее создаютъ. Но Бэклинь пошелъ дальше. «Панъ въ тростникѣ» отдалъ ему мѣръ. Онъ побѣдилъ, какъ Вагнеръ, какъ Ибсенъ, — картина появлялась за картиной.

«Тишина моря»: — на скалтѣ, посреди совершенно зеркально-спокойнаго моря, полуженщина, полурыба съ волной распущенныхъ волосъ; на ея чешуйчатомъ хвостѣ — чайки, а подъ скалою въ морѣ лежитъ на спинѣ чудовищный водяной жукъ съ торчащимъ изъ воды колючимъ хвостомъ съ плавательными перьями; вокругъ пусто.

По этой картинѣ лучше всего можно составить себѣ представленіе о томъ, какъ Бэклинь творилъ свой мѣръ. Лицо nereиды женственно, но это не человѣческое лицо. Въ этомъ и проявился странный геній Бэклина: не искажая природы, онъ умѣетъ подчеркнуть разницу между мѣромъ человѣческимъ и сверхчеловѣческимъ или, вѣрнѣе, внѣчеловѣческимъ; эта nereида — не земная женщина и не только потому, что у нея рыбій хвостъ, а потому, что ея глаза, черты, выраженіе, все тѣло отъ поясицы, хотя и очень красивы, но не человѣчески-женственны. Мнѣ кажется, что никто въ этомъ не можетъ сравняться съ Бэклиномъ. Когда Рафаэль писалъ свою Галатею, съ стилизованными, какъ орнаменты, дельфинами, онъ рисовалъ удивительно кра-

сивыхъ женщинъ, у которыхъ только та особенность, что онѣ живутъ въ водѣ.

Если бы превосходная «*Diane chasserèsse*» Бенжамена Констана не была голой, съ лукомъ въ рукахъ, — она была бы просто прекрасной, царственной женщиной, Женщинами были бы также всѣ нимфы Рубенса, флорентійская и капитолійская Венера; но богиней осталась бы всегда Венера Милосская, богомъ остался бы Зевсъ Отриколійскій, — не могли бы быть людьми тритоны и nereиды Баклина.

Другая картина — «Тритонъ и Нереида»: она лежитъ на спинѣ, подложивъ руку подъ голову, страстно, дико и похотливо играя съ огромнымъ морскимъ ужомъ съ блестящей, пестрой кожей, играя имъ такъ, какъ первныя, чувственно извращенныя женщины играютъ съ кошками; тритонъ трубитъ въ рогъ въ сумеркахъ вечера.

«Идиллія страшной и таинственной стихіи, какою является море, идиллія, въ которой вмѣсто бабочки — ужъ, вмѣсто тихаго луга съ кузнечиками — угрюмый ревъ темныхъ волнъ», говоритъ Виткевичъ.

Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ шедевровъ Баклина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшая морская картина — «*Im Spiel der Wellen*». Центавръ погнался въ море за nereидой; та нырнула отъ него въ волны, показавъ ему только пятки и розовый задъ, и утонула въ прозрачной водѣ.

Огромный, жирный, бронзовый центавръ уже готовъ былъ поймать прекрасную добычу и... остодбенѣлъ,

вытаращилъ глаза, раскрылъ толстыя губы, развелъ косматыми руками....

Впереди nereida съ ногами, сросшимися въ рыбій хвостъ, сладострастная, лѣнивая, съ кораллами въ волосахъ, плыветъ, схвативъ рукою за плечо тритона, который обнялъ ее, — бородатаго тритона съ вѣнкомъ на головѣ; она смѣется; у nereidy тѣло, какъ весна, а въ глазахъ и губахъ — страсть... За ними изъ воды выглядываетъ что-то страшное; зеленая голова съ вытаращенными, чудовищными глазами, съ раздутыми щеками, и губами, лысая, съ колючимъ гребнемъ, какъ у нѣкоторыхъ рыбъ, на головѣ. Это голова — что-то вродѣ того, о чемъ Сенкевичъ любитъ писать: «вдругъ случилось нѣчто странное»...

У таинственной, непостижимой Природы нѣтъ тайнъ для Бэклина. Море показало ему свои чудеса, показало явно то, о чемъ поэты только мечтали.

«Молчаніе лѣса» (Das Schweigen im Walde). Какой-то странный звѣрь, у котораго ноги какъ бы лошадиныя, тѣло какъ бы ламы въ шкурѣ жирафа, на головѣ чудовищнаго животнаго одинъ длинный, прямой, конусообразный рогъ; на немъ ѣдетъ женщина, задумчивая, молчаливая, въ рубашкѣ съ обнаженными руками, сложенными на колѣнѣ. Животное ростомъ съ лошадь. Вокругъ лѣсныя деревья, между которыми просвѣчиваетъ воздухъ.

Отчего это «Молчаніе лѣса»? Отчего Бюргеръ написалъ свою «Ленору», Поэ — «Черную кошку», Метерлинкъ — «Семь принцессъ»? Кто же это знаетъ? Та-

кая мысль пришла имъ въ голову. Откуда? Почему? Что она значить? Что говорить? Есть ли это, собственно, мысль или, вѣрнѣе, результатъ долгаго раздумья? Вопросъ сводится къ одному: производитъ ли она впечатлѣніе? Говоря обиходнымъ языкомъ, — даетъ ли она настроеніе?

Настроеніе должно преслѣдовать одну задачу: привести душу въ необычайное состояніе, «настроить ее». Отчего Бэклину лѣсная тишина представилась именно такъ, а не какъ современный пустой лѣсъ, напримеръ, — на это никто не отвѣтитъ, да вѣрно и онъ самъ. Фактомъ является то, что этотъ человѣкъ не только, какъ никто другой, почувствовалъ греческіе мисы, но и творилъ свои собственные, такъ какъ женщина, которая ѣдетъ на странномъ конѣ, какъ пластическое понятіе, ни въ чемъ не уступаетъ центаврамъ или Пану. Фактомъ является и то, что картина навѣваетъ мечтательность и погружаетъ въ раздумье, значитъ она дѣлаетъ то, что и лѣсъ, когда онъ молчитъ, а потому достигаетъ цѣли.

Бэклинь умѣетъ удивительно передавать меланхолю, тоску, раздумье. «Вилла надъ моремъ», написанная имъ два раза, разъ въ сѣрыхъ матовыхъ тонахъ, разъ при закатѣ солнца, — одна изъ самыхъ грустныхъ картинъ, какія я знаю. Надъ моремъ, съ низкими берегами, уходящими въ безконечность, среди кипарисовъ, которые наклоняетъ морской вѣтеръ, среди роскошной, дикой, запущенной растительности, стоятъ развалины виллы; надъ самой водой, опершись о старую стѣну,

стоитъ женщина въ длинномъ платьѣ; она стоитъ въ позѣ, какую часто можно видѣть у людей, погруженныхъ въ грустное раздумье. Въ воздухѣ летаютъ чайки, кругомъ абсолютная пустота.

Глубокой, гнетущей тоскѣ этой картины не уступаютъ, если не превосходятъ ея, картина «Одиссей у нимфы Калипсо»...

Калипсо, почти голая, съ арфой сидитъ у входа въ гротъ; Одиссей на уступѣ скалы, спиной къ зрителю, смотритъ вдаль, на море. Высокая, похожая на столбъ фигура героя, въ длинной тогѣ, на возвышеніи и на фонѣ неба — необыкновенно сильный художественный эффектъ.

Тутъ, впрочемъ, сказывается и вліяніе поэмы, которую мы всѣ знаемъ: всѣ мы знаемъ, какъ велика тоска этого человѣка.

Намъ говорить о ней прекраснѣйшая, совершеннѣйшая поэма, какая есть на землѣ:

Онъ сидѣлъ тамъ у берега и плакалъ; и очи
Не высыхали отъ слезъ; а дни у прекрасной Калипсо
Злая тоска отравляла, къ богинѣ ужъ больше
Сердце его не лежало...
И цѣлыми днями сидѣлъ онъ одинъ у обрыва:
Скорбное сердце терзая слезами, печалью,
Въ дальяхъ пустыннаго моря тонулъ онъ глазами.

Въ галлерей гр. Шака въ Мюнхенѣ виситъ одна изъ первыхъ бэклинговскихъ картинъ; натискъ осенняго вѣтра такъ страшенъ, что листья, какъ туманъ, летятъ на землю съ согнувшихся деревьевъ. Среди нихъ

аллея, направо море, направо развалины. Все красно-золотистаго осенняго цвѣта въ лучахъ заходящаго солнца. Отъ картины бѣетъ пламя; сила колорита и пестрота ослѣпляютъ. Въ аллею, на гнѣдой лошади съ длиннымъ до земли хвостомъ и огромной, всклокоченной гривой, несущейся какимъ-то страннымъ, безумнымъ галопомъ, — въѣзжаетъ скелеть, закутанный въ покрывало. Это: «Ritt des Todes» — «Скачка смерти». Среди завыванія этого вѣтра, среди этихъ листьевъ, горящихъ въ кровавомъ отъ солнечныхъ лучей воздухѣ, среди этой пустыни, среди этой ревущей мертвенности моря и земли — скелеть на конѣ: это хватаетъ нервы такъ, какъ хватаетъ великанъ, схватившій горло.

Недалеко отъ этой картины виситъ другая, которую описываетъ Виткевичъ. Я позволю себѣ причести часть этого описанія. «Надъ болотомъ, поросшимъ тростникомъ, среди котораго плыветъ ручей и стоятъ вербы, — темною, истерзанною молніями тучей пролетаетъ Гроза, качая вѣтви деревьевъ и наклоняя стебли тростника. На землѣ лежитъ трупъ, котораго грабитъ убійца: все вполне естественно. Но за ручьемъ, черезъ который перекинута бревно, стоятъ три страшныя, отвратительныя вѣдьмы, — угрызенія совѣсти, или вообще эмблемы чудовищности и ужаса грѣха. Одна изъ нихъ, на тонкихъ, какъ палки, ногахъ, съ огромнымъ, распухшимъ лицомъ, въ вѣнкѣ изъ зеленыхъ змѣй, смотритъ какими-то страшными, расширенными кровавыми глазами; другія, дрожа отъ гнѣва, рвутся, замахнувшись змѣиными бичами». Вотъ слова Виткевича.

Картина по трагизму не уступает Макбету; мѣсто въ «Балладинѣ» (Словацкаго), послѣ убійства Алины:

Вѣтеръ мчитъ по землѣ, о сестрѣ говорить
И кричить ей: „убита! убита!“

хотя и сильное, становится почти блѣднымъ по сравненію съ этой картиной. Надо быть почти Эсхиломъ, чтобы такъ понять и представить преступленіе.

Если же мы теперь посмотримъ на такую, на примѣръ, римскую таверну, на такую картину, какъ «*Vinum Bonum*», гдѣ среди розъ и площа, въ ясномъ солнцѣ и ясной лазури поютъ и пляшутъ, едва держась на ногахъ, полупьяные римляне; если мы взглянемъ на идиллическую «Жалобу пастуха» по Горацию, или на прекрасную *Venus Anadiomene*, окруженную амурчиками и плывущую на кроткомъ морскомъ чудовищѣ, богиню, чувственныя черты которой напоминаютъ тиціановскихъ женщинъ; если вспомнимъ картины, о которыхъ я говорилъ раньше, — то такое разнообразіе фантазіи у одного человѣка должно вызвать изумленіе.

Но это еще не конецъ. Бэклинь также религіозный художникъ.

Съ прерафаэлитской простотой пишетъ онъ отшельника въ часовнѣ, играющаго на скрипкѣ, съ ангелами, которымъ сообщаетъ свои отличительныя, натуралистическія, реальныя черты, затѣмъ пишетъ анахорета, который бичуетъ себя на обрывѣ скалы, у креста, надъ которымъ кружатъ ждущіе смерти старца вороны; а затѣмъ обращается къ самымъ возвышеннымъ темамъ современной живописи: «Святіе со креста».

Описывать этихъ картинъ я не буду; я считаю прекраснѣйшей фигурой фигуру Матери Божіей, упавшей на тѣло Христа; лица ея не видно, и страданіе ея необыкновенно сильно выражено въ положеніи тѣла и рукъ. Эти картины, впрочемъ, могутъ отличаться достоинствами колорита отъ другихъ, имъ подобныхъ, но онѣ уже — «на данную тему», и если достоинство ихъ даже очень велико, а сами онѣ — новое доказательство разносторонности бэклинговскаго воображенія, то во всякомъ случаѣ не онѣ будутъ краеугольнымъ камнемъ его безсмертной славы.

Я не знаю, перечислилъ ли я хоть тридцатую часть всѣхъ картинъ, которыя написалъ Бэклингъ. Многихъ, разсѣянныхъ на пространствѣ отъ Швейцаріи до Азіи, я не могъ, конечно, видѣть; я говорю даже не о всѣхъ, которыя знаю, я старался лишь выбрать изъ извѣстныхъ мнѣ самыя характерныя и красивыя.

Бэклингъ оказалъ громадное вліяніе на современную живопись въ Германіи. Можно перечислить цѣлый рядъ художниковъ, — начиная отъ самаго талантливаго изъ нихъ, автора «Войны», «Грѣха», «Сфинкса», Франца Штука, — которые вышли изъ его школы. Но эта школа — обоюдоострое орудіе, такъ какъ, если этотъ «быть можетъ величайшій изъ всѣхъ колористовъ» умѣетъ, какъ никто другой, показать, къ какому идеалу должна стремиться и дойти живописная техника, то съ другой стороны, онъ, какъ творецъ, такъ самобытенъ, такъ оригиналенъ, что подражать, не подражая, ему невозмож-

но, т.-е., ясные выражаясь — не копируя и не передѣлывая.

Великіе таланты, почерпнувъ вдохновеніе у учителя, идутъ своей дорогой; малые — кружатся въ заколдованномъ имъ кругѣ.

Но не только въ Германіи, а во всей Европѣ распространился понемногу бэклинизмъ; въ польской живописи онъ особенно отразился на покойномъ незабвенной памяти Прушковскомъ.

И не только на живопись великій швейцарецъ наложилъ печать своей львиной руки; точно также уже проявилось его вліяніе въ скульптурѣ — (я видѣлъ, на примѣръ, въ Берлинѣ водяного жука надъ утонувшей женщиной, цѣликомъ скопированнаго съ бэклиновской картины) — и въ поэзіи (Вальдштрагъ и Никельманъ въ «Потонувшемъ колоколѣ» Гауптмана); его вліяніе, вѣроятно, проявится и въ музыкѣ. Развѣ «Острова смерти», «*Vita somnium breve*», «Виллы надъ моремъ», «Одиссея и Калипсо» не могъ бы превосходно иллюстрировать музыкой какой-нибудь Шопэнъ, Шуманъ или, на примѣръ, Григъ, который такъ дивно иллюстрировалъ въ своей сюитѣ фантастическаго ибсеновскаго Перъ-Гинта.

Бэклинь теперь самый сильный художникъ новаго искусства. Какое бы направленіе онъ ни выбралъ, оно склоняетъ передъ нимъ голову, такъ какъ Бэклинь принадлежитъ не школѣ, а искусству, не минутѣ, а исторіи. Онъ навсегда останется феноменомъ, какъ человѣкъ съ небывалой фантазіей и самобытностью,

онъ навсегда останется великимъ художникомъ для тѣхъ, для которыхъ искусство — священно.

Таковъ Бэклинь, таковъ этотъ человѣкъ, котораго родила исполинская мать-природа, которая переворачиваетъ моря и волнуетъ горы — и прекраснѣйшая дочь ея, Греція, греческая легенда, греческій миѳъ. Таковъ человѣкъ, передъ которымъ предстала великая, нагая, вѣчная, дивная Природа, со своимъ великолѣпнѣмъ красоты, исполинская, таинственная, чудотворная и страшная, подобная исполинской богинѣ, которая держитъ въ одной рукѣ лукъ и колчанъ смертоносныхъ стрѣлъ, а въ другой — цвѣты и бокаль вина. Таковъ человѣкъ, передъ которымъ среди дикихъ, безумныхъ, обрывистыхъ скалъ разлился потокъ, — тихій, свѣтлый ключъ, — передъ которымъ открылись гроты, таинственные, молчаливые гроты среди веселыхъ, пушистыхъ, волнистыхъ холмовъ, — гроты, обвитые плющомъ, гроты съ очаровательными входами, съ безумными, головокружительными безднами, похожими на восьмирукое чудовище. Таковъ человѣкъ, для котораго нѣтъ ничего непонятнаго, страннаго, нѣтъ неразгаданныхъ тайнъ, нѣтъ слишкомъ недоступныхъ сокровищъ; человѣкъ, которому Панъ свищетъ на свирѣли, какъ онъ 3000 лѣтъ тому назадъ свисталъ аттическому пастуху, — человѣкъ, передъ глазами котораго земля и небо, моря и тучи обожествляются, воплощаются въ человѣческія формы, для котораго рѣки, какъ нѣкогда, были «отчизною чистыхъ нимфъ», таинственные потоки — зеркалами, передъ которымъ въ каждомъ вѣтрѣ неся богъ, въ ка-

ждой волнѣ играли боги. Жизнь открылась ему, какъ глазамъ открываются высоты Альпъ, съ которыхъ сползаютъ тучи. Страшныя пропасти безднѣ тянутъ внизъ, гдѣ-то въ головокружительной высотѣ дышатъ вершины и острія горъ, пунцовыя, сапфировыя, серебряныя и золотыя волны ослѣпляютъ, отуманиваютъ глаза. Ему открылась жизнь, какъ хаосъ въ дни созданія, со всѣмъ ея чудовищнымъ богатствомъ, всѣмъ великолѣпнѣмъ и пышностью. Она, какъ водопадъ, брызнула передъ его глазами, какъ лава красокъ, формъ, мыслей и чувствъ.

Духъ Бэклина — торжествующій духъ.

Торжествующій духъ! Есть что-то въ душахъ человѣческихъ, что выше земли, выше земной жизни; есть что-то въ душахъ человѣческихъ, что началось гдѣ-то за землею, что рвется отъ земли, паритъ надъ ней. Какъ Зевсъ, приковавъ Прометея къ скалѣ, не смогъ сковать его мыслей, такъ надъ жизненными скорбями и печалями паритъ духъ, духъ внѣ земли, надъ землею рожденный. Тамъ его родина! Есть какой-то край, куда не могутъ проникнуть скорбь и печаль земная. Есть какой-то мистическій лугъ, гдѣ и среди травъ и полевыхъ цвѣтовъ,

И лилій, съ блестящимъ серебрянымъ пухомъ,
Ходятъ свободныя, чистыя души,
Чувствуя высшее счастье — быть духомъ!

Есть божество души человѣческой гдѣ-то высоко-высоко, гдѣ-то въ головокружительной вышинѣ, среди ледниковъ и высотъ исполинскихъ горъ, среди облаковъ и высочайшихъ вершинъ... Будемъ напрягать наши

глаза, будемъ напрягать плечи, грудь... Вы видите ихъ? Тамъ гдѣ-то, высоко, среди высочайшихъ скалъ, гдѣ-то еще, еще выше, гдѣ-то среди звѣздъ, гдѣ-то надъ звѣздами — видите?..

Въ огромномъ, въ безконечномъ, въ безбрежномъ Пространствѣ, среди вѣчной Тишины и вѣчнаго Свѣта—тамъ парить то, что божественно въ душѣ человѣческой, то, что торжествуетъ въ ней, то, что, какъ Природа, стоитъ выше всего, непобѣдимое ничѣмъ и никогда.

Бэклинъ родился въ Швейцаріи.

1899 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Она	1
Въ безконечность	4
Юбиларь	7
Тріумфъ	14
Колоколь утопленниковъ	51
„Баринъ“	57
Скульпторъ Мертень	67
Ксендзь Петръ	103
Сфинксъ (драматическая фантазія)	129
Корабль-призракъ (драматическая фантазія)	171
Флорентійскій вечеръ	191
Въ Карпатахъ	211
Изъ Desenzano	224
Изъ-подъ „Желѣзныхъ Воротъ“ и „Желѣзной Браны“	232
Арнольдъ Бэклинъ	241

090651/0786

5-50

